

Краснодарский университет МВД России

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ
ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА И ГРАЖДАНСКОГО
ПРОЦЕССА**

Материалы
V Всероссийской научно-практической конференции

(22 февраля 2018 г.)

Краснодар
2018

УДК 347.1
ББК 67.404
А43

Одобрено
редакционно-издательским советом
Краснодарского университета
МВД России

Редакционная коллегия:

А. В. Герасимов, кандидат юридических наук, доцент (председатель);
Д. Б. Данилов, кандидат юридических наук (заместитель председателя);
А. И. Макаренко (ответственный секретарь);
О. Н. Маркелова, Н. В. Жукова

Актуальные проблемы развития гражданского права и гражданского процесса : материалы V Всерос. науч.-практ. конф., 22 февр. 2018 г. / редкол. : А. В. Герасимов, Д. Б. Данилов, А. И. Макаренко, О. Н. Маркелова, Н. В. Жукова. – Краснодар : Краснодарский университет МВД России, 2018. – 278 с.

ISBN 978-5-9266-1367-1

Содержатся статьи, посвященные рассмотрению актуальных проблем реализации гражданского и процессуального законодательства, применения норм Гражданского кодекса Российской Федерации.

Для профессорского-преподавательского состава, докторантов, адъюнктов, соискателей, курсантов и слушателей образовательных организаций МВД России, сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации.

УДК 347.1
ББК 67.404

ISBN 978-5-9266-1367-1

© Краснодарский университет
МВД России, 2018

Айбатулина Алина Каримовна,
преподаватель кафедры гражданского процесса
СКФ ФГБОУВО «РГУП»

Жилищные права, как предмет защиты жилищных прав государственных служащих и членов их семей

Конституцией РФ в статье 40 установлено право каждого гражданина на жилище¹. Из данной нормы вытекает, что у граждан есть право иметь, пользоваться, распоряжаться жилыми помещениями, приобретенными на законных основаниях, также право на улучшение своих жилищных условий, право на предоставление жилья из государственного или муниципального фондов. Кроме того право на жилье регулируется нормами Жилищного кодекса РФ.

Видится необходимым исследовать вопрос о жилищных правах не просто гражданина РФ, а особого субъекта, коим является государственный служащий, для которого жилищные права возникнут только в силу трудовых отношений.

Для государственных служащих законодательство предусмотрело дополнительные гарантии, которые позволяют получить единовременную социальную выплату для приобретения или строительства жилого помещения, предоставление жилого помещения в собственность, предоставление жилого помещения жилищного фонда РФ по договору социального найма, предоставление жилых помещений специализированного жилищного фонда, денежная компенсация за наем (поднаем) жилых помещений.

Обладая вышеуказанными правами государственные служащие, могут столкнуться с необходимостью защиты своих жилищных прав в случае их нарушения.

Защита – это деятельность, которая возникает при наличии конкретного (совершенного) правонарушения либо направлена на устранение такого состояния, которое приведет к наступлению негативных последствий, а также направлена на восстановление нарушенного права².

Треушников М.К. писал, что средство защиты (иск) и предмет защиты (субъективное право) – это разные вещи. Средство защиты

---

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993)// Собрании законодательства РФ, 04.08.2014, № 31, ст. 4398.

² Жилищное право: учебник/ И.В. Балтутите, В.Р. Витлицкая, А.И. Гончаров и др. М.: Юриспруденция, 2016. 528с.

(иск) нужно для того, чтобы защитить то, что служит предметом защиты, т. е. субъективное право.¹ Таким образом, предметом защиты будет выступать субъективное жилищное право.

Субъективное жилищное право – это мера дозволенного поведения субъекта жилищного правоотношения. Субъективное жилищное право состоит из юридических возможностей, предоставленных субъекту².

В юридической науке и практике юридические возможности как составные части содержания субъективного жилищного права называются правомочиями, которые являются результатом различных комбинаций: правомочия требования на собственные действия; правомочия на защиту³.

Таким образом, видится необходимым разобраться с предметом защиты в зависимости от того каким субъективным жилищным правом обладает государственный служащий и члены его семьи.

Право на получение единовременной социальной выплаты.

Единовременная социальная выплата для приобретения или строительства жилого помещения предусмотрена для всех государственных служащих. Она является универсальным видом дополнительных гарантий государственных служащих.

Единовременная социальная выплата – это один из видов государственной социальной гарантии, осуществляющихся за счет бюджетных ассигнований, направленная на обеспечение жильем федеральных государственных гражданских служащих, предоставляемая единожды за все время прохождения государственной службы, в соответствии с нормами установленными российским законодательством.

Возникает закономерный вопрос, относится ли единовременная социальная выплата к жилищным правам или она имеет иную правовую природу?

Согласно статье 1 Жилищного кодекса Российской Федерации (далее – ЖК РФ) жилищные права – это права, вытекающие из жилищных правоотношений⁴.

---

¹ Гражданский процесс: учебник. 4-е изд., перераб. и доп./Под ред. М.К. Треушников. М.: Издательский Дом «Городец», 2011. – 832с. С- 227.

² Астапова Т.Ю. Жилищное право Российской Федерации: учебник / Т.Ю. Астапова, В.А. Баранов, В.В. Гушин. -2-е изд., перераб. –М.: Норма, 2009. – 352 с. С -28

³ Там же. С.28

⁴ Жилищный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 188-ФЗ (ред. от 31.12.2017)// Российская газета, № 1, 12.01.2005.

Думается, что единовременную социальную выплату можно отнести к жилищным правам в соответствии с одним из подходов определения жилищных прав; так, С.И. Сулова в своей монографии писала следующее: «жилищные права можно рассматривать как понятие собирательное, включающее в себя любые права, объектом которых выступает жилое помещение. Отсюда следует, что никаких особых «жилищных прав» не существует, никакими особыми признаками данные права не обладают, а лишь выступают в качестве некоего объединяющего начала, охватывающего широкий спектр различных прав. При этом не обладают спецификой и сами жилищные правоотношения, содержанием которых данные права являются. Единственным принципиальным признаком таких правоотношений становится объект – жилое помещение, позволившее аккумулировать разнородные по своей природе правоотношения в одну группу и назвать их жилищными, а права, составляющие их содержание, – жилищными правами. Такое решение вопроса по сути является основополагающим в современной науке жилищного права».¹

Так как единовременная социальная выплата предоставляется для приобретения жилого помещения, то она направлена на возникновение жилищных правоотношений. Предметом защиты будет выступать непосредственно субъективное право на получение или выплату единовременной социальной выплаты, которая будет составлять материальный предмет иска.

Так, например: дело по иску <ФИО> к ГУ МВД России по Свердловской области, МВД России о признании права на получение единовременной социальной выплаты для приобретения или строительства жилого помещения, признании необоснованным и незаконным решение об отказе в принятии на учет для получения единовременной социальной выплаты²; дело по иску Митрофанова Владимира Сергеевича к УМВД России по <адрес> о взыскании единовременной социальной выплаты на приобретение или строительство жилого помещения³, дело по иску Гусаковой Н.С. к Федеральной службе государственной регистрации, кадастра и картографии о признании реше-

---

¹С.И. Сулова. Жилищные права: понятие и система. Монография. М.: ИД «Юриспруденция», 2011.-224с. [Электронный ресурс]. –URL: http://livelaw.info/assets/files/content/Jilishnie%20prava_Suslova.pdf

² Решение Верх-Исетского районного суда г. Екатеринбурга от 10 мая 2017 г. по делу № 2-2505/2017 [Электронный ресурс]. – URL: <http://sudact.ru/regular/doc/wkwM0Inq5sbX/>

³ Решение Центрального районного суд а г. Омска от 9 февраля 2017 г. по делу № 2-459/2017 [Электронный ресурс]. – URL: <http://sudact.ru/regular/doc/OH7whgZApLNC/>

ния об отказе в постановке на учет незаконным, обязанности поставить на учет¹.

Право на предоставление жилого помещения в собственность.

Жилое помещение может быть предоставлено в собственность, приобретенное (построенное) за счет ассигнований федерального бюджета, лицам, имеющим право на единовременную социальную выплату.

Жилые помещения, оформленные в установленном порядке в собственность Российской Федерации и закрепленные на праве оперативного управления за государственными органами, предоставляются сотрудникам и инвалидам на основании их заявления о предоставлении жилого помещения в собственность.²

Предметом защиты по данной категории будет выступать право предоставления жилого помещения, предоставляемое в собственность.

Приведем примеры: дело по иску Бирюкова В. В. к начальнику УМВД России по Архангельской области Волочкову С. А., УМВД России по Архангельской области о возложении обязанности предоставить в собственность жилое помещение;³ дело по исковому заявлению Потемкина Сергея Юрьевича к Управлению МВД России по Костромской области, ТУ Росимущества в Костромской области о признании права собственности на квартиру в порядке приватизации⁴.

Право на предоставление жилого помещения жилищного фонда РФ по договору социального найма

В соответствии с п.2 ч.2 ст. 19 ЖК РФ государственный жилищный фонд – совокупность жилых помещений, принадлежащих на праве собственности Российской Федерации (жилищный фонд Российской Федерации), и жилых помещений, принадлежащих на праве собственности субъектам Российской Федерации (жилищный фонд субъектов Российской Федерации)⁵.

---

¹ Решение Таганский районный суд (Город Москва) от 5 марта 2012 г. по делу № 2-499/2012 [Электронный ресурс]. – URL: <http://sudact.ru/regular/doc/OJ7wwEMHQc55/>

² Постановление Правительства РФ от 30.12.2011 № 1235 (ред. от 07.08.2017) «О порядке предоставления жилого помещения в собственность отдельным категориям граждан» (вместе с «Правилами предоставления жилого помещения в собственность отдельным категориям граждан»)// Российская газета, № 10, 21.01.2013.

³ Решение Октябрьского районного суда г. Архангельска 2017 от 11 мая 2017 г. по делу № 2-2443/2017 [Электронный ресурс]. – URL: <http://sudact.ru/regular/doc/zXjHD6tYHyxv/>

⁴ Решение Свердловского районного суда г. Костромы от 10 мая 2017 г. по делу № 2-1551/2017 [Электронный ресурс]. – URL: <http://sudact.ru/regular/doc/59Fo25BO89xu/>

⁵ Российская газета, № 1, 12.01.2005.

В соответствии со ст.6 ФЗ № 247 и ст. 6 ФЗ № 283 сотрудникам, гражданам Российской Федерации, уволенным со службы, принятым на учет в качестве нуждающихся в жилых помещениях до 1 марта 2005 года и совместно проживающим с ними членам их семей предоставляются жилые помещения жилищного фонда по договору социального найма с последующей передачей этих помещений в муниципальную собственность.¹

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что законодатель ограничил права на получение жилого помещения жилищного фонда РФ по договору социального найма, поскольку это возможно только в том случае, если государственный служащий (уволенный государственный служащий) встал на учет в качестве нуждающегося до 1 марта 2005 года.

Предметом защиты будет выступать право на предоставления (пользования) жилого помещения по договору социального найма.

Примеры: дело по иску Кондратьева Н.Н к Управлению *** по *** области о предоставлении жилого помещения по договору социального найма жилого помещения;² дело по иску ГУ МЧС России по Приморскому краю к Олесик В.П., Олесик О.А., Олесик А.В. о выселении из служебного помещения и встречному иску Олесик В.П. к ГУ МЧС России по Приморскому краю о признании права пользования жилым помещением на условиях социального найма.³

Право на предоставление жилых помещений специализированного жилищного фонда и право на денежную компенсацию за наем (поднаем) жилых помещений.

В качестве специализированных жилых помещений используются жилые помещения государственного и муниципального жилищных фондов, таковыми они признаются лишь после отнесения их к специализированному жилищному фонду с соблюдением установленных требований.

---

¹ Федеральный закон от 19.07.2011 № 247-ФЗ (ред. от 29.07.2017) «О социальных гарантиях сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 25.07.2011, № 30 (ч. 1), ст. 4595.; Федеральный закон от 30.12.2012 № 283-ФЗ (ред. от 05.12.2016, с изм. от 19.12.2016) «О социальных гарантиях сотрудникам некоторых федеральных органов исполнительной власти и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 31.12.2012, № 53 (ч. 1), ст. 7608.

² Решение Первомайский районный суд г. Мурманска от 22 сентября 2014 г. по делу № 2-5549/2014 [Электронный ресурс]. – URL: <http://sudact.ru/regular/doc/dpY6U9WWcl1r/>

³ Определение Приморского краевого суда от 21 марта 2016 г. по делу № 33-2551/2016 [Электронный ресурс]. – URL: <http://sudact.ru/regular/doc/wsxoJCFYhaNn/>

Статьей 8 ФЗ № 247 и ст. 8 ФЗ № 283 предусмотрены положения о предоставлении жилых помещений специализированного жилищного фонда сотруднику, не имеющему жилого помещения в населенном пункте по месту службы и совместно проживающим с ним членам его семьи.

Пунктом 6 Инструкция № 490 МВД России установлено, что решение о предоставлении жилых помещений специализированного жилищного фонда принимается Жилищной комиссией по вопросам предоставления жилых помещений специализированного жилищного фонда, создаваемой в центральном аппарате МВД России приказом МВД России, а в подразделениях системы МВД России – приказом начальника (руководителя) подразделения системы МВД России¹.

Условия предоставления жилого помещения специализированного жилищного фонда предоставляются сотрудникам учреждений и органов уголовно-исполнительной системы, федеральной противопожарной службы Государственной противопожарной службы и таможенных органов Российской Федерации, которые не имеют жилого помещения по месту службы и которым не выплачивается денежная компенсация за наем (поднаем) жилого помещения установлены Правилами предоставления жилых помещений специализированного жилищного фонда сотрудникам учреждений и органов уголовно-исполнительной системы, Федеральной противопожарной службы Государственной противопожарной службы и таможенных органов Российской Федерации, утвержденные Постановлением Правительства РФ от 16.03.2013 № 217.²

Предметом защиты будет выступать право на предоставление (пользования) жилого помещения специализированного жилищного фонда.

Примеры: дело по иску ФИО2 к Управлению министерства внутренних дел Российской Федерации по <адрес> о признании незаконным решения жилищно-бытовой комиссии, обязанности поставить на учет для предоставления служебного жилого помещения.³

Еще одним правом, которым наделены вышеуказанные государственные служащие в силу ст. 8 ФЗ № 247 и ФЗ № 283 это право на

---

¹ Приказ МВД России от 06.05.2012 № 490 (ред. от 20.08.2014) «Об организации работы по предоставлению жилых помещений специализированного жилищного фонда органов внутренних дел Российской Федерации (служебных жилых помещений и жилых помещений в общежитиях)»// Российская газета, № 132, 13.06.2012.

² Собрание законодательства РФ, 25.03.2013, № 12, ст. 1320

³ Решение Центрального районного суда г. Хабаровска от 19 мая 2017 г. по делу № 2-1658/2017 [Электронный ресурс]. – URL: <http://sudact.ru/regular/doc/6kS4owaG1KYc/>

денежную компенсацию за наем (поднаем) жилого помещения, что и составляет предмет защиты.

Сотруднику, не имеющему жилого помещения по месту службы, ежемесячно выплачивается денежная компенсация за наем (поднаем) жилого помещения в порядке и в размерах, которые определяются Правительством Российской Федерации.

Однако в отношении остальных государственных служащих, законодательством в достаточной мере не урегулирован вопрос о предоставлении жилого помещения жилищного фонда РФ по договору социального найма, о предоставлении жилых помещений специализированного жилищного фонда и денежная компенсация за наем (поднаем) жилых помещений.

Федеральный закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» (далее – ФЗ № 79) содержит единственное положение о предоставлении жилого помещения или о денежной компенсации за наем (поднаем) в п. 9.2 ч.1 ст. 52 обеспечение гражданского служащего, назначенного в порядке ротации на должность гражданской службы в государственный орган, расположенный в другой местности в пределах Российской Федерации, служебным жилым помещением, а при отсутствии по новому месту службы служебного жилого помещения – возмещение гражданскому служащему расходов на наем (поднаем) жилого помещения.¹

В свою очередь ЖК РФ ст. 93 закрепляет, что служебные жилые помещения предназначены для проживания граждан в связи с характером их трудовых отношений с органом государственной власти, органом местного самоуправления, государственным или муниципальным унитарным предприятием, государственным или муниципальным учреждением, в связи с прохождением службы, в связи с назначением на государственную должность Российской Федерации или государственную должность субъекта Российской Федерации либо в связи с избранием на выборные должности в органы государственной власти или органы местного самоуправления.²

При анализе нормы ст. 93 ЖК РФ, можно сказать, что она является универсальной в определении органов государственной власти и местного самоуправления, с которыми граждане состоят в трудовых отношениях. Что же касается судебных органов, то в своей диссертации Селезнева Н.М. указала, что в юридическом значении суд – это орган государства, осуществляющий судебную власть путем отпра-

---

¹ Российская газета, № 162, 31.07.2004

² Российская газета, № 1, 12.01.2005.

ления правосудия при рассмотрении гражданских и уголовных дел, дел об административных правонарушениях, экономических споров и некоторых других категорий дел, в порядке, установленном процессуальным законодательством.¹

Судебная власть и суд (судебная система) не могут существовать раздельно. С этой точки зрения суд – независимый от иных публичных и частноправовых структур орган судебной власти, деятельность которого направлена на установление истины, восстановление справедливости, разрешение споров и наказание виновных лиц в форме, установленной законом. В подчеркивании нетождественности судебной власти и судов видится прежде всего стремление обеспечить их гармоничное единство. Неэффективная судебная система порождает в итоге судебную власть, а последняя оторванная от судебной системы, превращается в пустое сотрясение воздуха.²

Как верно указал в своей статье Михайлов К.В. «нормативное регулирование обеспечения гражданских служащих, включая работников аппарата федерального арбитражного суда, служебными жилыми помещениями содержит коллизию указанных выше норм, в том числе обладающих одинаковой юридической силой как принятых федеральным законодателем: с одной стороны, Закон № 79-ФЗ по общему правилу не предусматривает возможности обеспечения служебными жилыми помещениями названных работников (за исключением случаев ротации), с другой стороны, ЖК РФ, напротив, закрепляет возможность предоставления служебных жилых помещений гражданам, проходящим службу различных видов, к которым согласно п. 1 ст. 2 Федерального закона от 27 мая 2003 г. № 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации» относится и государственная гражданская служба»³

Таким образом, мы делаем вывод о наличии коллизии в нормах права регулирующих вопрос предоставления служебного жилья или денежной компенсации за наем (поднаем) государственным служащим.

Система государственной службы единая, однако, органы, в которых работают государственные служащие разные. Следовательно,

---

¹ Селезнева, Наталия Михайловна. Статус суда в Российской Федерации: конституционно-правовые вопросы : диссертация ... кандидата юридических наук : 12.00.02. - Саратов, 2004. - 213 с. : ил.

² Там же. С.22

³ Михайлов К.В. Проблемы нормативного регулирования обеспечения работников аппарата федерального арбитражного суда служебными жилыми помещениями // Администратор суда. 2017. № 1. С. 38 - 42.

подход к обеспечению жильем должен быть с учетом тех структур, с которыми

Таким образом, необходим грамотный подход к решению выявленной коллизии с учетом рисков, для того, чтобы обеспечить права нуждающихся в жилье государственных служащих и предупредить злоупотребление правом.

Баранников Максим Сергеевич,
ведущий специалист 1 разряда
Аппарата Государственной Думы

Тенденции развития законодательства, регулирующего требования к оказанию юридических услуг

Реализация реформы сферы юридических услуг, обсуждаемой в той или иной форме с 2009 года, воплотилась в последнее время в ряд законодательных инициатив. В частности, следует отметить некоторые тенденции, характерные для перспектив нормативного регулирования указанной сферы.

Так, проектом федерального закона № 273154-7 «Об осуществлении представительства сторон в судах и о внесении изменений в отдельные законодательные акты» [1], внесенным 27.09.2017 депутатами Государственной Думы П.В. Крашенинниковым, М.Д. Ооржаком, А.Е. Загребиним и др., предлагается включить в Гражданский и Арбитражный процессуальные кодексы Российской Федерации (далее соответственно – ГПК РФ, АПК РФ) нормы о профессиональном представительстве в судах по аналогии со статьей 55 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации. В частности, законопроектом предлагается ввести положение о том, что представителями граждан и организаций для ведения гражданских и административных дел в судах и дел в арбитражных судах вправе быть российские граждане, которые имеют высшее юридическое образование, полученное по имеющей российскую государственную аккредитацию образовательной программе, либо присвоенную в Российской Федерации ученую степень по юридической специальности, либо имеющие юридическое образование, полученное за рубежом и сдавшие профессиональный экзамен по юридической специальности в общероссийской общественной организации граждан, которые имеют юридическое образование. Исключение составляют лица, являющиеся

законными представителями, указанные в статье 52 ГПК РФ и части 2 статьи 59 АПК РФ.

Следует также отметить, что 07.02.2018 Верховным Судом Российской Федерации в Государственную Думу был внесен комплексный проект федерального закона № 383208-7 «О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации, Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации, Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» (о реформе процессуального законодательства) [2]. В целях обеспечения права на квалифицированную юридическую помощь указанным законопроектом предлагается закрепить в ГПК РФ и АПК РФ положение о том, что помимо адвокатов представителями в суде могут быть только лица, имеющие высшее юридическое образование. Кроме того, законопроект устанавливает возможность участия в деле, рассматриваемом по правилам ГПК РФ, АПК РФ, КАС РФ, наряду с представителем поверенного, объем полномочий которого существенно меньше, чем у представителя, поэтому требование о наличии высшего юридического образования к нему не предъявляется.

Адвокатское сообщество готово в целом поддержать закрепление положения о том, что помимо адвокатов представителями в суде могут быть только лица, имеющие высшее юридическое образование. Как было отмечено 22.02.2018 в ходе заседания Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации, «это шаг в верном направлении, который в ближайшее время следует доработать в ходе реализации реформы рынка юридической помощи, перейдя к единому профессиональному представительству» [3].

Учитывая обозначенные тенденции, особое внимание, на наш взгляд, стоит уделить вопросу надлежащего обеспечения ответственности профессиональных услугодателей.

Представляется, что в настоящее время в целях повышения ответственности исполнителя за качество юридических услуг одним из наиболее предпочтительных способов является страхование гражданско-правовой ответственности исполнителя в пользу заказчика за неисполнение либо ненадлежащее исполнение обязательства по оказанию юридических услуг. Как справедливо указывается в научной литературе, для европейских государств система обязательного страхования профессиональной ответственности является почти такой же привычной, как и обязательное страхование ответственности автовладельцев [4, с. 20]. Следует отметить, что нормы об обязательном

страховании профессиональной ответственности адвокатов установлены законодательством Германии, Франции, Великобритании, Японии, Финляндии, Нидерландов [5, с. 47, 49]. При этом можно выделить различные системы страхования профессиональной ответственности, но ее существование является обязательным. Помимо этого, следует отметить, что согласно процессуальному законодательству ряда указанных государств лицо, не имеющее соответствующий статус, может представлять интересы другого лица только в малозначительных делах.

И здесь полагаем уместным согласиться с мнением В. И. Серебровского, который писал: «...в качестве способа элиминирования или ограничения риска страхование приводит к ряду последствий, чрезвычайно важных для отдельного человека и для всего народного хозяйства... Но роль страхования этим не исчерпывается. Элиминируя или ослабляя момент риска, страхование тем самым дает носителю хозяйственной деятельности — человеку — возможность с уверенностью взирать в неизвестное будущее. Таким образом, страхование имеет и моральное значение: оно стимулирует активность человека» [6, с. 145].

Участниками страховых отношений являются страховщик, страхователь, выгодоприобретатель и застрахованное лицо (если речь идет о личном страховании). Соответственно, в случае страхования ответственности исполнителя в договоре оказания юридических услуг исполнитель услуги будет выступать в качестве страхователя, а заказчик – выгодоприобретателя.

В качестве страховщика будет выступать избранная сторонами страховая компания, отвечающая всем требованиям, предъявляемым к страховщикам статьей 5 Закона РФ от 27 ноября 1992 года № 4015-1 «Об организации страхового дела в Российской Федерации» [7] (далее – Закон об организации страхового дела).

Согласно нормам названного закона, в качестве страховщика может выступать только юридическое лицо, которое создано для осуществления страховой деятельности. Если данное юридическое лицо представляет собой коммерческую организацию, то она будет обладать специальной правоспособностью. Статьей 6 Закона об организации страхового дела установлены виды деятельности, занятие которыми исключено для юридических лиц, наделенных правом выступления в качестве страховщиков – производственная, торгово-посредническая или банковская деятельность.

Некоммерческие организации – общества взаимного страхования – вправе осуществлять только взаимное страхование (пункт 2 статьи 968 ГК РФ), поэтому не могут быть избраны в качестве страховщика ответственности исполнителя по договору возмездного оказания юридических услуг.

В соответствии со статьей 938 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) и статьей 32 Закона об организации страхового дела страховая деятельность является лицензируемой. Важно отметить, что страховая компания должна иметь лицензию на осуществление не просто страхования как такового, а соответствующего его вида. Следовательно, юридическое лицо вправе осуществлять только те виды страховой деятельности, которые прямо обозначены в лицензии.

Таким образом, в качестве страховщика сторонами договора оказания юридических услуг должна быть избрана коммерческая организация, обладающая соответствующей лицензией.

Уместно подчеркнуть, что страхование исполнителем своей ответственности по договору оказания юридических услуг относится к имущественному страхованию, а именно к страхованию риска. В настоящее время по форме такое страхование может являться как добровольным, так и обязательным.

Нормы, предусматривающие подобную обязанность для некоторых лиц, выступающих в качестве исполнителей юридических услуг, уже содержатся в законодательстве. Так, согласно статье 19 Федерального закона от 31 мая 2002 года № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» [8] (далее – Закон об адвокатуре) адвокат осуществляет в соответствии с федеральным законом страхование риска своей профессиональной имущественной ответственности за нарушение условий заключенного с доверителем соглашения об оказании юридической помощи. В то же время действие указанной статьи было приостановлено до принятия отдельного нормативного акта, регулирующего вопросы обязательного страхования профессиональной ответственности адвокатов. На сегодняшний момент необходимый федеральный закон до сих пор не принят, что следует отнести к безусловным недостаткам правового регулирования сферы ответственности исполнителя по договору оказания юридических услуг.

В соответствии с пунктом 1 статьи 17 Основ законодательства РФ о нотариате [9] нотариус, занимающийся частной практикой, несет полную имущественную ответственность за вред, причиненный

по его вине имуществу гражданина или юридического лица в результате совершения нотариального действия с нарушением закона, а также полную имущественную ответственность за реальный ущерб, причиненный неправомерным отказом в совершении нотариального действия либо разглашением сведений о совершенных нотариальных действиях, если иное не установлено действующим законодательством. Этой же статьей предусмотрено, что указанный вред возмещается за счет страхового возмещения по договору страхования гражданской ответственности нотариуса, или в случае недостаточности этого страхового возмещения – за счет страхового возмещения по договору коллективного страхования гражданской ответственности нотариуса, заключенного нотариальной палатой, или в случае недостаточности последнего страхового возмещения – за счет личного имущества нотариуса, или в случае недостаточности его имущества – за счет средств компенсационного фонда Федеральной нотариальной палаты.

В силу прямого указания статьи 18 Основ законодательства РФ о нотариате страхование профессиональной ответственности нотариуса по форме является обязательным страхованием. Следует положительно отметить то обстоятельство, что данным нормативным актом очень подробно и обстоятельно урегулированы вопросы, касающиеся существенных условий любого договора страхования, в том числе и договора страхования гражданско-правовой ответственности.

В соответствии со статьей 930 ГК РФ страхование риска наступления ответственности по договору представляет собой страхование имущественного интереса. Согласно статье 942 ГК РФ существенными условиями договора имущественного страхования являются страховой интерес (имущественный интерес, являющийся объектом страхования), страховой случай (характер события, на случай наступления которого осуществляется страхование), размер страховой суммы и срок действия договора.

Объектом страхования по договору страхования гражданской ответственности, согласно статье 18 Основ законодательства РФ о нотариате, являются имущественные интересы, связанные с риском ответственности нотариуса, занимающегося частной практикой, по обязательствам, возникающим вследствие причинения имущественного вреда гражданину или юридическому лицу, обратившимся за совершением нотариального действия, и (или) третьим лицам при осуществлении нотариальной деятельности.

Предлагая использовать договор страхования в качестве альтернативы возмещению убытков как способу гражданско-правовой ответственности исполнителя в договоре оказания юридических услуг, мы исходим из того, что предоставление сторонам подобной правовой возможности поможет защитить имущественные интересы заказчика как объективно более слабого участника данных правоотношений. Если исполнитель юридической услуги не в состоянии выполнять условия договора и оказывать качественную услугу, в результате чего имущественные интересы заказчика страдают, то представляется нецелесообразной ситуация, когда для защиты своих имущественных интересов заказчик будет вынужден обращаться к другому лицу, оказывающему юридические услуги с тем, чтобы защищать свои интересы в судебном порядке.

Как представляется, существует настоятельная потребность в принятии федерального закона, который предусмотрел бы обязательное страхование гражданско-правовой ответственности любых лиц, оказывающих юридические услуги, который бы распространялся как на участников профессиональных сообществ, так и на юридических и физических лиц, оказывающих юридические услуги. Потребность в принятии такого нормативного акта в настоящее время обусловлена тем обстоятельством, что недостатки существующего правового регулирования страховых правоотношений препятствуют широкому использованию обязательного страхования как альтернативы гражданско-правовой ответственности исполнителя за некачественное оказание юридической услуги. К проблемам, которые были выявлены на практике при попытке внедрить страхование профессиональной ответственности адвокатов как добровольное, можно отнести проблемы определения страховой суммы и страховых тарифов.

Страховой интерес в данном случае определен нормами закона – это риск наступления имущественной ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательства. Следует признать удачной формулировку, использованную в статье 18 Основ законодательства РФ о нотариате, согласно которой страховым случаем по договору страхования гражданской ответственности нотариуса является установленный вступившим в законную силу решением суда или признанный страховщиком факт причинения имущественного вреда гражданину или юридическому лицу действиями (бездействием) нотариуса, занимающегося частной практикой, в результате совершения нотариального действия, противоречащего законодательству России, либо неправомерного отказа в совершении нотариального действия,

подтвержденного постановлением нотариуса, а также разглашения сведений о совершенном нотариальном действии.

С нашей точки зрения, подобная формулировка должна носить общий характер и быть закреплена соответствующим нормативным актом. Такая норма должна быть достаточно четкой и охватывать как полное неисполнение договора, так и его ненадлежащее исполнение. Логичным представляется законодательное установление предельных страховых сумм аналогично тому, как это было сделано для иных случаев обязательного страхования гражданско-правовой ответственности (например, для обязательного страхования гражданско-правовой ответственности за причинение вреда владельцами транспортных средств).

Статья 18 Основ законодательства РФ о нотариате устанавливает, что размер страховой суммы по договору страхования гражданской ответственности нотариуса не должен быть менее 2 млн руб. по договору страхования гражданской ответственности нотариуса, имеющего нотариальную контору в городском поселении, 1,5 млн руб. – по договору страхования гражданской ответственности нотариуса, имеющего нотариальную контору в сельском поселении. Нотариус, занимающийся частной практикой и удостоверяющий договоры ипотеки, а также договоры по распоряжению недвижимым имуществом, обязан заключить договор гражданской ответственности на сумму не менее 5 млн руб.

Полагаем, что при страховании ответственности исполнителя по договору оказания юридической услуги как нормы, общей для всех лиц, занимающихся указанной деятельностью, речь должна идти о достаточно крупных суммах. Такой подход будет стимулировать исполнителя к более качественному исполнению своих обязанностей.

Определенность страховой суммы позволит рассчитать страховые тарифы и разработать систему поправочных коэффициентов к ним. По нашему мнению, вполне обоснованной являются нормы статьи 18 Основ законодательства РФ о нотариате, согласно которой страховые тарифы по договору страхования гражданской ответственности нотариуса определяются страховщиком с учетом обстоятельств, влияющих на степень риска возникновения ответственности нотариуса, в том числе опыта работы нотариуса по совершению нотариальных действий и случаев возникновения обязанности нотариуса по возмещению имущественного вреда, причиненного третьим лицам.

При разработке общего тарифа для страхования ответственности любого исполнителя следует оценить уровень его образования и ча-

стоту повышения квалификации, а также опыт работы в данной сфере для первичного страхования, а в дальнейшем — количество страховых случаев. Полагаем, что разработанная система страховых тарифов может быть достаточно гибкой и учитывать все нюансы взаимоотношений между исполнителем и заказчиком.

Согласно статье 18 Основ законодательства РФ о нотариате договор страхования гражданской ответственности нотариуса заключается на срок не менее чем один год с условием возмещения имущественного вреда, причиненного в период действия данного договора, в течение срока исковой давности, установленного законодательством Российской Федерации для договоров имущественного страхования. Договор также может предусматривать более продолжительные сроки и иные не противоречащие закону условия возмещения такого вреда. Договор вступает в силу с момента уплаты страхователем первого страхового взноса, если законодательством Российской Федерации не предусмотрено иное.

Полагаем, что в нормативном акте, регулирующем вопрос о страховании ответственности любого исполнителя юридической услуги, в качестве общего правила следует предусмотреть годичный срок как предельный срок договора страхования ответственности. По нашему мнению, годичный срок является оптимальным сроком, охватывающим в среднем взаимоотношения сторон по оказанию юридической услуги от стадии обращения лица до окончания представления его интересов во всех возможных судебных инстанциях.

Для более широкого использования сторонами договора оказания юридических услуг указанной возможности необходимо более детальное правовое регулирование императивных требований законодателя к страхованию гражданско-правовой ответственности исполнителя по договору оказания юридических услуг.

Литература

1. Система обеспечения законодательной деятельности ГАС «Законотворчество». URL: <http://sozd.parlament.gov.ru/bill/273154-7>.

2. Система обеспечения законодательной деятельности ГАС «Законотворчество». URL: <http://sozd.parlament.gov.ru/bill/383208-7>.

3. В ФПА обсудили законопроект Верховного Суда. URL: http://fparf.ru/news/all_news/news/47065/.

4. Наумов Д.В. Механизмы страхования профессиональной ответственности адвокатов за рубежом // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2010. № 9 (108). С. 20.

5. Кучерена А.Г. Научно-практический комментарий к Федеральному закону от 31 мая 2002 года «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» М. : Деловой двор, 2009. С. 47, 49.

6. Серебровский В.И. Избранные труды по страховому и наследственному праву. М. : Статут, 2001. С. 145.

7. Об организации страхового дела в Российской Федерации : Закон Рос. Федерации от 27 нояб. 1992 г. № 4015-1 // Российская газета. – 1993. – 12 янв.

8. Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации : Федеральный закон от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ : принят Гос. Думой 26 апр. 2002 г. // Российская газета. – 2002. – 05 июня.

9. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате : утв. ВС РФ 11 фев. 1993 г. № 4462-1 // Ведомости СНД и ВС РФ. – 1993. – № 10, ст. 357.

Барков Алексей Владимирович,
доктор юридических наук, профессор,
профессор департамента правового регулирования экономической
деятельности Финансового университета при Правительстве РФ
(Financial University)

**Методологические и научно теоретические основы
моделирования российского экологического предпринимательства
как объекта правового обеспечения¹**

Актуальность исследования экологического предпринимательства, как объекта правового обеспечения, заключается в необходимости поиска новых социально-инновационных подходов к решению экологических проблем, следствием которых является загрязнение окружающей среды и снижение качества жизни и экологической защищенности российских граждан до критического уровня². Сегодня во многих странах правовое обеспечение устойчивого социально-экономического прогресса рассматривается в неразрывной связи с гарантированным соблюдением экологических прав человека на охрану

---

¹ Статья выполнена при финансовой поддержке российского Фонда Фундаментальных исследований (проект №18-011-00792 А)

² Интерфакс. URL: <http://www.interfax.ru/russia/453429> (дата обращения 13.08.2017).

окружающей среды.¹ При этом, одним из эффективных факторов обеспечения устойчивого социально-экономического развития регионов признается экологическое предпринимательство². Однако, в вопросе о том, что следует понимать под экологическим предпринимательством, каким инструментарием следует осуществлять его правовое обеспечение, единство среди ученых и практиков отсутствует.

Не смотря на принятие на пятнадцатом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ (Постановление № 15-6 от 13 июня 2002 г.) Модельного закона об основах экологического предпринимательства³, в Российской Федерации его легализация не состоялась. Российское законодательство ограничилось декларацией в ст. 17 ФЗ «Об охране окружающей среды», что предпринимательство, осуществляемое в целях охраны окружающей среды, поддерживается государством посредством установления налоговых и иных льгот в соответствии с законодательством, но при этом не обеспеченной необходимыми государственными гарантиями. В связи с этим, серьезно говорить о наличии правовых основ экологического предпринимательства в России не представляется возможным. В мировой практике экологическое предпринимательство рассматривается как часть более общего, глобального явления – социального предпринимательства, положительно себя зарекомендовавшего в решении различных, включая экологических, проблем. В этих условиях чрезвычайно значимым представляется разработка теоретической социально-правовой модели развития российского экологического предпринимательства, с учетом зарубежного передового социально предпринимательского правоприменительного опыта.

Важнейшее значение для исследования научной проблемы играет выбор методологии, задающей познавательный вектор научно-исследовательскому аппарату, конкретизирующей, наполняющей содержанием каждый из элементов понятийного аппарата квалификационной части исследования⁴ и в итоге определяющей результаты ра-

---

¹ См.: Международный пакт по окружающей среде и развитию 1995 г. Draft International Covenant on Environment and Development. IUCN. URL: <https://portals.iucn.org>

² См.: Климова С.И., Фокина Л.В., Яковлева Л.Ю. Экологическое предпринимательство как вектор развития общества и экономики // Мир науки, культуры, образования. 2015. №1. С.400-403.

³ Портал: Законы России. URL https://lawrussia.ru/texts/legal_744/doc744a417x494.htm (дата обращения 13.02.2018).

⁴ Морозов С.Ю. Понятийный аппарат методологии цивилистических исследований // Методологические проблемы цивилистических исследований: Сборник научных статей. Ежегодник. Вып. 3. 2018 / Отв. ред. А.В. Габов, В.Г. Голубцов, О.А. Кузнецова. – М.: Статут, 2018. – 376, [6] с. (с.286-313).

боты. При этом под методологией, в развитии идей М.Ю. Чельшева, нами понимаются не столько применяемые методы исследования, но и, в первую очередь, подходы исследовательской деятельности.¹

Под методологическими подходами в научной литературе понимаются исходные позиции или отправные точки, определяющие вектор научного исследования относительно его цели². Соответственно, если цель исследования, проводимого в рамках поддержки научного проекта Фонда Фундаментальных исследований, заключается в научном обосновании теоретической социально-правовой модели обеспечения российского экологического предпринимательства и ее практической реализации в виде концепции федерального закона «О государственных гарантиях развития экологического предпринимательства», то ее достижению должны способствовать адекватные методологические подходы. Нацеленность на теоретическое конструирование модели правового обеспечения экологического предпринимательства, как инструмента решения глобальных социально-экологических проблем российского общества, обусловлена в первую очередь тем, что моделирование в настоящее время признается одним из наиболее широко применяемых и эффективных общенаучных способов познания.³

В научной литературе отмечается, что использование правового моделирования, нацеленного на решение конкретной научной проблемы, наиболее успешно тогда, когда изучению объекта способствует модель (идеальный мысленный образ, аналог), как средство получения знаний о другой системе. Обращалось внимание, что суть моделирования заключается в определении в анализируемой системе характерных признаков, свойств, динамических и статистических связей ее элементов как потенциального предмета дальнейшего исследования, способствующих аналогичному углубленному изучению имеющих в реальном правовом явлении тенденций, перспектив и закономерностей развития. Признавалось, что использование правового моделирования целесообразно в случаях отсутствия российского законодательства, регулирующего исследуемые отношения или при необходимости глубоких, системных его изменений, применяя в ка-

---

¹ Чельшев М.Ю., Сафин З.Ф. О методологии цивилистических исследований // Вестник СГАП. 2011. № 6. С. 120-125.

² Асташкина И., Мишин В. Методология исследования // Портал «Центр Креативных Технологий» URL: <https://www.inventech.ru/lib/analisis/analisis0009/> (дата обращения: 12.02.2018).

³ Кузнецова О.А. Методы научного исследования в цивилистических диссертациях // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2014. Вып. 4(26). С. 260.

честве оригинала конструируемой модели, наиболее оптимальные зарубежные законодательные модели¹. Принимая во внимание данные рекомендации, полагаем, что для достижения поставленной цели, моделирование правового обеспечения экологического предпринимательства, при отсутствии системного российского законодательства в данной сфере, на основе изучения зарубежного правоприменительного опыта, является наиболее оптимальным методологическим приемом.

Применение моделирования для исследования правового обеспечения российского экологического предпринимательства в первую очередь предполагает использование системного методологического подхода² поскольку его основу составляет механизм правового регулирования предпринимательских отношений, складывающихся на экологическом рынке, структурно состоящий из системы элементов-правовых средств, функционально обусловленных системностью этих отношений, так как экологические рынки, как объекты правового воздействия, в свою очередь, так же являются управляемой системой. В связи с этим, основной проблемой, которую призвано решить конструирование модели правового обеспечения российского экологического предпринимательства, это обоснование выбора эффективного правового инструментария, системно воздействующего на изучаемые общественные отношения.

Результатом конструирования правового обеспечения российского экологического предпринимательства должна стать модель, сущность которой следует охарактеризовать, как – теоретическая (или концептуальная),³ обоснование которой невозможно без применения концептуального подхода⁴ определяющего стержень исследования, оценивающего методологический потенциал его исходных теоретических позиций и отправных точек.⁵ В научной литературе, понимая под методологическим потенциалом теории ее возможности для разработки новых концептуальных подходов, уже обращалось внимание

---

¹ Баркова А.В. О применении метода правового моделирования в цивилистических диссертациях// Методологические проблемы цивилистических исследований: Сборник научных статей. Ежегодник. Вып. 2. 2017 / Отв. ред. А.В. Габов, В.Г. Голубцов, О.А. Кузнецова. – М.: Статут, 2017. – 424 с. (с.39-56).

² Баркова А.В. О применении метода правового моделирования в цивилистических диссертациях. С.52.

³ Гришина Я.С. Методологические основы исследования правового обеспечения социального предпринимательства// Методологические проблемы цивилистических исследований: Сборник научных статей. Ежегодник. Вып. 3. 2018 / Отв. ред. А.В. Габов, В.Г. Голубцов, О.А. Кузнецова. – М.: Статут, 2018. – 376, [6] с. (с.141).

⁴ Асташкина И., Мишин В. Методология исследования.

⁵ Там же.

на огромный потенциал идеологии социального предпринимательства, как антикризисного инструмента исследования процессов и изменений социальной сферы и методологической основы прогнозирования развития его правового обеспечения в различных социально значимых сферах и прежде всего в экологии¹.

Данный тезис справедлив в первую очередь в отношении экологического предпринимательства, которое следует рассматривать частью социального предпринимательства. Понимая под идеологией развитие идей, принципов, взглядов и правил регулирующих общественные отношения,² в целях формирования модели правового обеспечения экологического предпринимательства особый интерес представляют следующие идеи и принципы социального предпринимательства: социально экологическая ориентация предпринимательской деятельности на решение конкретных экологических проблем, при которой цель извлечения прибыли вторична, а достижение социально экологического эффекта является обязанностью субъекта экологического предпринимательства, но не правом, как для экологически ответственного бизнеса; обеспечение оптимизации меж секторального взаимодействия в направлении повышения конкурентоспособности субъектов экологического предпринимательства, составляющих основу «экологической экономики»; публичная и частная поддержка социально экологических программ, стимулирование субъектов составляющих инфраструктуру поддержки экологического предпринимательства³. Реализацию этих социально предпринимательских идеологических принципов при конструировании модели правового обеспечения экологического предпринимательства следует признать одним из перспективных концептуальных подходов.

В рамках данного концептуального подхода наиболее перспективной исходной теоретической позицией при исследовании механизма правового регулирования российского экологического рынка, как базиса конструируемой модели, видится обоснование концепту-

---

¹ Барков А.В. О перспективах реализации методологического потенциала социального предпринимательства в цивилистических и полиотраслевых правовых исследованиях в экологической, энергетической и других социально значимых сферах// Методологические проблемы цивилистических исследований: Сборник научных статей. Ежегодник. Вып. 3. 2018 / Отв. ред. А.В. Габов, В.Г. Голубцов, О.А. Кузнецова. – М.: Статут, 2018. – 376, [6] с. (с.71-94).

² Идеология-это принцип организации общества URL: <http://fb.ru/article/39500/ideologiya-eto-printsip-organizatsii-obschestva> (дата обращения 07.10.2017).

³Барков А.В. О перспективах реализации методологического потенциала социального предпринимательства в цивилистических и полиотраслевых правовых исследованиях в экологической, энергетической и других социально значимых сферах. С. 79-80.

альной модели правового обеспечения российского социального предпринимательства, предложенный Я.С. Гришиной.¹ В ее исследовании под конструируемой моделью понимается «совокупность системно взаимосвязанных элементов (юридических конструкций, форм и разно отраслевых правовых средств), а также обеспечивающих их функционирование юридических механизмов (обеспечения, защиты), системообразующих факторов, принципов и понятий, целью воздействия которых является повышение уровня жизни и социальной защищенности российских граждан и решение или сглаживание других социальных проблем».²

Важнейшими отправными точками предстоящего исследования видятся также теоретические позиции А.Г. Быкова (о механизме предпринимательской деятельности)³, Н.А. Баринова (о гражданско-правовых средствах обеспечения имущественных потребностей)⁴ Е.П. Губина (о формах и средствах государственного регулирования предпринимательства)⁵, И.В. Ершовой (о поддержке малого предпринимательства)⁶, Н.М. Коршунова (о конвергенции частного и публичного права),⁷ М.Ю. Чельшева (о межотраслевых связях гражданского права)⁸, обладающие высоким методологическим потенциалом в моделировании экологического предпринимательства, как объекта правового обеспечения. При этом творческое наследие М.Ю. Чельшева представляется особо ценным, поскольку полиотраслевая проблематика правового регулирования экологического предпринимательства⁹ выходит за границы научной специальности 12.00.03 и включает во-

---

¹ Гришина Я.С. Концептуальная модель правового обеспечения российского социального предпринимательства: дисс... докт. юрид. наук. М, 2016. 505 с.

² Там же. С. 14.

³ См.: Быков А.Г. О содержании курса предпринимательского права и принципах его построения // Предпринимательское право в рыночной экономике. М.: Новая правовая культура, 2004. С.57- 84.

⁴ См.: Баринов Н.А. Гражданско-правовые проблемы удовлетворения имущественных потребностей советских граждан. Дисс. ... докт. юрид. наук. М., 1988. 396 с.

⁵ Губин Е.П. Правовые проблемы государственного регулирования рыночной экономики и предпринимательства: дис. ... докт. юрид. наук. М., 2005. 431 с.

⁶ См.: Ершова И.В. Малое и среднее предпринимательство: правовое обеспечение. М.: Юриспруденция. 2014. 460 с

⁷ См.: Коршунов Н. М. Конвергенция частного и публичного права: проблемы теории и практики. М.: Норма: ИНФРА-М. 2011. 240 с.

⁸ См.: Чельшев М.Ю. Концепция оптимизации межотраслевых связей гражданского права: постановка проблемы. Казань: КГУ, 2006. 164с.

⁹ Барков А.В. О перспективах реализации методологического потенциала социального предпринимательства в цивилистических и полиотраслевых правовых исследованиях в экологической, энергетической и других социально значимых сферах. С. 88-89.

просы экологической и энергетической безопасности, энергетической экологии, возобновляемых источников энергии, традиционно входящих в сферу интересов экологического и энергетического права, регламентируемых паспортами специальности 12.00.06 и 12.00.07.

Следующей методологически перспективной отправной точкой предстоящего моделирования видится тезис Яны Сергеевны, определяющий структуру механизма правового обеспечения социального предпринимательства, как стержня формируемой модели, задающую впоследствии архитектуру научного исследования, на инструментальном уровне. Отмечая особенность данной деятельности как сферы взаимодействия частных и публичных интересов, регулятивное системное воздействие на которую обеспечивается публичными и частными правовыми средствами, рассматриваемых в качестве взаимодействующих элементов механизма, Я.С. Гришина приходит к выводу, каждый из элементов представляет собой самостоятельную подсистему публично-правовых и частноправовых средств (правовых конструкций) более низкого уровня в целом составляющую систему правового обеспечения социального предпринимательства. При этом подсистема публичных правовых средств состоит из конструкций, таких инструментов, как: государственный заказ; государственное задание; лицензирование, патентование и квотирование; сертификацию и стандартизацию; применение нормативов и лимитов; регулирование цен и тарифов; предоставление инвестиционных, налоговых и других льгот; дотаций, компенсаций, целевых инноваций и субсидий; а подсистема частных правовых средств включает правосубъектные, вещные, обязательственные и защитно-охранительные правовые конструкции¹.

Применение в комплексе системного, концептуального и инструментального подходов² в целом позволило Я.С. Гришиной реализовать комплексный методологический подход к конструированию трех уровней модели правового обеспечения социального предпринимательства, соответствующих применяемым подходам. На первом этапе моделирования, при применении системного подхода изучался объект моделирования (социальное предпринимательство); определялась его внутренняя структура механизма правового обеспечения (системообразующие факторы и элементы), принципы взаимодействия элементов в динамике и в сравнении с зарубежными правовыми конструкциями. На следующем этапе моделирования, реализуя инстру-

---

¹ Гришина Я.С. Концептуальная модель правового обеспечения российского социального предпринимательства. С.18-19.

² Асташкина И., Мишин В. Методология исследования

ментальный подход, осуществлялось непосредственное конструирование подсистем публичных и частных средств правового обеспечения и оценивались перспективы реализации правовой модели¹. Концептуальный подход обеспечивал теоретическое сопровождение на всех этапах моделирования.

Перспективность данного комплексного подхода подтверждается тем, что он успешно применен в научном исследовании Ю.А. Кицай при формировании на социально предпринимательской методологической основе концепции правового регулирования социально значимых рынков². Комплексную оценку результатов формирования концепции, как совокупности научно обоснованных подходов, идей, принципов, положений и рекомендаций, предлагается Ю.А. Кицай на трех уровнях³:

1. На системном уровне, предопределенном системностью исследуемых отношений и регулирующего правового инструментария, позволяющем целостно оценить их совокупность, определить характер взаимодействий между элементами системы.

2. На концептуальном уровне, отражающем исходные теоретические позиции обеспечивающем научно теоретическое обоснование результатов исследования.

3. На инструментальном уровне, учитывающем все аспекты проблематики в целостности и взаимосвязи, отражающем результаты исследования строения системы.

Достоинство комплексного подхода заключается также в том, что он позволяет предусмотреть в архитектонике исследования два раздела: методологические и теоретические и основы исследования системы (раскрывающие системный и концептуальный уровни конструируемой модели) и строение данной системы (инструментальный уровень), обеспечивающий логику структуры научной работы, что должно быть учтено при конструировании модели правового обеспечения экологического предпринимательства.

Литература

1. Асташкина И., Мишин В. Методология исследования // Портал «Центр Креативных Технологий» URL: <https://www.inventech.ru/lib/analisis/analisis0009/> (дата обращения: 12.02.2018).

---

¹ Гришина Я.С. Указ. соч. С.36.

² Кицай Ю.А. Концептуальные основы правового регулирования социально значимых рынков: дисс... докт. юрид. наук. Калининград, 2017.518с.

³ Кицай Ю.А. Концептуальные основы правового регулирования социально значимых рынков. С. 17-20.

2. Баринов Н.А. Гражданско-правовые проблемы удовлетворения имущественных потребностей советских граждан. Дисс. ... докт. юрид. наук. М., 1988. 396 с.

3. Барков А.В. О применении правового метода моделирования в цивилистических диссертациях// Методологические проблемы цивилистических исследований: Сборник научных статей. Ежегодник. Вып. 2. 2017. / Отв. ред. А.В. Габов, В.Г. Голубцов, О.А. Кузнецова. М.: Статут, 2017. с. 39-56.

4. Барков А.В. О перспективах реализации методологического потенциала социального предпринимательства в цивилистических и полиотраслевых правовых исследованиях в экологической, энергетической и других социально значимых сферах// Методологические проблемы цивилистических исследований: Сборник научных статей. Ежегодник. Вып. 3. 2018 / Отв. ред. А.В. Габов, В.Г. Голубцов, О.А. Кузнецова. – М.: Статут, 2018. с.71-94.

5. Быков А.Г. О содержании курса предпринимательского права и принципах его построения // Предпринимательское право в рыночной экономике. М.: Новая правовая культура, 2004. С.57- 84.

6. Губин Е.П. Правовые проблемы государственного регулирования рыночной экономики и предпринимательства: дис. ... докт. юрид. наук. М., 2005. 431 с.

7. Гришина Я.С. Концептуальная модель правового обеспечения российского социального предпринимательства: дисс... докт. юрид. наук. М, 2016. 465 с.

8. Гришина Я.С. Методологические основы исследования правового обеспечения социального предпринимательства// Методологические проблемы цивилистических исследований: Сборник научных статей. Ежегодник. Вып. 3. 2018 / Отв. ред. А.В. Габов, В.Г. Голубцов, О.А. Кузнецова. – М.: Статут, 2018. с.134-158.

9. Ершова И.В. Малое и среднее предпринимательство: правовое обеспечение. М.: Юриспруденция. 2014. 460 с.

10. Кицай Ю.А. Концептуальные основы правового регулирования социально значимых рынков: дисс... докт. юрид. наук. Калининград, 2017. 518с.

11. Климова С.И., Фокина Л.В., Яковлева Л.Ю. Экологическое предпринимательство как вектор развития общества и экономики // Мир науки, культуры, образования. 2015. №1. С.400-403.

12. Коршунов Н. М. Конвергенция частного и публичного права: проблемы теории и практики. М.: Норма: ИНФРА-М. 2011. 240 с.

13. Кузнецова О.А. Методы научного исследования в цивилистических диссертациях // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2014. Вып. 4(26). С. 254-270.

14. Морозов С.Ю. Понятийный аппарат методологии цивилистических исследований // Методологические проблемы цивилистических исследований: Сборник научных статей. Ежегодник. Вып. 3. 2018 / Отв. ред. А.В. Габов, В.Г. Голубцов, О.А. Кузнецова. – М.: Статут, 2018. с.286-313.

15. Сафин З.Ф., Челышев М.Ю. О методологии цивилистических исследований // Вестник СГАП. № 6 (62). 2011. С. 121-150.

16. Челышев М.Ю. Концепция оптимизации межотраслевых связей гражданского права: постановка проблемы. Казань: КГУ, 2006. 164с.

Береснева Оксана Сергеевна,

курсант 5 курса факультета подготовки
сотрудников полиции для подразделений
по охране общественного порядка
Санкт-Петербургского университета
МВД России

Научный руководитель:

Максимов Виталий Алексеевич,

старший преподаватель кафедры гражданского права и гражданского
процесса Санкт-Петербургского университета МВД России,

Пожертвование как разновидность договора дарения

Гражданское законодательство Российской Федерации выделяет особую разновидность договора дарения, предназначенную для юридического обеспечения благотворительной деятельности, в основу которой положен классификационный критерий, заключающийся в осуществлении дарения, выражающее общепользную цель.

Именно поэтому в настоящее время нередки случаи, когда юридическое или физическое лицо безвозмездно передает государственному (муниципальному) учреждению имущество или денежные средства, оформляя эту передачу договором пожертвования [1, с. 180]. Таким образом, пожертвование выражается в дарении, совершаемое в общих интересах неопределенного круга лиц, преследующее общепользные цели [2, с. 322].

На договоры пожертвования распространяются все нормы главы 32 Гражданского кодекса Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 г. (ред. от 23.05.2016) [3] (далее ГК РФ), а непосредственно правовому регулированию указанного вида договора посвящена статья 582 ГК РФ.

Согласно норме статьи 582 ГК РФ пожертвование представляет собой дарение вещи или права в общепользных целях. При этом по-

жертвование может выступать и как реальный, и как консенсуальный договор.

При пожертвовании благотворитель заранее знает цели, именно они и являются побуждающим мотивом к сделке, тогда как при обычном дарении дарителю безразлично, в каких целях одаряемый будет использовать дар (для удовлетворения личных, или же семейных интересов и так далее).

Возможный перечень общепользованных целей пожертвования велик, а их достижение может вестись самыми различными путями. Разумеется, цели будут считаться общепользованными, если они связаны с удовлетворением духовных и материальных потребностей, с образовательным, научным и культурным развитием граждан, при этом они приносят пользу как обществу в целом, так и более узкой категории лиц. Основываясь на данном мнении, можно прийти к выводу, что законодатель предоставил возможность правоприменителю определять их самостоятельно.

Существуют случаи, когда выделение средств из бюджета, как государственного, так и местного, не является пожертвованием, хотя осуществляется оно для достижения общепользованных целей. Средства в данном случае используются по прямому назначению.

Законодатель явно сужает круг благ договора пожертвования, охватывая лишь вещи или имущественное право требования, тогда как непосредственно предметом договора дарения могут быть как вещи и имущественные права, так и освобождение от имущественной обязанности. Поскольку, освобождение одаряемого от обязанности производится в его собственных интересах, удовлетворить общепользованные интересы или достичь общепользованных целей не представляется возможным, из этого следует, что освобождение от имущественной обязанности не может являться предметом пожертвования. В подтверждение данному тезису служит ранее сделанное в юридической литературе объяснение, заключающееся в том, что освобождение от обязанности исключало бы возможность обусловить использование такого дара по определенному назначению [4, с. 356].

На принятие пожертвования не требуется чье-либо разрешения или согласия, так гласит пункт 2 статьи 582 ГК РФ. Однако основываясь на этом положении ошибочно определять пожертвование как одностороннюю сделку, поскольку, во-первых, на осуществление данной сделки не требуется получение согласия или разрешения органов государственной власти, необходима воля самого одаряемого, а также факт принятия пожертвования, а во-вторых, договор возникает

при передаче имущества, которая является ответом на предложение делать пожертвования.

По общему правилу стороны договора представляют собой жертвователя или иными словами благотворителя, которым именуется непосредственно даритель, и одаряемого, именуемого как благополучателя.

Если жертвователем может быть любое лицо, то перечень благополучателей, в пользу которых может совершаться пожертвование, включает организации, деятельность которых носит благотворительный или общественно полезный характер, и определяется законодателем в пункте 2 части 1 статьи 582 ГК РФ, где он в качестве одаряемого называет граждан, лечебные, воспитательные учреждения, учреждения социальной защиты и другие аналогичные учреждения, благотворительные, научные и учебные учреждения, фонды, музеи и другие учреждения культуры, общественные и религиозные организации, иные некоммерческие организации, к которым в том числе можно отнести органы внутренних дел Российской Федерации, в соответствии с законом, а также государство и другие субъекты гражданского права, указанные в статье 124 ГК РФ. Перечисленные организации приобретают права и получают в собственность имущество, не нуждаясь в чем-либо разрешении или одобрении. Кроме того, основываясь на указанной правовой норме, можно сделать вывод, что различные государственные корпорации, коммерческие организации, некоммерческие партнерства, потребительские кооперативы исключаются из числа одаряемых, поскольку цели их создания напрямую не связаны с социальной защитой населения.

Благополучатель определяет круг конкретных получателей самостоятельно, в случае осуществления пожертвования в его адрес жертвователем без указания имен или наименований адресата. Изредка инициатива предоставляется непосредственным получателям.

В случае, когда по договору пожертвования приобретателем является обычный гражданин, то жертвователь должен определить назначение использования передаваемого им имущества или права. При этом если указания о целях использования имущества или права отсутствуют, а также назначение отвечает личным, а не общепольным целям, пожертвование вещи или права необходимо считать обычным дарением.

По общему правилу имущество должно использоваться по объявленному назначению, в противном случае пожертвование может быть отменено. В настоящее время нормой пункта 4 статьи 582

ГК РФ определен порядок изменения назначения использования пожертвованных вещей или права. Поскольку, указанное ранее жертвователем назначение, вследствие изменившихся обстоятельств, может стать невозможным для использования, то существует допустимость использования имущества по другому назначению с непосредственного согласия жертвователя.

Так, основываясь на приведенном М.Н. Малеиной примере постановления ФАС Московского округа от 25 апреля 2001 г. (дело № КГ-А40/1817-01), в арбитражный суд с иском к российской автономной некоммерческой организации о расторжении договора и отмене пожертвования, взыскании с ответчика 4007,22 т соевых бобов в натуре, а также стоимости 8179,88 т соевых бобов по договорной цене 226,54 доллара США за тонну в рублях обратилась международная некоммерческая организация «Накормить детей».

Несмотря на целевое назначение пожертвования, ответчик заключил договоры мены с ЗАО «Фирма «Соя» и ассоциацией переработчиков сои «Ассося». Данные договоры являлись коммерческими сделками, поскольку пожертвованные 8458 т сои были обменены на 18 установок для переработки сои.

Поскольку в соответствии с частью 4 статьи 582 ГК РФ одностороннее самовольное изменение одаряемым целевого назначения пожертвования запрещено, ответчику следовало обратиться к истцу за получением указаний о дальнейшем использовании пожертвования.

Дело осложнено было тем, что истец ссылаясь на указание Госкарантина, который в силу Федерального закона от 21.07.2014 г. № 206-ФЗ «О карантине растений» (ред. от 13.07.2015 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 24.07.2015) [5] запретил использование спорной сои по назначению, указанному в договоре пожертвования. Однако, как установила кассационная инстанция, Госкарантин не давал указаний на коммерческое использование сои. Действительно, при наличии форс-мажорных обстоятельств возможно прекращение гражданско-правового обязательства действиями государственных органов. Но в рассматриваемом споре такие обстоятельства отсутствовали [6, с. 5].

Кроме того, существует допустимость использования имущества по другому назначению, основываясь на решение суда, в случае смерти гражданина-жертвователя или ликвидации юридического лица – жертвователя, если законом не установлен иной порядок. Данный порядок обеспечивает как интересы общества, к благу которых направлено использование пожертвованного имущества, что позволяет не

допустить возможности злоупотреблений имуществом в иных целях, так и интересы жертвователя.

Кроме того жертвователь, его наследники или иной правопреемник вправе требовать отмены пожертвования, на основании пункта 5 статьи 582 ГК РФ, в случае использования пожертвованного имущества не в соответствии с указанным жертвователем назначением или изменения этого назначения с нарушением установленных правил.

Подводя итог вышесказанному, следует отметить, что пожертвование представляет собой разновидность договора дарения, которая характеризуется общепользой целью, а также некоторыми иными особенностями. Кроме того нельзя не отметить, что законодатель допустил пробел в гражданском законодательстве РФ. Поскольку, он предусматривает запреты и ограничения лишь договора дарения, в то время как разновидность данного договора – пожертвование – оставляет без внимания. Ведь крайне сложно установить, был ли заключен договор пожертвования с общепользой целью или целью вознаграждения конкретного должностного лица, служащего органа государственной власти, которые предположим совершают определенные действия или даже бездействие в интересах жертвователя. Именно поэтому, чтобы исключить личную заинтересованность вышеуказанных должностных лиц, а также снизить коррупционную составляющую, необходимо предусмотреть норму в ГК РФ о запрещении пожертвования в отношении определенного круга лиц.

Литература

1. Каштанова Н.А. Гражданско-правовые средства противодействия коррупции // Научное сообщество студентов XXI столетия. Гуманитарные науки: сб. ст. по мат. XII междунар. студ. науч.-практ. конф., № 12, 2013. С. 180-184.

2. Грудцына Л.Ю. «Как правильно распорядиться своим имуществом (наследование, дарение, рента)», Москва: Изд-во «Эксмо», 2006. – 448 с.

3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 г. (ред. от 23.05.2016) // Собрание законодательства РФ, 1996, № 5, ст. 410; 2016, № 22, ст. 3094.

4. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Договоры о передаче имущества. Кн. 2. Москва: «Статут», 2000. – 800 с.

5. Федеральный закон Российской Федерации от 21.07.2014 г. № 206-ФЗ «О карантине растений» (ред. от 13.07.2015 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 24.07.2015) // Собрание законодательства РФ, 2014, № 30 (часть 1), ст.4207; 2015, № 29 (часть 1), ст. 4359.

6. Малеина М.Н. Пожертвование – разновидность договора дарения. М.: «Сатурн», 2003. – 28 с.

7. Желонкин С.С. Институт недействительности сделок, как одна из основ противодействия коррупции в российской федерации//Роль гражданского законодательства в обеспечении основных направлений деятельности МВД России: В сборнике: Материалов вузовской научно-практической конференции: посвящается научно-педагогической деятельности профессора М.Г. Марковой. – СПбУМВД России – 2015. – С. 13-18.

8. Желонкин С.С. К вопросу о закреплении владельческой защиты в российском гражданском праве//Проблемы регулирования частноправовых отношений на современном этапе: сборник статей по материалам Всероссийской научно-практической конференции. Составители: В.П. Очердько, К.Г. Сварчевский; Северо-Западный филиал ФГБОУВПО «Российской академии правосудия». – 2013. – С. 64-68

9. Желонкин С.С. Сделки, требующие восприятия в контексте постановления пленума верховного суда РФ от 23 июня 2015 года № 25// Юридическая мысль. – 2016. – Т. 94. -№ 2. – С. 102-105.

10. Желонкин С.С., Рогова Ю.В. Гражданско-правовой Договор отдельные вопросы теории и практики / Санкт-Петербург.-2016.-128 с.

11. Максимов В.А., Углов Ф.Г. Особенности договора дарения недвижимого имущества//Государство и право в условиях гражданского общества: Сборник статей Международной научно-практической конференции (08 мая 2015 г., г. Уфа) Уфа: Аэтерна, 2015.С 104-107

12. Максимов В.А., Цымбалова Д.Ю., Кряжев Д.А. Виндикационный иск: сущность, основание, предмет // Проблемы российского законодательства и международного права: Сборник статей международной научно-практической конференции (10 июня 2015 г., г. Уфа) Уфа: Аэтерна, 2015. С. 52 – 55.

13. Молчанов А.А. Гражданское право (общая часть): Учебное наглядное пособие/А.А. Молчанов, С.С. Желонкин. -СПб., 2016. – 108 с.

14. Яхонтова О.С., Яхонтов Р.Н. Правовые проблемы меценатской деятельности на современном этапе. // Сборник: Теория и практика современной юридической науки, 2015. С. 207-209.

15. Яхонтова О.С., Яхонтова Р.Н. Благотворительная деятельность в Северо-Западном регионе: проблемы и перспективы. // Сборник: Государственно-правовая политика в Северо-западном регионе. Сборник трудов участников III Международной научно-практической конференции. 2011. С. 265-268

Блинников Леонид Алексеевич,
Судья Краснодарского краевого суда,
Кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского процесса
ФГБОУВО «Российский Государственный университет правосудия»
Северо-Кавказский филиал

Развитие гражданского процесса и разрешение частных проблем (некоторые размышления к 15-летию ГПК РФ)

Пятнадцать лет, прошедшие со времени принятия Гражданского процессуального кодекса РФ, заставляют задуматься над обобщением результатов его действия, подвести определенные итоги – как в плане негативного опыта, а его применения, так и позитивных результатов, с целью их эффективного использования в будущем. Формируя свою позицию, сейчас надо, по нашему мнению, абстрагироваться от имевших место многочисленных дискуссионных и спорных вопросов, обсуждавшихся за это время, различных цифровых данных, научных публикаций и обозначить основные выводы, правовые «ощущения», сформировавшиеся по итогам пройденного, как законодателем, так и правоприменителем, пути.

Анализ научных публикаций, посвященных совершенствованию всего цивилистического (гражданского процессуального и арбитражного) процесса позволяет прийти к выводу, что подавляющая их часть (более 85%) относится к различным аспектам частного характера, т. е. вопросам устранения недостатков и последующего совершенствования отдельных процессуальных положений, стадий, полномочий участников процесса, а также категорий рассматриваемых дел. Проблематика же, относящаяся к принципиальным, стратегическим вопросам современного состояния и перспективам развития цивилистического процесса исследована крайне недостаточно. По всей видимости, со времени принятия в 2002г. ныне действующего Гражданского процессуального и Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, законодатель и научно – практическое сообщество посчитали проблемы фундаментального характера во многом разрешенными, по крайней мере, на современном этапе и ближайшее будущее.

Однако, опыт правоприменительной деятельности убедительно свидетельствует о том, что именно недостаточная разработка и понимание уже существующих основополагающих положений цивилистического процесса не позволяет разрешить все многочисленные теку-

щие, частные вопросы. По нашему мнению, это является следствием игнорирования той бесспорной правовой аксиомы, что по своей сути указанные положения составляют методическую основу совершенствования всего действующего законодательства. Поэтому, не случайно, что со времени принятия ГПК РФ в него были внесены изменения и дополнения более, чем восьмьюдесятью (!), федеральными законами. При этом, только незначительная их часть была вызвана причинами объективного, в той или иной степени, свойства. Например, создание единого Верховного Суда РФ для систем общих и арбитражных судов в 2014г. или принятие Кодекса административного судопроизводства 2015г. В большинстве же случаев изменения ГПК РФ носили «невынужденный», если можно так сказать, характер, поскольку были вызваны явными недоработками законодателя и, конечно, научными организациями и лицами, ответственными за формирование первоначального проекта принятого впоследствии закона. Как итог – массовое «перекраивание» процессуального законодательства, очевидная нестабильность правоприменения и, во многом, почти новый ГПК спустя всего 15 лет. В чем же главные причины такого положения дел и как избежать подобного в будущем? По нашему мнению, их несколько, а основных, принципиального характера, три.

1. Неверная оценка объема и характера (в плане правового разнообразия) гражданско-правовых отношений и, соответственно, вызываемых ими споров, которые подлежат рассмотрению в судах общей юрисдикции.

Данная позиция является исходной, отправной для процесса создания нового и совершенствования действующего законодательства. Поскольку она достаточно обширна, ограничимся, в этой части, основными выводами.

Современный ГПК РФ был принят с очевидным запаздыванием, поскольку все необходимые предпосылки для этого (и, главное – необходимость) созрели уже к середине 1990-х годов в силу значительного развития экономических отношений. Безусловно, любое радикальное изменение законодательства требует значительных финансовых средств для его осуществления, что было весьма затруднительно в указанный период времени. Но, как известно, «дешевое» правосудие всегда дорого обходится государству, что очередной раз и подтвердила история разработки и принятия ГПК РФ. С другой стороны, длительность разработки закона не избавило его от целого ряда недостатков, подтвердивших его консервативность. По сути, он представлял собой несколько подправленный вариант ГПК РСФСР с неболь-

шими, «осторожными» новациями и очевидно, что не был рассчитан на сколь-нибудь длительную перспективу, несмотря на имеющийся положительный опыт параллельного развития арбитражного процесса (АПК РФ 1992, 1995, 2002 годов). Это и повлекло необходимость принятия вышеуказанных многочисленных изменений кодекса (примеры будут нами обозначены во втором и третьем разделе настоящей статьи). Интересно отметить, что некоторые издатели юридической литературы, при выпусках текстов ГПК РФ, называли их «новыми», хотя, на самом деле, имела место их новая редакция.

Весьма симптоматичной нам представляется также современная обстановка в правовом сообществе, характеризующаяся бурным обсуждением проектов концепции нового единого гражданского процессуального кодекса РФ¹. Весьма схожие многолетние дискуссии, предшествовали принятию и действующего ГПК РФ, что, к сожалению, не гарантировало его качества. Безусловно, единый процессуальный кодекс необходим и будет принят в ближайшей исторической перспективе. Но показательно, что такие дискуссии начались спустя буквально несколько лет после принятия ГПК, что само по себе свидетельствует о неудовлетворенности достигнутыми законотворческими результатами. Поэтому, в современных условиях излишняя поспешность будет уже вредна, поскольку анализ накопленного положительного опыта и допущенных ошибок требует достаточно продолжительного времени.

2. Отсутствие должного учета перспектив развития гражданского процессуального законодательства и, прежде всего, в аспекте его унификации с нормами арбитражного процесса.

У многих судей сложилось впечатление, что разработчики проектов ГПК РФ и АПК РФ в ходе своей деятельности практически не координировали свою деятельность, даже по тем позициям, где это было принципиально необходимо. Например, при разработке и синхронизации правовых формулировок в первых главах кодексов («Основные положения»), главах, посвященных доказательствам и про-

---

¹ См., например: Концепция единого гражданского кодекса Российской Федерации / Абова Т.Е., Жилин Г.А., Корнеев В.А., Муршудова В.М., Мусин В.А., Нечаев В.И., Петрова Т.А., Решетникова В.И., Рузакова В.А., Серков П.П., Туманова Л.В., Фабричный С.Ю., Ярков В.В. // Вестник гражданского процесса. 2015. №1. С.217-309; Селькова А.А. Единый ГПК России: ожидания и перспективы (обзорная статья по итогам конференции в г. Екатеринбурге. В статье представлена информация по материалам докладов В.В. Яркова, И.В. Решетниковой, С.В. Лазарева, А.С. Морозовой, А.А. Ждановой, Ю.Е. Лемонджавы, А.Е. Солдатовой) // Вестник гражданского процесса. 2016. № 4. С.261-281 и др.

цессу доказывания (Гл. 6 ГПК РФ и Гл.7 АПК РФ), обеспечению иска и обеспечительным мерам (Гл. 13 ГПК РФ и Гл.8 АПК РФ) и др. Главный недостаток при этом состоял в изначальном разночтении положений, **одинаковых** для гражданского и арбитражного процессов и отсутствии разграничения их с нормами, **специфическими** для каждого их процессов (выделено авт.).

Практически одновременное, с разницей всего в четыре месяца в 2002 году, принятие обоих процессуальных кодексов также подтверждает наличие негативных последствий одновременной разработки обоих проектов. Сама по себе параллельность работы ничего отрицательного, конечно, не влечет. Однако, после принятия законов сложилось впечатление, что данный процесс сопровождался скорее нездоровыми конкурентными амбициями групп разработчиков, нежели плодотворным сотрудничеством, направленным на достижение общей цели. Как результат – множество правовых коллизий, потребовавших существенных усилий и времени по их разрешению. Поясним сказанное на двух примерах – одном вопросе, разрешенном к настоящему времени, и втором, который, несомненно, потребует разрешения в ближайшем будущем.

В первом случае обратим внимание на непоследовательность законодателя, который посчитал преждевременным (при принятии ГПК РФ) «сплошное» введение в гражданский процесс апелляции в качестве суда второй инстанции. Для этого существовали все необходимые предпосылки:

а) наличие почти пятилетнего опыта апелляции, накопленного со времени появления на правовом поле в 1998г. мировых судей;

б) полностью сформировавшаяся апелляционная практика в системе арбитражных судов, опыт которой мог быть использован;

в) сложившаяся четырехзвенная структура судебных звеньев (мировые судьи – городские (районные) суды – суды на уровне субъектов – Верховный суд РФ), на которую вполне логично «накладывается» структура из четырех инстанций при **любом** расположении суда первой инстанции.

Что же тогда правоприменитель получил в итоге? Необходимость каждый раз перестраиваться при существенных, иногда – радикальных, изменениях законодательства. В первом случае, как было сказано, – в 1998г., в рамках прежнего ГПК РСФСР, а также признанием не действующим на территории Российской Федерации «Основ гражданского судопроизводства Союза ССР и союзных республик», затем, с 1 февраля 2003г. в связи с введением в действие нового ГПК

РФ, далее, в 2011 г., после принятия Федерального закона от 9 декабря 2010 г. № 353-ФЗ, утвердившего универсализацию апелляции и развившего институт частной жалобы. И все это, не считая текущего изменения закона, которое было достаточно ощутимым из-за своего объема. Безусловно, все это негативно сказалось на качестве судопроизводства, поскольку, переучиваться всегда сложно, освоение законодательных новелл требует значительного времени, а нагрузки на судей оставались, как минимум, прежними, т. е. чрезвычайно высокими. Здесь важно подчеркнуть, что мы никогда не были против реформирования гражданского процесса, скорее наоборот. Однако оно должно быть элементарно продуманным, своевременным, системно выстроенным и соответствующим структурно – организационным возможностям судебной системы.

В свою очередь, одна из проблем, которая обязательно потребует своего разрешения в самое ближайшее время – это унификация процедуры прохождения дел по существующим инстанциям, и, прежде всего, разрешение вопроса о целесообразности так называемой «двойной кассации», вкуче с пересмотром полномочий Президиумов судов субъектов.

Данной теме посвящены многочисленные статьи, она являлась и является одной из самых обсуждаемых в юридической периодике, в т. ч. электронных изданиях. Мы представим свое, вероятно, не бесспорное, видение сложившейся правовой ситуации.

Полномочия Президиумов общих судов субъектов федерации сформировались достаточно давно и были связаны, прежде всего, с осуществлением ими надзорных функций (рассмотрением дел в порядке надзора). Однако, концепция отечественного процессуального законодательства признает надзорные судебные полномочия только за одним органом – Президиумом Верховного Суда РФ, причем в рамках **всех** видов судопроизводства. Это – принципиальный правовой постулат, утвердившийся, без сомнения, на долгое время, как бы к нему не относились отдельные представители юридического сообщества. Однако, одновременно законодатель не захотел оставлять Президиумы судов субъектов без функций, связанных с рассмотрением конкретных дел, что и повлекло законодательное установление двойной кассации (наряду со схожей функцией коллегии Верховного суда по гражданским делам). Причина этого, помимо упомянутой традиции, заключалась еще в том, что в системе общих судов только одно, среднее, звено имеет в своей структуре президиум. Это – принципиальное отличие от системы арбитражных судов, в которой со-

блюдается четкое соответствие «одно звено – одна инстанция» (на 1-3 уровнях), что и дало возможность избавления их президиумов от функции рассмотрения дел.

С учетом объективности и необратимости унификации всего цивилистического процесса, не только постановка, но и необходимость скорейшего разрешения сложившейся ситуации очевидна. Законодатель должен определиться в принципиальном плане – целесообразности существования двух одноименных инстанций. Если «да», то пока можно оставить все, как есть (но мы уверены, что временно, не надолго), если «нет», то такие кассационные полномочия логично оставить за Верховным судом РФ, поскольку инстанция, расположенная в суде более высокого уровня, всегда более эффективна при осуществлении соответствующих полномочий. Полагаем, в конечном итоге, будет осуществлен второй вариант. Президиумы же судов субъектов свои надзорные полномочия будут осуществлять через организационные, методические функции. К тому же, с точки зрения профессиональной этики нелогично отменять «свои» же решения, т. е. вынесенные этим же судом, при наличии суда вышестоящего.

3. Третья группа причин состоит в отсутствии должной последовательности законодателя в ходе применения основополагающих норм (основных положений) самого гражданского процесса, что породило как **наличие** многочисленных частных проблемных вопросов, так трудности при их **разрешении** (выделено авт.). Практическая деятельность и ознакомление с научной периодикой с начала действия ГПК РФ позволили нам определить примерное количество таких вопросов, которых оказалось от двадцати до тридцати пяти (в зависимости от степени обобщения или детализации), что недопустимо много. Но если степень очевидность упущений, вызванных первыми двумя группами вышеописанных причин, проявилась достаточно быстро и повлекла серьезные изменения ГПК РФ (ФЗ от 9 декабря 2010 г. № 353-ФЗ и др.), то должной методики в устранении частных недостатков до сих пор нет. Это – существенное препятствие для текущего, можно сказать – каждодневного, совершенствования гражданского процессуального законодательства.

Рассматриваемая проблема имеет застарелый характер, ее разрешением следует заняться всему научному сообществу, с обязательным обобщением опыта практических работников. Мы же, в рамках формата настоящего исследования, видим своей целью обозначение самой проблемы, и демонстрацию, на примерах уже разрешенных

правовых недостатков, возможных путей устранения вновь возникающих.

Итак, приведем только некоторые частные примеры исправления недостатков, изначально содержащихся в ГПК РФ, которые можно и должно было учесть на стадии разработки проекта.

а) Совершенствование норм, направленные на защиту процессуальных прав недееспособных граждан (ст.37, 116, 167, 222, 284, 285 ГПК РФ). Для этого потребовалась воля Конституционного суда, признавшего незаконной практику заочного признания граждан недееспособными, хотя квалифицированные судьи никогда не обходились без личного контакта с соответствующим контингентом граждан при рассмотрении дел данной категории. Эта новация затем была успешно реализована в рамках КАС РФ (как и другие, содержащиеся в главах 26.1 и 26.2 ГПК РФ)

б) Устранение очевидных недостатков в части судебного приказа и исполнительного производства (ст.428 и 127 ГПК РФ – см. ФЗ от 27 декабря 2005г. № 197 –ФЗ в ред. от 8 мая 2010г.)

в) Долгожданное уточнение правил определения состава суда с учетом их нагрузки и специализации (ст.14 ГПК – см. ФЗ от 9 декабря 2010г. №353 –ФЗ и от 14 июня 2011г. №140- ФЗ).

г) Допущение возможности участия медиаторов в разрешении гражданских споров (ст.169 – см. ФЗ от 5 мая 2014г.)

д) увеличение срока на обжалование судебных решений (ст.237 ГПК РФ – см. ФЗ от 9 декабря 2010г. № 353-ФЗ)

е) замена изначально устаревших процессуальных штрафов на основе МРОТ на фиксированные суммы (ФЗ от 11 июня 2008г. №85 –ФЗ)

ж) устранение недостатков законодательных процедур, связанных с судебными расходами (Глава 7 ГПК РФ – см. ФЗ от 2 ноября 2011г. № 127-фз) и др.

Данный перечень можно продолжать, причем достаточно долго. Но сказанного достаточно для построения главного вывода.

Можно утверждать, что при разработке проекта современного ГПК РФ ее авторы оказались в плену своих, узковедомственных, по всей видимости, интересов. Разработать именно свой собственный, пусть даже излишне консервативный, проект варианта закона для них оказалось важнее, чем учет всех реалий, сложившихся в правоприменительной деятельности и перспектив развития гражданского процесса. Это повлекло затем многочисленные, необоснованно длительные по времени, болезненные для всех правоприменителей изменения и дополнения гражданского процессуального законодательства, кото-

рые мало относились непосредственно к его совершенствованию, скорее – к устранению ранее допущенных недостатков. В любом случае, речь также не должна идти о «победе» арбитражного процесса над гражданским или наоборот, а о построении эффективной, оптимально унифицированной и удобной для всех правоприменителей будущего единого гражданского процессуального кодекса. Таков основной правовой урок прошедшего пятнадцатилетия ГПК РФ.

Герасимов Александр Владимирович,
кандидат юридических наук, доцент,
начальник кафедры
гражданского права и процесса
Краснодарского университета МВД России

Рассмотрение арбитражными судами дел с участием органов внутренних дел

В большинстве случаев, говоря о судопроизводстве с участием органов внутренних дел (далее ОВД), то это участие ассоциируется с уголовным или административным процессом, однако ОВД также принимают участие и в арбитражных процессах. Нами анализируются случаи и основания участия органов внутренних дел в процессе, рассматриваемого арбитражными судами, а также дается анализ соответствующим нормам материального и процессуального права, а также судебной практике арбитражных судов.

Следует обратить внимание, что на практике является очень распространенной ошибкой, когда юридические лица или индивидуальные предпринимателя обращаются в арбитражный суд с целью обжаловать вынесенное в отношении них решение органа внутренних дел. Следует иметь в виду, что наличие статуса юридического лица или ИП, статуса хозяйствующего субъекта сами по себе не дают оснований для безусловного отнесения спора с его участием к подсудности арбитражного суда.

Особое внимание следует обратить на административную юрисдикцию в арбитражно-процессуальной деятельности органов внутренних дел России. Для этого нам необходимо обратиться к анализу норм АПК РФ во взаимосвязи с нормами Кодекса административного

судопроизводства Российской Федерации (далее – КАС РФ)¹. Согласно статье 17 данного кодекса ряд административных дел подведомственны арбитражным судам.

Правоприменительная деятельность органов внутренних дел позволяет разрешить конфликтность спора между нормой права и нарушенным общественным отношением. Именно дальнейшее представление интересов в судебном порядке позволит определить степень вины организации или гражданина, нарушивших закон.

Чаще всего органы внутренних дел участвуют в арбитражном процессе со стороны заявителя, то есть наделяются процессуальным правовым статусом заявителя. Административная юрисдикция (административно-юрисдикционная деятельность) представляет собой урегулированную административно-процессуальными нормами деятельность арбитражных судов, органов исполнительной власти (их должностных лиц) по рассмотрению в судебном-административном порядке заявлений, жалоб и претензий физических и юридических лиц (организаций) на нарушение норм особенной части КоАП РФ, на неправомерные действия органов (должностных лиц), а также применение мер административного принуждения в случаях нарушения указанными лицами норм и правил, установленных законом.

Рассмотрим конкретный пример из практики арбитражных судов, в котором участвовали органы внутренних дел как заявитель. Так Постановлением ФАС Волго-Вятского округа от 29.07.2017 по делу № А43-3449/2017 было удовлетворено требование Главное управление внутренних дел по Нижегородской области о привлечении индивидуального предпринимателя к административной ответственности, предусмотренной в части 4 статьи 14.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ).² Как указал суд, осуществление предпринимательской деятельности по заготовке лома цветных металлов с грубым нарушением условий, предусмотренных специальным разрешением (лицензией), а именно без составления приемосдаточного акта, при отсутствии радиационного контроля, проверки на взрывобезопасность, является основанием

---

¹ «Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации» от 08.03.2015 № 21-ФЗ // «Собрание законодательства РФ», 31.07.2017, № 31 (Часть I), ст. 4772, «Российская газета», № 172, 04.08.2017.

² «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30.12.2001 № 195-ФЗ // «Парламентская газета», № 41, 03-09.11.2017, «Собрание законодательства РФ», 06.11.2017, № 45, ст. 6584.

для привлечения к административной ответственности в соответствии с пунктом 4 статьи 14.1 КоАП РФ¹.

Из всех субъектов административной юрисдикции наибольшая нагрузка ложится на органы полиции.

Арбитражно-процессуальная деятельность органов внутренних дел начинается с момента направления в арбитражный суд заявления о привлечении лица к административной ответственности и заканчивается после того, как представитель ОВД в судебном заседании докажет наличие состава административного правонарушения, в результате чего суд вынесет решение в пользу заявителя.²

В практической деятельности указанный выше вариант поведения не всегда является результативным. Проблемность ситуации заключается в том, что только органы внутренних дел направляют в год более тысячи заявлений о привлечении лиц к административной ответственности. Данные заявления рассматриваются судьями арбитражных судов в общем потоке дел, что влечет нарушение сроков их рассмотрения, недостаточную проработанность и изученность доказательственной базы и др. Из-за большого количества рассматриваемых дел представление интересов органов внутренних дел России в каждом из них довольно проблематично. Причиной этого являются такие факторы, как нехватка квалифицированных кадров в ОВД, недостаточный уровень правовых знаний участников арбитражного процесса, несоразмерная нагрузка на судей.

Однако следует иметь в виду, что участие органов внутренних дел в арбитражных процессах не сводится только к их административной деятельности, очень часто они участвуют и как ответчики по гражданским делам, например, при взыскании с них задолженности по гражданско-правовым договорам. Рассмотрим конкретный пример из практики арбитражных судов.

Так Постановлением Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 05.10.2017 № Ф01-4127/2017 по делу № А38-20/2017 было отказано в удовлетворении требований публичного акционерного общества к межмуниципальному отделу Министерства внутренних дел Российской Федерации о взыскании задолженности по оплате электрической энергии, неустойки³.

---

¹ Постановление ФАС Волго-Вятского округа от 29.07.2010 по делу № А43-3449/2010 // СПС «КонсультантПлюс» 2017.

² Герасимов А.В., Данилов Д.Б. Реформирование ГПК РФ в связи с принятием КАС РФ // Арбитражный и гражданский процесс. – 2016. – № 7 С. 3-7.

³ Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 05.10.2017 № Ф01-4127/2017 по делу № А38-20/2017 // СПС «КонсультантПлюс» 2017.

Анализ практики арбитражных судов по гражданским спорам показывает, что они в основном вытекают из государственных контрактов, по которым органы внутренних дел выступают в качестве государственного заказчика.

Есть иная категория дел с участием органов внутренних дел, рассматриваемая арбитражными судами – об оспаривании решение ОВД.

Так Постановлением Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 25.05.2017 № Ф02-2186/2017 по делу № А33-19828/2016 было удовлетворено требование общества признания недействительным решения органа внутренних дел¹. Из материалов дела следует, что оспариваемым решением обществу отказано в выдаче свидетельства о допуске транспортного средства к перевозке опасных грузов по причине отсутствия на транспортном средстве антиблокировочной системы торможения, а также устройства ограничения скорости. Требование удовлетворено, поскольку масса транспортного средства общества менее 10 тонн, оно не относится к тягачам, прицепах, полуприцепах и не перевозит их, в связи с чем требования пунктов 9.2.5 и 9.2.3.1 Европейского соглашения о международной дорожной перевозке опасных грузов к транспортному средству общества не относятся.

Определением Верховного Суда РФ от 09.08.2017 № 302-КГ17-10025 отказано в передаче дела № А33-19828/2016 в Судебную коллегию по экономическим спорам Верховного Суда РФ для пересмотра в порядке кассационного производства данного постановления.²

Итак, мы изучили рассмотрение арбитражными судами дел с участием органов внутренних дел и пришли к выводу, что органы внутренних дел активно участвуют в арбитражных процессах, реализуя свою основную функцию – административную. В данной области наибольшая нагрузка ложится на сотрудников полиции, как основной правоохранительный орган в указанной сфере. Органы внутренних дел в рамках арбитражных процессов активно участвуют в доказательственной деятельности, предъявляют доказательства. Основной их целью является доказывание виновности лица, привлекаемого к административной ответственности по категории дел, подведомственных арбитражным судам.

Однако органы внутренних дел участвуют в арбитражном процессе не только как заявители, но и как ответчики. Данное характерно

---

¹ Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 25.05.2017 № Ф02-2186/2017 по делу № А33-19828/2016 // СПС «КонсультантПлюс» 2018.

² Определение Верховного Суда РФ от 09.08.2017 № 302-КГ17-10025 отказано в передаче дела № А33-19828/2016 // СПС «КонсультантПлюс» 2017.

для гражданских дел, вытекающих из договорных правоотношений органов внутренних дел на основании государственного контракта, где они выступают в качестве государственного заказчика. Чаще всего такие споры связаны с неуплатой или несвоевременной уплатой задолженности по контракту, в связи с чем заинтересованной стороне приходится обращаться в суд с исковым завладением с требованием о взыскании. К сожалению, таких категорий дел в практике арбитражных судов на сегодняшний день очень много.

Литература

1. Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» // «Собрание законодательства РФ», 31.07.2017, № 31 (Часть I), ст. 4787, «Российская газета», № 172, 04.08.2017.

2. «Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации» от 08.03.2015 № 21-ФЗ // «Собрание законодательства РФ», 31.07.2017, № 31 (Часть I), ст. 4772, «Российская газета», № 172, 04.08.2017.

3. «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30.12.2001 № 195-ФЗ // «Парламентская газета», № 41, 03-09.11.2017, «Собрание законодательства РФ», 06.11.2017, № 45, ст. 6584.

4. Постановление ФАС Волго-Вятского округа от 29.07.2010 по делу № А43-3449/2010 // СПС «КонсультантПлюс» 2017.

5. Герасимов А.В., Данилов Д.Б. Реформирование ГПК РФ в связи с принятием КАС РФ // Арбитражный и гражданский процесс. – 2016. – № .7 С. 3-7.

Гончарова Анна Вадимовна,
руководитель юридической компании
«Искусство права»,
соискатель кафедры гражданского процесса
Саратовской государственной
юридической академии

Неподведомственность гражданских дел суду общей юрисдикции как основание для отказа в принятии искового заявления

Отказ в принятии искового заявления – это исторически сложившийся институт гражданского процессуального права, который в настоящее время активно реформируется. Сущность нормы заключается в правовой регламентации установления наличия или отсутствия

у истца права на предъявление иска по ряду положительных и отрицательных предпосылок. Отсутствие права на предъявление иска влечет за собой отказ в его принятии. Своим появлением этот институт обязан римскому праву, сформировавшему правовую конструкцию искового производства. Римскому праву был знаком прообраз современных оснований для отказа в принятии искового заявления. Положения римского права позднее получили свое развитие в немецкой теории гражданского процессуального права.

Немецкие ученые создали теорию о процессуальных предположениях, которое затем было воспринято дореволюционными российскими авторами, но уже видоизмененным. Выделялись абсолютные предположения (принадлежность иска к компетенции суда, подведомственность иска данному суду, отсутствие особых личных отношений между судьями и тяжущимися, процессуальная правоспособность и дееспособность, наличие у истца юридического интереса, и др.) и относительные предположения (подсудность, отсутствие тождества между предъявленным и рассмотренным ранее судом исками, управомоченность ответчика по иску, и др.). Сравнивая близкие правовые институты, следует отметить, что в дореволюционном гражданском процессуальном праве разграничивалась область ведения судебных и административных учреждений. Право судебных учреждений разбирать определенную категорию дел называлась судебной юрисдикцией. Различалась гражданская и уголовная юрисдикция. Ведомство каждого гражданского суда предполагало установление законом категорий рассматриваемых судом дел (предметной компетенции, подведомственности, родовой подсудности). Кроме этого, выделялась функциональная компетенция, то есть круг процессуальных действий, совершаемых конкретным судом, и пространственная компетенция (или подсудность), определяемая границами территории – округа, участка и т. д. Таким образом, прежде чем дело относилось к ведению какого-либо суда, проверялись следующие условия: судебная, а не административная юрисдикция; гражданская, а не уголовная юрисдикция; объективная компетенция (по роду дел); функциональная компетенция (по кругу функций); пространственная компетенция (по территории). Понятие «подведомственность» было максимально приближено к предметной компетенции и родовой подсудности гражданских дел суду. Проверка предположений происходила в ходе судебного-

го разбирательства, поэтому они являлись условиями разрешения дела по существу, а не предпосылками права на предъявление иска.¹

Смещение понятий подведомственности, компетенции, юрисдикции, подсудности сохранялось и после революции с принятием Гражданского процессуального кодекса РСФСР 1923 года, поскольку вводя в оборот термин «подведомственность», законодатель не определил его содержание. Разграничение этих понятий было произведено Ю.К. Осиповым в 70-х годах XX века. Ученый ввел в научный обиход подведомственность в широком и узком значении. В широком смысле под ней понималась относимость круга объектов к ведению государственного органа, должностного лица или общественной организации в соответствии с выполняемыми ими функциям. В узком смысле подведомственность означала относимость нуждающихся в государственно-властном разрешении споров о праве и других материально-правовых требований к ведению различных государственных, общественных, смешанных органов и третейских судов.² За подведомственностью признавалась роль одной из предпосылок права на обращение в суд и арбитраж. М.А. Гурвич понимал под предпосылками права на предъявление иска условия (правовые состояния и факты), которые обуславливают возникновение и сохранение права на разрешение спора судом.³ Статья 129 ГПК РСФСР 1964 г. предусматривала различные последствия нарушения правил подведомственности в зависимости от ее вида. Условная подведомственность предполагала первичное обращение за рассмотрением трудового спора в комиссию по трудовым спорам или профсоюз. Несоблюдение этого правила влекло за собой отказ в принятии искового заявления, но с сохранением права на повторное обращение в суд.⁴ Право на повторное обращение в суд исключалось, если заявление не подлежало рассмотрению в судах.

После принятия в 2003 г. ГПК РФ количество оснований к отказу в принятии искового заявления сократилось по сравнению с ГПК РСФСР 1964 г, равно как и предпосылок права на предъявление иска. В ст. 134 ГПК РФ перечень оснований для отказа максимально приближен к традиционному набору процессуальных предпосылок права

---

¹ См.: Васильковский Е.В. Учебник русского гражданского процесса. Москва: Изд. Бр. Башмаковых, 1917. С. 214-219.

² См.: Осипов Ю. К. Подведомственность юридических дел: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1974. С. 5-7, С. 33-34.

³ См.: Гурвич М.А. Право на иск. М.Л., 1949. С. 44.

⁴ См.: Осипов Ю. К. Подведомственность юридических дел: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1974. С. 5-7, С. 33-34.

на предъявление иска, то есть проверке подлежат подведомственность дела суду, юридическая заинтересованность, правоспособность истца, отсутствие судебного решения по тождественному иску.

Подведомственность гражданских дел суду долгое время оправдывала себя как предпосылка права на предъявление иска в судах общей юрисдикции. В условиях существования неразветвленной системы судов важным являлось отграничение судебной компетенции по рассмотрению гражданских дел от компетенции иных органов. С закреплением в ст. 118 Конституции РФ различных форм осуществления правосудия, а также в связи с созданием системы арбитражных судов возникла необходимость разграничения компетенции между судами. Подведомственность стала конкурировать с судебной подведомственностью в пределах одной нормы, привнося путаницу в судебную практику. Для определения судебной подведомственности гражданских дел используются субъектный и предметный критерии. Рассмотрению в арбитражных судах подлежат экономические споры, возникающие между субъектами предпринимательской и иной экономической деятельности. Кроме того, закон предусматривает специальную подведомственность арбитражных судов (ст. 27- 33 АПК РФ). В ряде случаев субъектный критерий не применим к судебной подведомственности. Так, согласно ч. 6 ст. 27 АПК РФ независимо от субъектного состава спорных правоотношений арбитражными судами рассматриваются дела о несостоятельности (банкротстве), корпоративные споры, и другие.

Свою лепту в искажение применения критериев разграничения судебной подведомственности вносит правоприменительная практика. А.В. Юдин выделяет среди негативных тенденций одну из наиболее ярких – неоправданное расширение критерия «характера спорного правоотношения» на фоне игнорирования критерия «субъектного состава участников спора». Типичный сценарий таков: суд общей юрисдикции обнаруживает, что физическое лицо фактически занимается предпринимательской деятельностью (например, сдает в аренду нежилое помещение), и, полагая, что подобного рода спор должен рассматриваться арбитражным судом, «предлагает» обратиться в арбитражный суд.¹ Таким образом, упор делается на характер спорных

---

¹См.: Юдин А.В. Интерпретация критерия субъектного состава гражданско-правового спора для целей определения подведомственности дела суду общей юрисдикции (по материалам практики ВС РФ) // Вестник гражданского процесса. 2012. № 4. С. 269 – 270.

правоотношений, в то время как статус участников спора недооценивается.

Правоприменительные сложности в распределении дел между арбитражными судами и судами общей юрисдикции привели к необоснованным преградам в доступе к судебной защите. Споря о подведомственности, суды общей юрисдикции отказывали в принятии исковых заявлений, ссылаясь на подведомственность дел арбитражным судам, тогда как последние прекращали производства по принятым заявлениям, полагая, что они должны рассматриваться судами общей юрисдикции. Одному из судов двух ветвей судебной системы на момент поступления к нему искового заявления уже было известно о его непринятии другим судом. Таким образом, налицо скрытый спор о подведомственности, превратившийся в непреодолимый барьер на пути к правосудию и несовместимый со ст. 46 Конституции РФ. Конфликт отрицательной компетенции А.Р. Султанов назвал «насмешкой над правосудием». В качестве альтернативы отказу в принятии искового заявления автор предложил ввести процедуру передачи дела в суд по подведомственности.¹ Это предложение – ключ к решению нескольких проблем сразу: исключение ограничения доступа к судебной защите, предотвращение последствий истечения процессуальных сроков, срока давности.

Между тем законодатель, возвращая в арбитражный процесс институт отказа в принятии искового заявления, поступил кардинально, не включив при разработке ст. 127.1 АПК РФ неподведомственность дела арбитражному суду в перечень оснований для отказа в принятии исковых заявлений. Представляется, что это не лучший способ разрешения правоприменительных проблем, как, впрочем, и тот, что предлагается в Концепции единого Гражданского процессуального кодекса. Так, в пункте 12.5 Концепции предлагается сохранить в новом проекте единого ГПК институт отказа в принятии искового заявления, но в качестве основания отказа указать, что «заявление с очевидностью не подлежит рассмотрению и разрешению судом данного вида, поскольку заявление рассматривается и разрешается в ином порядке или судом другого вида».² С одной стороны, в это основание укладывается как неподведомственность дела суду вообще, так и нарушение судебной подведомственности. С другой стороны, форму-

---

¹ См.: Султанов А.Р. О проблемах подведомственности и о конфликтах отрицательной компетенции // Закон. № 7. 2008. С. 164-174.

² См.: Концепция единого Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации / Вступ. слово П.В. Крашенинникова. М., 2015. С. 72-73.

лировка замыкается на понятии «суды другого вида», что требует расшифровки и не освобождает суды и истцов от трудностей применения критериев судебной подведомственности. Такое основание недолговечно с учетом постоянного реформирования судебной системы в нашей стране.

Нередко определение правильной судебной подведомственности возможно при условии исследования обстоятельств дела в судебном заседании для установления действительного характера спорных правоотношений. Это затрудняет использование подведомственности как предпосылки права на предъявление иска и проверку ее при обращении в суд. В науке высказывается мысль о введении критерия очевидности неподведомственности дела суду. Так, И.В. Решетникова предлагает авторскую редакцию соответствующего основания для отказа в принятии искового заявления в суд: «заявление с очевидностью не подлежит рассмотрению и разрешению данным видом суда, поскольку заявление рассматривается и разрешается в ином порядке или другим видом судов».¹ Правильность данной точки зрения обусловлена необходимостью снижения высокого риска ошибок при отказе в принятии искового заявления, если критерии подведомственности однозначно применить не удастся.

Самым свежим веянием в области совершенствования оснований для отказа в принятии искового заявления стало предложение Верховного Суда РФ по изменению формулировки п. 1 ч. 1 ст. 134 ГПК РФ. В частности предлагается слова «заявление не подлежит рассмотрению и разрешению в порядке гражданского судопроизводства, поскольку заявление рассматривается и разрешается в ином судебном порядке» заменить словами «заявление подлежит рассмотрению в порядке конституционного или уголовного судопроизводства, производства по делам об административных правонарушениях либо не подлежит рассмотрению в судах».² Все предложенные формулировки достаточно витиеваты и не упрощают порядок обращения в суд по гражданским делам. Нам импонирует мнение В.Ф. Борисовой, которая разъединяет все ситуации, подпадающие под п. 1 ч. 1 ст. 134 ГПК РФ. Суд отказывает в принятии искового заявления, если требование не обеспечено судебной защитой; дело подведомственно не су-

---

¹ См.: Решетникова И.В. Судопроизводство в судах первой инстанции: сравнительно-правовой анализ через призму предстоящей унификации гражданского и арбитражного процессуального права // Арбитражный и гражданский процесс. 2015. № 2. С. 50.

² См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 30 от 3 октября 2017 г. // URL:<http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ARB;n=514623#0>

дебному, а иному юрисдикционному органу; дело не подлежит рассмотрению в порядке гражданского судопроизводства, поскольку разрешается в ином судебном порядке.¹ Но при всей понятности и простоте оснований к отказу в принятии искового заявления в таком виде, остаются в действии пресловутые критерии разграничения судебной подведомственности. Выходом из ситуации могло бы послужить введение правила о передаче дела по подведомственности в арбитражные суды в случае гражданской юрисдикции спора.

Теории гражданского процесса известна позиция о недопустимости использования подведомственности в качестве предпосылки права на обращение в суд как обстоятельства, препятствующего доступу к судебной защите. К.А. Чудиновских считает, что подведомственность более правильно оценивать как условие реализации права на судебную защиту и уверен в том, что отказ в принятии исковых заявлений в связи с неподведомственностью дела суду следовало бы запретить.² Приравнивание подведомственности к подсудности по процессуальным последствиям в виде возвращения судом искового заявления способно привести путаницу и усложнить работу судов, поскольку сохранит возможность неоднократного обращения в суд с одним и тем же иском. На наш взгляд, можно выделить новые основания для отказа в принятии исковых заявлений в арбитражном и гражданском процессе, охватывающие основные аспекты неподведомственности гражданских дел суду. Например, отдельными основаниями должны стать неправомерный характер спора³, подведомственность дела несудебным органам, рассмотрение дела посредством иной формы осуществления правосудия.

Литература

1. Борисова В.Ф. Заявление, не подлежащее рассмотрению в порядке гражданского судопроизводства: требования закона и правоприменительная практика // Судья. – 2014. – № 11.

2. Васьковский Е.В. Учебник русского гражданского процесса. Москва: Изд. Бр. Башмаковых, 1917.

---

¹ См.: Борисова В.Ф. Заявление, не подлежащее рассмотрению в порядке гражданского судопроизводства: требования закона и правоприменительная практика // Судья. 2014. № 11. С. 20 -21.

² См.: Чудиновских К.А. Подведомственность в системе гражданского и арбитражного процессуального права: автореф. дисс...канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2002. С. 9-10.

³См.: Туманов Д.А., Алехина С.А. К вопросу о правовом характере спора и правоспособности как предпосылок права на предъявление иска // Журнал российского права. 2009. № 12. С. 100-101.

3. Гурвич М.А. Право на иск. М.Л., 1949.
4. Концепция единого Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации /Вступ. слово П.В. Крашенинникова. М., 2015.
5. Осипов Ю. К. Подведомственность юридических дел: автореф. дис...канд. юрид. наук. Свердловск, 1974.
6. Решетникова И.В. Судопроизводство в судах первой инстанции: сравнительно-правовой анализ через призму предстоящей унификации гражданского и арбитражного процессуального права // Арбитражный и гражданский процесс. – 2015. – № 2.
7. Султанов А.Р. О проблемах подведомственности и о конфликтах отрицательной компетенции // Закон.- №7. – 2008.
8. Туманов Д.А., Алехина С.А. К вопросу о правовом характере спора и правоспособности как предпосылок права на предъявление иска // Журнал российского права. – 2009. – № 12.
9. Чудиновских К.А. Подведомственность в системе гражданского и арбитражного процессуального права: автореф. дисс...канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2002.
10. Юдин А.В. Интерпретация критерия субъектного состава гражданско-правового спора для целей определения подведомственности дела суду общей юрисдикции (по материалам практики ВС РФ) // Вестник гражданского процесса. – 2012. – № 4.

Данилов Давид Борисович,
кандидат юридических наук
заместитель начальника кафедры
гражданского права и процесса
Краснодарского университета МВД России

Приказное производство как альтернативная процедура гражданского процесса

Законодатель предпринял попытки реформирования, обращенные на судебные процедуры с целью их упрощения, совершенствование гражданского процесса, облегчение судебной нагрузки. Можно отметить, что замысел состоит в оперативности и экономичности судебных процедур и как следствие доступности. Кроме того, с учетом сказанного, законодатель стремится реализовать в гражданском процессе упрощенные судебные процедуры.

В юридической литературе относительно приказного производства наличествуют различные взгляды ученых. Например, Шадловская О.Д., Загайнова С.К., Чечина Н.А отмечают, что в настоящее

время существует особая упрощенная процессуальная форма, к которой относится приказное производство¹.

Другие ученые отмечают, что приказное производство является процессуальной процедурой, но не относится к судебным процедурам.²

С учетом изложенного, особо хочется отметить, что в настоящее время существует ряд существенных проблем в рамках приказного производства, в первую очередь это относится к низкому уровню гарантий приказного производства для участников, таких как должник. В приказном производстве отсутствуют принципы диспозитивности, состязательности, устности, указанное выражается в том, что заинтересованные лица не дают объяснений, не вызываются в суд, при этом суд вынужден основываться лишь на представленных документах, которые были направлены взыскателем, в этой связи, у должника отсутствует возможность заявить о возражениях. В качестве примера, можно привести следующую ситуацию, когда заявление о выдаче судебного приказа подается при истечения срока исковой давности. В соответствии со статьей 199 ГК РФ исковая давность может быть применена судом в случае заявления одной из сторон. В данной ситуации получается, что отсутствует возможность у должника подать указанное заявление и может заявить возражения после вынесения судебного приказа. Следует учесть быстроту доставки почты, в некоторых случаях должник вынужден заявлять в суд о восстановлении пропущенных сроков на отмену судебного приказа.

В процессе совершенствования приказного производства, законодатель решил расширить перечень вопросов, которые могут рассматриваться в приказном производстве. В соответствии со статьей 122 ГПК РФ увеличен список оснований, по которым суд вправе выдать судебный приказ.

С учетом изложенного, лучшим положением для сторон будет заявление требований и возражений всех заинтересованных сторон в судебном заседании, что отсутствует в приказном производстве. В данном случае существует значительное неравенство положения сторон в приказном производстве. Позитивным примером в этой связи является упрощенное производство в гражданском процессе, в кото-

---

¹ Загайнова С.К. О теоретико-правовых вопросах совершенствования приказного производства // Тенденции развития гражданского процессуального права России: Сб. науч. статей. СПб., 2008. С. 363 - 366.

² Герасимов А.В., Данилов Д.Б. Реформирование ГПК РФ в связи с принятием КАС РФ // Арбитражный и гражданский процесс. – 2016. – № 7 С. 3-7.

ром заинтересованные стороны вправе представлять для защиты прав свои позиции и ссылаться на доказательства. Упрощенное производство дает возможность достигать задач и целей гражданского судопроизводства, при этом сохраняя равенство между своевременностью и правильностью рассмотрения гражданских дел.

В продолжение, необходимо также вспомнить и Федеральный конституционный закон «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации», которая указывает, что суды общей юрисдикции осуществляют правосудие, разрешая споры и рассматривая дела, отнесенные к их компетенции, посредством гражданского, административного и уголовного судопроизводства. Следует отметить, что при осуществлении приказного производства, учитывая бесспорность заявленных требований, в этой ситуации правосудие не осуществляется.

Рассматривая сущность приказного производства, хотелось бы принять точку зрения ученых, которые разделяют правовые процедуры, относя к ним приказное производство и процессуальные формы, с помощью которых реализуется гражданское судопроизводство. Так, Рассакатская Н.А. отмечает, что процессуальная форма является идеальной моделью гражданского судопроизводства, в которой сосредоточены множество требований к документам, а также различным процессуальным действиям¹.

Громошина Н.А. отмечает, что подраздел «Приказное производство» необходимо переместить в самый конец ГПК РФ. Ученый указывает, что необходимо зафиксировать за приказным производством роль допроцессуального производства².

Схожей позиции придерживается Рассакатская Н.А., считающая необходимым передать приказное производство в ведение соответствующих административных, регистрационных органов³.

В то же время по данному совету высказался Президиум Совета судей Российской Федерации в Постановлении № 489 от 25 февраля 2016 г., где предложил передать дела приказного производства в ком-

---

¹ Рассакатская Н.А. Пределы гражданской процессуальной формы // Правоведение. 1996. № 3(214). С. 139.

² Громошина Н.А. Дифференциация и унификация в гражданском судопроизводстве. С. 346.

³ Рассакатская Н.А. Проблемы специализации гражданско-процессуальной деятельности. URL: http://www.legist.ru/conf/_Rassakhatskaya.htm.

петенцию нотариусов и разрешать их путем учинения исполнительной надписи¹.

В настоящее время, кроме ГПК РФ, похожий институт присутствует в законодательстве о нотариате, так в соответствии с пунктом 13 части 1 статьи 35 Основ законодательства о нотариате Российской Федерации нотариусы совершают исполнительные надписи. Особенностью указанного института является то, что взыскание выполняется в бесспорном порядке и на основании установленного перечня документов. Следует отметить, что существуют некоторые особенности при совершении исполнительной надписи, так необходимо обязательное уведомление кредитором должника за две недели до обращения к нотариусу, а после уведомление нотариусом должника о факте совершения исполнительной надписи.

Полагаем, что в сегодняшних социально-политических условиях передать полностью приказное производство в руки нотариусов не является возможным. В первую очередь, это связано с тем, что у законодателя своя, отличная от взглядов ученых, позиция по поводу приказного производства. В то же время обращает на себя внимание исполнительная надпись нотариуса, которая является эффективным средством оптимизации гражданского судопроизводства, разгрузки мировых судей от огромного количества рассматриваемых ими дел. Некоторые подвижки в этой сфере демонстрирует принятый совсем недавно Федеральный закон № 360-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», который внес ряд изменений в гл. XVI Основ законодательства о нотариате.

Нам видится, что лучшим путем изменений является увеличение оснований, по которым может быть совершена исполнительная надпись нотариуса. В данном случае однажды количественные изменения могут перейти в качественные.

Литература

1. Герасимов А.В., Данилов Д.Б. Реформирование ГПК РФ в связи с принятием КАС РФ // Арбитражный и гражданский процесс. – 2016. – № .7 С. 3-7.
2. Громошина Н.А. Дифференциация и унификация в гражданском судопроизводстве: Дис. ... д. ю. н. / Н.А. Громошина. М., 2010. 409 с.

---

¹ Постановление Президиума Совета судей РФ от 25 февраля 2016 г. № 489 «Об итогах обобщения предложений по оптимизации судебной нагрузки» // СПС «КонсультантПлюс».

3. Загайнова С.К. О теоретико-правовых вопросах совершенствования приказного производства / С.К. Загайнова // Тенденции развития гражданского процессуального права России: Сб. науч. статей. СПб., 2008. С. 363–366.

4. Рассахатская Н.А. Пределы гражданской процессуальной формы / Н.А. Рассахатская // Правоведение. 1996. № 3(214). С. 137 – 144.

5. Рассахатская Н.А. Проблемы специализации гражданско-процессуальной деятельности / Н.А. Рассахатская. URL: http://www.legist.ru/conf/_Rassakhatskaya.htm.

Данилов Данил Борисович,
преподаватель кафедры
оперативно-розыскной деятельности
Краснодарского университета МВД России

Возмещение имущественного вреда, причиненного преступлением в сфере долевого строительства многоквартирных домов и иных объектов недвижимости

Реализуемое гражданами право на жилище, продекларированное в Конституции Российской Федерации (ч. 2 ст. 40), зачастую обеспечивается возможностью участия в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости.

Принимая во внимание сложный характер правового регулирования отношений, связанных с привлечением денежных средств граждан для участия в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости, а также высокую степень риска дольщиков, законодательными органами государственной власти предпринимаются законодательные инициативы, призванные минимизировать риски и повысить эффективность возмещения ущерба.

Результатом одной из таких инициатив стало принятие поправок в Уголовный кодекс Российской Федерации (далее УК РФ)¹ дополнивших Особенную часть, нормой закрепленной в ст. 200³ УК РФ, устанавливающей ответственность за привлечение денежных средств граждан для строительства в нарушение требований законодательства

---

¹ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления уголовной ответственности за нарушение требований законодательства об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и (или) иных объектов недвижимости: Федеральный закон от 1 мая 2016г. №139-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 2 мая 2016г. №18 ст. 2515.

Российской Федерации об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и (или) иных объектов недвижимости в крупном размере.

Очевидно, что данная законодательная инициатива нацелена на обеспечение возможности решения возникших проблем на активно развивающемся рынке долевого строительства жилья, где нередки случаи манипуляций недобросовестными застройщиками, в результате чего растет количество «обманутых дольщиков».

Полагаем, что установление уголовной ответственности за недобросовестные действия застройщика, при исполнении им обязательств по строительству многоквартирных домов, обусловлена постановкой под угрозу причинения имущественного вреда физическим лицам, участвующим в долевом строительстве. Вероятно, риски возникновения таких угроз напрямую связаны с нарушениями установленных правил ведения финансово-экономической деятельности.

Можно предположить, что ни один дольщик не будет отрицать того, что неисполнение застройщиком договорных обязательств способно привести его в стрессовое состояние, вызвать чувство страха за возможную утрату квартиры и денег. Эта, на первый взгляд, субъективная оценка, тем не менее, отвечает всем признакам, характеризующим правовую категорию «моральный вред»: нравственные страдания обусловлены виновным бездействием застройщика. Следовательно, она имеет право на существование и может быть трансформирована в исковое требование к застройщику о компенсации морального вреда.

По мнению законодателя, уголовная ответственность за нарушение установленного порядка привлечения денежных средств граждан в нарушение требований законодательства Российской Федерации об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и (или) иных объектов недвижимости, должно способствовать повышению превентивной функции вводимой в УК РФ нормы, поскольку для обманутых дольщиков возмещение ущерба в полном объеме имеет принципиальное значение¹.

---

¹ Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях в части установления уголовной ответственности за нарушение требований законодательства об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и (или) иных объектов недвижимости и нецелевое использование денежных средств, уплачиваемых участниками долевого строительства по договору участия в долевом строительстве» [Электронный ресурс] // <http://docs.cntd.ru/document/420227745> (дата обращения 13.04.2018г.)

До недавнего времени легальными средствами воздействия на недобросовестных застройщиков и защиты прав граждан служили главным образом следующие механизмы:

- 1) повышенные требования к форме, содержанию и порядку заключения договоров долевого участия в строительстве;
- 2) обязательное страхование ответственности застройщика;
- 3) создание и ведение специального реестра граждан, чьи денежные средства привлечены для строительства многоквартирных домов и чьи права нарушены (так называемый реестр обманутых дольщиков);
- 4) административная ответственность, предусмотренная ст. 14.28 КоАП РФ.

Ввиду изложенных обстоятельств, установление уголовной ответственности за неправомерные действия застройщика, является своевременной и необходимой мерой обладающей достаточным потенциалом для обеспечения охраны общественных отношений в сфере строительного рынка многоквартирного жилья.

Известно, что эффективность решения задач в сфере правового регулирования общественных отношений во многом зависит от того, насколько удачной является законодательная конструкция правовой нормы.

Одна из юридических проблем возникающая при применении уголовно-правовой нормы, обеспечивающей охрану общественных отношений в сфере долевого строительства, заключается в избыточном использовании общих понятий, которые требуют легального толкования. В отсутствие законодательных разъяснений сущности сформулированных в ст. 200³ УК РФ положений и терминов, вполне вероятным будет их противоречивое понимание правоприменителем.

В норме ст. 200³ УК РФ, предусмотрена уголовная ответственность за привлечение денежных средств от граждан «с нарушением законодательства РФ об участии в долевом строительстве», совершенное либо в крупном размере (3 млн рублей), либо группой лиц по предварительному сговору или в особо крупном размере (5 млн рублей). При этом в норме закона не конкретизируется, какие именно нарушения закона должны быть допущены со стороны застройщика.

Отмеченное обстоятельство позволяет говорить о широком использовании законодателем, бланкетных приемов при формулировании признаков объективной стороны состава ст. 200³ УК РФ, что тре-

бует обращения к нормативно-правовым актам, имеющим иную отраслевую принадлежность¹.

Не ставя перед собой цели, осуществить анализ бланкетных положений исследуемой нормы, в контексте рассматриваемых вопросов – отметим, что объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 200³ УК РФ имеет формальный характер, а именно, для признания преступления окончанным достаточно фактического привлечения денежных средств граждан для строительства в нарушение требований законодательства Российской Федерации об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и (или) иных объектов недвижимости.

Можно предположить, что избранный законодателем подход к законодательной конструкции исследуемой нормы, предоставит правоприменителю возможность реагирования на факты допущенных нарушений в привлечении средств граждан для участия в долевом строительстве, до наступления общественно-опасных последствий в виде причиненного дольщикам реального имущественного ущерба.

В своем отзыве на принятый законопроект Верховный Суд РФ отмечал, что сформулированные в новых составах деяния сконструированы как преступления с формальным составом², то есть преступления, для квалификации которых не имеет значение причиненный деянием ущерб, а также причинно-следственная связь между деянием и ущербом. Такие преступления считаются окончанными в момент совершения.

На практике юридическая конструкция ст. 200³ УК РФ дает основания для возбуждения уголовного дела только лишь при наличии факта получения денежных средств от гражданина (граждан) в размере 3 млн. руб. и более с одновременным наличием какого-либо нару-

---

¹ Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 30 декабря 2004 г. №214-ФЗ (в ред. ФЗ от 1 июля 2017г. № 141-ФЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации от 3 января 2005 г. №1 (часть I) ст. 40.

² Официальный отзыв Верховного Суда РФ от 6 марта 2013 г. №2-ВС-899/13 на проект федерального закона №469182-6 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях в части установления уголовной ответственности за нарушение требований законодательства об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и (или) иных объектов недвижимости и нецелевое использование денежных средств, уплачиваемых участниками долевого строительства по договору участия в долевом строительстве» [Электронный ресурс] // <http://ivo.garant.ru/#/document/57710452/paragraph/1:0> (дата обращения: 13.04.2018г.).

шения требований законодательства об участии в долевом строительстве (отсутствие разрешения на строительство, отсутствие опубликования проектной декларации, отсутствие государственной регистрации права на земельный участок, отсутствие договора участия в долевом строительстве, заключенного в письменной форме и прошедшего государственную регистрацию, и т. д.).

Но как оценивать ситуацию, при которой на момент привлечения денежных средств граждан организация-застройщик отвечала всем требованиям законодательства об участии в долевом строительстве, но в последующем по тем или иным причинам, в результате тех или иных обстоятельств перестала соответствовать им, что привело к образованию так называемых долгостроев и, собственно, нарушению договорных обязательств перед дольщиками?

При решении таких ситуаций, в нормах устанавливающих уголовную ответственность за экономические преступления, законодатель нередко прибегает к альтернативному варианту урегулирования возникшего уголовно-правового конфликта. Предоставляя возможность лицу, фактически совершившему оконченное преступление, загладить причиненный вред, либо предпринять своевременные меры по устранению реальной угрозы его наступления, возместить причиненный ущерб, и тем самым, избежать уголовной ответственности.

Условия, освобождения от уголовной ответственности за преступление, связанное с привлечением денежных средств граждан для строительства, в нарушение требований законодательства Российской Федерации, об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и (или) иных объектов недвижимости, сформулированы в примечании 2 к ст. 200³ УК РФ.

Положения, получившие закрепление в примечании 2 к ст. 200³ УК РФ законодатель формулирует следующим образом: «Лицо, совершившее преступление, предусмотренное настоящей статьей, освобождается от уголовной ответственности, если сумма привлеченных денежных средств (сделки с денежными средствами) возмещена в полном объеме и (или) если указанным лицом приняты меры, в результате которых многоквартирный дом и (или) иной объект недвижимости введены в эксплуатацию».

Таким образом, в анализируемом примечании, законодатель формулирует два альтернативных условия, исполнение которых являются основанием освобождения от уголовной ответственности за совершение деяний, образующих признаки состава преступления предусмотренного ст. 200³ УК РФ:

1. возмещение в полном объеме суммы привлеченных денежных средств;

2. принятие мер, в результате которых многоквартирный дом и (или) иной объект недвижимости введены в эксплуатацию.

Согласимся с тем, что для «обманутого дольщика» возмещение в полном объеме денежных средств имеет более принципиальное значение, чем реальное отбытие наказания виновным лицом. В связи с этим такое основание освобождения от уголовной ответственности, как возмещение суммы привлеченных денежных средств (сделки с денежными средствами) в полном объеме, предусмотренное в примечании к ст. 200³ УК РФ, безусловно, способствует повышению превентивной функции. Однако возврат денежных средств в условиях инфляции становится хорошим, но не лучшим решением для потерпевшего.

Застройщик, привлекая денежные средства граждан и юридических лиц для оплаты своих услуг и строительства объекта долевого строительства, определенный период времени пользуется данными денежными средствами. Соответственно, застройщик, у которого в этот период находятся деньги, несет бремя их обесценивания. Участник долевого строительства, уплативший деньги за объект долевого строительства, в случае невыполнения застройщиком своих обязательств по строительству объекта долевого строительства, по истечении 1-2 лет (или иного периода строительства объекта) уже не сможет рассчитывать на приобретение, например, квартиры по такой же стоимости и такого же качества, которая могла быть ему ранее доступна, ввиду постоянного удорожания строительных материалов, энергии и недвижимости. Таким образом, на застройщика возложены инфляционные риски, он несет ответственность за те денежные средства участников, которые у него на счету.

Считаем, что было бы более целесообразно предусмотреть в качестве освобождения от уголовной ответственности по ст. 200³ УК РФ не только возмещение потерпевшему реального ущерба, но и выплату процентов по денежному обязательству, своего рода, плату за пользование денежными средствами.

Однако в пункте 23 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 июня 2010 г. №17 «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве»¹ предусмотрено, что размер присужденной к взысканию

---

¹ О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 июня 2010г. №17 (в ред. Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 16 мая 2017г. №17) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2010. № 9.

суммы компенсации причиненного вреда не может быть увеличен с учетом индексации в порядке исполнения приговора, поскольку такое решение не предусмотрено главой 47 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Заявление гражданского истца об индексации рассматривается судом в порядке гражданского судопроизводства в соответствии с ч. 1 ст. 208 Гражданского процессуального кодекса РФ.

Подводя итог изложенному, отметим, что введение уголовной ответственности за привлечение денежных средств граждан в нарушение требований законодательства Российской Федерации об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и (или) иных объектов недвижимости не сможет в полной мере гарантировать гражданам безопасность вложенных денежных средств.

Зубович Михаил Мстиславович,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры гражданского
процессуального права Северо-
Кавказского филиала Российского
государственного университета
правосудия, Почетный работник
высшего профессионального
образования Российской Федерации

О процессуальном взаимодействии сторон при возбуждении судебных дел по экономическим спорам

В условиях предлагаемых Верховным судом Российской Федерации глобальных изменений действующих многие десятилетия правовых норм, в отрыве от существующих представлений юридической науки об институтах цивилистического процесса¹, концептуальный научный анализ по достижению задач совершенствования судопроизводства исторически присущими ему средствами, не допускающими уничтожения основ цивилистического процесса, является архиважным.

---

¹ См.: Проект федерального закона № 383208-7 «О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации, Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации, Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации»// Официальный сайт Государственной Думы РФ. URL: <http://sozd.parlament.gov.ru/bill/383208-> (дата обращения 8.02.2018)

Среди таких средств, несомненно, важное место занимает развитие процессуально-правового взаимодействия всех участников процесса и суда на всех этапах развития арбитражного процесса.

Под цивилистическим процессуальным взаимодействием мы понимаем взаимно соотнесенные процессуальные действия (правовые коммуникации) всех участников цивилистического судебного процесса, осуществляемые ими путем реализации их прав и обязанностей, на базе осмысленных ими стратегических, тактических, методических (ситуационных) особенностей процессуального поведения, в целях разрешения гражданского (арбитражного) дела¹.

Важная особенность процессуального взаимодействия сторон в арбитражном процессе в том, что состязание сторон охватывает как фактическую, так и правовую сторону экономического спора.

Истец обязан включить в исковое заявление ссылку на нормы права, обосновывающие его требования, ответчик обязан предоставить отзыв на исковое заявление со ссылкой на нормы права, обосновывающие его возражения (ст.ст.125,131 АПК РФ).

Однако правовой механизм процессуального взаимодействия истца, подавшего исковое заявление и ответчика, представляющего отзыв на иск, несовершенен.

Копия искового заявления и прилагаемых к нему документов направляется заявителем лицу, названному им в иске «ответчиком» (а также другим лицам, участвующим в деле) до обращения заявителя с иском в арбитражный суд.

Согласно ч. 3 ст.131 АПК РФ, отзыв на исковое заявление направляется в арбитражный суд и лицам, участвующим в деле, заказным письмом с уведомлением о вручении в срок, обеспечивающий возможность ознакомления с отзывом до начала судебного заседания. О направлении отзыва и сроке, в течение которого лица, участвующие в деле, должны представить отзыв, может быть указано в определении о принятии искового заявления к производству арбитражного суда.

По сложившейся практике ответчик не торопится с направлением отзыва на исковое заявление, отзыв представляется им обычно по указанию судьи, включенному в первый судебный акт (определение) арбитражного суда по делу, то есть уже по возбужденному арбитражному делу (с указанием номера дела), на этапе его подготовки к судебному разбирательству.

---

¹ Зубович М.М. Процессуальное взаимодействие субъектов арбитражного доказывания //Сибирский юридический вестник. 2010. № 2. С. 146-151.

Полагаем, что для оптимизации взаимодействия сторон в стадии возбуждения арбитражного дела необходимо установить конкретный предельный срок направления ответчиком отзыва на исковое заявление: «ответчик направляет в установленном порядке отзыв на исковое заявление в течение 7 (семи) дней с момента получения копии искового заявления от истца». В этом случае взаимодействие сторон окажется процессуально урегулированным в рамках стадии «возбуждение арбитражного дела».

Увеличение временного периода для предлагаемого нами варианта процессуального взаимодействия сторон в стадии возбуждения арбитражного дела станет возможным в случае принятия законодателем предложений Верховного Суда Российской Федерации в части увеличения вдвое общего срока рассмотрения дела арбитражным судом первой инстанции (ст.152 АПК РФ).

Правовое состязание сторон, начавшееся с обмена сторонами состязательными бумагами в стадии возбуждения арбитражного дела должно получить в процессе свое логическое завершение. Судом должен быть вынесен правоприменительный акт, содержащий ссылки на примененные судом нормы материального и процессуального права.

Наметившийся в правотворчестве переход к широкому отказу от вынесения судебных решений в полном объеме, на наш взгляд, может быть вынужденно принят только при условии включения в текст судебного решения указания на нормы материального и процессуального права, примененные судом.

Анализ судебной практики подтверждает, что и сегодня некоторые судьи, при вынесении «резолютивных» судебных решений (ч.1 ст.229 АПК РФ), включают в их содержание ссылку не только на нормы процессуального права, но и на нормы материального права, несмотря на то, что законом такие ссылки отнесены к содержанию мотивировочной части решения арбитражного суда (п.3 ч.4. ст.170 АПК РФ). К примеру, Резолютивная часть решения от 20 июля 2017 г., вынесенного Арбитражным судом Краснодарского края в составе судьи Р. А. Решетникова по делу № А32-19989/2017, содержит ссылки на примененные судом по данному делу упрощенного производства статьи Гражданского кодекса РФ и статьи АПК РФ¹.

В то же время, Резолютивная часть решения от 7 июля 2017 г. по делу № А40-92698/2017, вынесенного Арбитражным судом города Москвы в составе судьи А.Б. Поляковой, содержит ссылки только на статьи АПК РФ и, кстати сказать, не содержит указания на вынесение

---

¹ URL: <http://sudact.ru/arbitral/doc/X8dn2u6vk4H5/?arbitral-txt=1521544821172>

судебного решения именем Российской Федерации¹. Вместе с этим, вызывает принципиальный протест указание некоторыми судьями в Судебном приказе на вынесение приказа именем Российской Федерации²

Во многих случаях решения, вынесенные судами в порядке части 1 ст.229АПК РФ содержат ссылки только на статьи АПК РФ.

Как видим, содержание «резолютивных» решений арбитражных судов далеко от единообразия. В связи с чем, необходимо четко регулировать в АПК РФ содержание так называемых «резолютивных» судебных решений. Полагаем, что в него должны войти не только вводная и резолютивная части решения суда, но и отдельные элементы частей описательной (в части описания требований заявителя) и мотивировочной (в части ссылки на нормы материального и процессуального права).

В противном случае решение суда не будет иметь корреспонденции с предъявленным иском и утратит значение правоприменительного акта.

Игбаева Гузель Римовна,

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры гражданско-правовых
дисциплин Уфимского ЮИ МВД России
подполковник полиции;

Шакирова Зульфия Римовна,

кандидат юридических наук,
старший преподаватель кафедры
теории и истории государства и права
Уфимского ЮИ МВД России
подполковник полиции

Правовая природа криптовалют

В последнее время все большую актуальность приобретают вопросы определения оптимального правового регулирования отношений, связанных с использованием криптовалют. Одним из важнейших аспектов правового режима криптовалюты выступает ее квалификация в качестве объекта гражданских прав.

---

¹ URL: <http://sudact.ru/arbitral/doc/WDJrm6isSvVd/>

² URL: <http://kad.arbitr.ru/Card/3947b5b5-64df-4369-989e-b009128a4a0e>

Как отмечает А. И. Савельев, «от такой квалификации зависит решение вопросов:

1) о правовой природе договоров, которые могут заключаться в отношении криптовалют, и, соответственно, о выборе применимых к ним правовых норм;

2) правилах налогообложения соответствующих транзакций;

3) порядке реализации государством конфискованных единиц криптовалюты, а равно порядке распоряжения ими в рамках процедур банкротства и ряда других практических вопросов»¹.

В настоящее время криптовалюта де-факто сама по себе стала определенной ценностью, а ее социальная значимость растет. В связи с этим ниже особенно подробно будет рассмотрен вопрос определения сущности криптовалют, регулирования ее выпуска, обращение, хранения в различных юрисдикциях, а также сделаны предложения по совершенствованию законодательства РФ в целях соблюдения баланса между регулированием, законных интересов граждан и государства.

В отечественной доктрине сложились различные подходы к решению вопроса об определении правовой природы криптовалюты.

Наиболее часто рассматриваются варианты квалификации криптовалюты как денег, электронных денежных средств, валютных ценностей и информации.

Прежде всего необходимо дать определение криптовалюте.

Криптовалюта представляет собой цифровое выражение стоимости, которое может быть продано в цифровой форме и функционирует как:

1. средство обмена и / или

2. расчетная единица и / или

3. потенциально имеет стоимость в будущем (средство сбережения/накопления), но не имеет статуса законного платежного средства. Виртуальная валюта не эмитируется и не гарантируется каким-либо государством и выполняет вышеуказанные функции только по согласию в сообществе пользователей виртуальной валюты.

Криптовалюта – это разновидность цифровой валюты, создание и контроль за которой базируются на криптографических методах. Как правило, учет криптовалют децентрализован. Функционирование данных систем основано на технологии блокчейна. Информация о транзакциях обычно не шифруется, но доступна в открытом виде.

---

¹ Савельев А.И. Криптовалюта в системе объектов гражданских прав // Закон. 2017. № 8. С. 136-153.

Фиатные валюты («настоящая валюта», «реальные деньги» или «национальная валюта») в отличие от криптовалюты, является законным платежным средством, обращается в стране – эмитенте, является в ней средством обмена.

Виртуальная валюта отличается от электронных денег, которые представляют собой цифровым представлением валюты fiat, используемой для электронной передачи стоимости, номинированной в валюте.

Большинство исследователей отмечают, что единственно возможным вариантом определения правового режима криптовалют должен быть связан с их квалификацией в качестве иного имущества¹.

Ни ГК РФ, ни иные законодательные акты не раскрывают содержание понятия «иное имущество». В отечественной доктрине к нему часто относят все то, что не укладывается в иные виды объектов гражданских прав, но при этом активно циркулирует в обороте, например долю в уставном капитале общества².

Квалификация криптовалюты в качестве иного имущества тем самым сравнима с квалификацией договора в качестве непоименованного: она позволяет легитимировать договор, но не позволяет четко определить применимые к нему положения³.

Кроме того, отсутствие дефиниции самого понятия «иное имущество», усугубляемое негативными высказываниями отдельных государственных органов в адрес криптовалют, не позволяет в полной мере снять неопределенность относительно их правового режима.

Появление и распространение криптовалюты неразрывно связано с ICO (ICO – форма привлечения инвестиций в виде продажи инвесторам фиксированного количества новых единиц токенов (криптовалют), полученных при разовой или ускоренной эмиссией). По своей природе, данный процесс схожен с IPO – первичным размещением акций.

---

¹ Подробнее см.: Савельев А.И. Электронная коммерция в России и за рубежом: правовое регулирование. М., 2014. С. 433; Архипов В. Bitcoin: основные принципы и отдельные юридически значимые особенности // Закон.ру. 2014. 13 янв. URL: https://zakon.ru/blog/2014/01/13/bitcoin_osnovnye_principyu_i_otdelnye_yuridicheskiznachimye_osobennosti (дата обращения: 27.07.2017).

² Гонгалло Б.М. Доля в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью как объект гражданского оборота // Проблемы развития частного права: Сб. ст. к юбилею В.С. Ема / Отв. ред. Е.А. Суханов, Н.В. Козлова. М., 2011; СПС «КонсультантПлюс».

³ Савельев А.И. Криптовалюта в системе объектов гражданских прав // Закон. 2017. № 8. С. 136-153.

При первичном размещении акций (IPO), инвестор получает акции, и данное понятие однозначно толкуется в действующем законодательстве; также как и при размещении облигаций. При приобретении производных финансовых инструментов (ETF, каких-либо сертификатов и т. п.) также определено что именно приобретает инвестор. При ICO ситуация не такая однозначная.

В соответствии с Report of Investigation Pursuant to Section 21(a) of the Securities Exchange Act of 1934 (the Report) от 25 июля 2017 г. необходимо определить, что именно приобретает инвестор и соответственно регулировать возникающие отношения. Инвестор может приобрести либо ценную бумагу либо, не бумагу. В случае, если происходит размещение ценных бумаг, применяется полноценное регулирование, применимое к выпуску ценных бумаг. Для того, чтобы понять, что именно размещается предлагается использовать *Howey test*, выработанный в 1946 г. Верховным судом США.

Согласно данному Решению, инвестор приобретает инвестиционный контракт (ценную бумагу), если при приобретении инвестор руководствуется следующим:

1. Наличие факта инвестирования.
2. Вложение в общее предприятие.
3. Ожидание будущих прибылей в результате деятельности третьих лиц.

Некоторые криптовалюты, например, на данный момент не подходят под понятие ценной бумаги по определению SEC. ICO изначально ставило целью собрать средства на развитие того или иного сервиса, чтобы в дальнейшем участники, обладающие токенами, могли программировать или использовать будущую систему или ее продукты в своих целях или подключиться к системе, своеобразный входной билет. Эти моменты точно не подходят под тест Хауи.

Таким образом, распространением на ICO обычное для ценных бумаг регулирование, может быть заполнен правовой вакуум.

При этом в ряде юрисдикций ICO прямо запрещено. Например, в Китае. Практически, нет стран, законодательство которых предусматривало бы специальное регулирование криптовалют. Криптовалюты приравниваются либо к платежным средствам, либо к имуществу. Регулированию в некоторых странах подлежат доходы, связанные с обращением либо созданием криптовалют. В некоторых странах создание новых единиц валют (майнинг) влечет возникновение НДС. Пока не выработано четкое понимание сущности криптовалюты, какова ее как юридическая, так и экономическая сущность.

Власти большинства стран настороженно относятся к криптовалютам с точки зрения идентификации, противодействия терроризма, отмыванию денежных средств. Кроме того, спекуляции в связи с криптовалютами вызывают особую настороженность.

Большинством стран признается важность как криптовалют, так и соответствующих технологий.

Российская Федерация также рассматривает возможности регулирования данных процессов. Минфин РФ в ответе на частный запрос указал, что доход от криптовалют должен рассматриваться как обычный доход и никакого специального режима налогообложения не предусмотрено.

Также Минфин России информирует о подготовке проекта федерального закона «О цифровых финансовых активах»¹, в котором дается определение статуса цифровых технологий, применяемых в финансовой сфере, и их основных понятий, включая криптовалюты, исходя из обязательности рубля в качестве единственного законного платежного средства в РФ.

Проектом также урегулированы вопросы, связанные с публичным привлечением денежных средств и криптовалют путем размещения токенов (ICO) по аналогии с регулированием первичного размещения ценных бумаг, а также определены особенности оборота цифровых финансовых активов.

Предлагаемое проектом законодательное закрепление определения криптовалюты, являющейся имуществом в электронной форме, а также устанавливаемый особый порядок совершения на территории РФ сделок с криптовалютой только через операторов обмена цифровых финансовых активов, соответствующих специальным требованиям, позволит существенно снизить риски мошенничества, ПОД/ФТ, а также будет способствовать созданию прозрачного налогового режима для операций с криптовалютами, что приведет к увеличению налоговых поступлений в российский бюджет.

Минфин России особо отмечает, что использование криптовалют на территории РФ в качестве средства платежа не предполагается. На сегодняшний день в завершающей стадии разработки находится проект федерального закона, предусматривающий определение в законодательстве РФ понятия «денежные суррогаты», а также установление ответственности за их использование в качестве средства платежа. Разработка данного законопроекта обусловлена необходи-

---

¹ Проект Федерального закона № 419059-7 «О цифровых финансовых активах» (ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 20.03.2018).

мостью сохранения конституционного статуса рубля в качестве единственного законного платежного средства и обеспечения стабильности финансовой системы РФ.

Появились новые отношения, подлежащие детальному правовому регулированию с учетом важности цифровой экономики, с одной стороны, и защиты интересов граждан и государства, с другой.

Литература

1. Архипов В. Bitcoin: основные принципы и отдельные юридически значимые особенности // Закон.ру. 2014. 13 янв. URL: https://zakon.ru/blog/2014/01/13/bitcoin_osnovnye_principy_i_otdelnye_yuridicheski_znachimye_osobennosti (дата обращения: 27.03.2018).

2. Гонгало Б.М. Доля в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью как объект гражданского оборота // Проблемы развития частного права: Сб. ст. к юбилею В.С. Ема / Отв. ред. Е.А. Суханов, Н.В. Козлова. М., 2011

3. Проект Федерального закона № 419059-7 «О цифровых финансовых активах» (ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 20.03.2018).// СПС Консультант плюс.

4. Савельев А.И. Криптовалюта в системе объектов гражданских прав // Закон. 2017. № 8. С. 136-153.

5. Савельев А.И. Электронная коммерция в России и за рубежом: правовое регулирование. М., 2014. С. 433.

Казарина Тамара Николаевна,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры гражданского процессуального права
Северо-Кавказского филиала
Российского государственного
университета правосудия

Приказное производство: к вопросу об изменениях, внесенных федеральным законом № 45-ФЗ от 2 марта 2016 года «О внесении изменений в гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации и арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации»

Немногим более двадцати лет назад институт приказного производства был возрожден в гражданском процессе Федеральным законом от 30 ноября 1995 года. С принятием Гражданского процессуаль-

ного кодекса Российской Федерации (далее – ГПК РФ) с учетом накопленного опыта применения данного института на практике, законодатель скорректировал ряд регулирующих его положений. Однако этим процессуальные преобразования в обозначенной сфере не завершились.

В поисках механизмов оптимизации цивилистического процесса законодатель стремится к его ускорению и упрощению. С целью отмеченных благих намерений институт приказного производства был внедрен и в арбитражный процесс, и в административное судопроизводство. Нормы, регулирующие исследуемый институт в гражданском процессе, также подверглись корректировке.

Однако не все предлагаемые законодателем преобразования, на наш взгляд, следует признать удачными. Таковыми являются изменения в ГПК РФ, внесенные Федеральным законом № 45 от 02.03.2016 г. «О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации и Арбитражный кодекс Российской Федерации»¹ (далее – ФЗ № 45 от 02.03.2016 г.).

Так, в соответствии с п. 1 ч. 1 ст. 23 ГПК РФ, мировой судья рассматривает дела о выдаче судебного приказа, по требованиям, которые в настоящее время ФЗ № 45 от 02.03.2016 г. ограничены размером в 500 тыс. рублей. При том, что в соответствии с п. 5 ч. 1 ст. 23 ГПК РФ, мировой судья рассматривает дела по имущественным спорам при цене иска, не превышающей пятидесяти тысяч рублей. Таким образом, конкуренция критериев (рода дела и цены требования) при определении правил родовой подсудности продолжает сохраняться.

Полагаем, это объясняется бесспорностью требований. Следовательно, в данном случае законодатель использовал такой критерий отнесения данных требований к ведению мировых судей, как бесспорность дела, а не цена иска.

Считаем, что оговорку о бесспорности требований необходимо внести в ст. 122 ГПК РФ. К примеру, статью 122 ГПК структурно представить двумя частями и часть вторую изложить следующей редакцией: «2. Судебный приказ выдается, если требования взыскателя носят бесспорный характер».

В связи с отмеченным, п. 1 ч. 1 ст. 23 ГПК РФ предлагаем изложить в следующей редакции: «1) дела о выдаче судебного приказа при цене взыскиваемых требований, не превышающей пятьсот тысяч

---

¹ Федеральный закон «О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации и Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации» от 02.03.2016 г. № 45-ФЗ //СПС Консультант Плюс.

рублей;». Это сделает последний более четким, и исключит текстуальное противоречие с п. 5 ч. 1 ст. 23 ГПК РФ, который (как было отмечено) ограничивает дела по имущественным спорам ценой иска в пятьдесят тысяч рублей.

Как следует из п.1 ч.1 ст. 23 ГПК РФ, дела о выдаче судебного приказа относятся к исключительной компетенции мирового судьи. Однако остается неясным, сохраняется ли возможность выдачи судебного приказа по требованиям, подпадающим под ст. 122 ГПК РФ, но при цене требования выше 500 тыс. рублей? Позволит ли правило, изложенное в ст. 24 ГПК РФ, толковать его следующим образом: районный суд будет наделен полномочием по выдаче судебного приказа, если размер денежных средств будет превышать 500 тыс. рублей, или выдача судебного приказа, по-прежнему, останется в исключительной компетенции мирового судьи?

Законодатель не дает прямого ответа на поставленный вопрос. Однако Верховный Суд РФ в пункте 21 Постановления Пленума от 27 декабря 2016 г. № 62 «О некоторых вопросах применения судами положений Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации о приказном производстве»¹ (далее – ППВС РФ № 62) дает следующие разъяснения: «мировой судья, арбитражный суд отказывает в принятии заявления о выдаче судебного приказа на основании части третьей статьи 125 ГПК РФ, части 3 статьи 229.4 АПК РФ в том числе в случаях: 1) если сумма заявленного требования либо общая сумма нескольких требований, указанных в заявлении, превышает установленные пределы...».

Следует заметить, что указанные разъяснения ППВС РФ № 62 применительно к части третьей статьи 125 ГПК РФ являются некорректными (в отличие от части 3 статьи 229.4 АПК РФ), поскольку из содержания упомянутых процессуальных норм не усматривается допустимый размер заявленного требования. Пункт 1 части 3 статьи 125 ГПК РФ в качестве основания для отказа в принятии заявления о вынесении судебного приказа предусматривает, если заявлено требование, не предусмотренное статьей 122 ГПК РФ. Однако упомянутая статья не содержит указания на возможные пределы размера требований (в отличие от статьи 229.4 АПК РФ). Они, как известно, закреплены в ст. 121 ГПК РФ.

Сказанное позволяет констатировать не унифицированный подход к реформированию цивилистического процессуального законода-

---

¹ СПС Консультант Плюс.

тельства, что является, по меньшей мере, не логичным, особенно в период работы над принятием единого Гражданского процессуального кодекса РФ.

Выше упомянутым ФЗ № 45 от 02.03.2016 г. подверглись изменению и другие гражданские процессуальные нормы, анализ которых также нуждается во внимании и оценке.

Вопрос о делении гражданского судопроизводства на отдельные виды долгое время являлся стабильно разрешенным.

Однако реформирование гражданского процессуального законодательства внесло свои коррективы.

Введение еще в ГПК РСФСР 1964 г. института «Судебного приказа» (ФЗ от 30.11.1995 г.), а впоследствии сохранение его в ГПК РФ, некоторым ученым позволило «приказное производство» выделить в качестве самостоятельного наряду с такими классическими видами как: исковое производство, производство по делам, возникающим из публичных правоотношений.

Что касается приказного производства, в науке процессуального права его выделение в качестве самостоятельного вида является дискуссионным, но в любом случае, по требованиям, закрепленным в ст. 122 ГПК РФ, до принятия ФЗ № 45 от 02.03.2016 г. – альтернативным.

Мотивацией к использованию процессуального механизма приказного производства, на наш взгляд, являлся размер государственной пошлины (50% ставки, установленной для исковых заявлений).

Однако анализ п.1¹ ч. 1 ст.135 ГПК РФ, в редакции ФЗ № 45 от 02.03.2016 г., позволяет сделать однозначный вывод, что использование приказного производства является обязательным по категориям, закрепленным в ст. 122 ГПК РФ.

Иначе на стадии возбуждения производства по делу может возникнуть неблагоприятное последствие в виде возвращения искового заявления.

Таким образом, с учетом преобразований ФЗ № 45 от 02.03.2016 г. данное правило видится «кабальным», поскольку нет никакой гарантии, что заявитель получит реальную защиту своего нарушенного бесспорного права по правилам приказного производства.

Возражения относительно исполнения судебного приказа, представленные должником, могут носить голословный характер. Поскольку в рамках приказного производства отсутствует судопроизводство как таковое и судья не устанавливает никаких обстоятельств, он просто отменяет судебный приказ.

В виду того, что в рамках приказного производства законодатель устанавливает процессуальные сроки (ст. 126 и ст. 128 ГПК РФ), взыскатель может потерять, как минимум пятнадцать дней и не получить надлежащей защиты.

На наш взгляд, отмеченные преобразования порождают необходимость понимания «новой» сущности приказного производства. Цивилистическому праву, в том числе и процессуальному известны такие механизмы защиты прав как: внесудебные формы урегулирования споров; досудебный порядок урегулирования спора.

Говоря о приказном производстве, ни к одному из обозначенных механизмов отнести его не представляется возможным, поскольку оно уже по определению является судебным (выдается судьей).

Постановка обозначенных проблем, на наш взгляд, требует их ликвидации на законодательном уровне.

Реформирование цивилистического процессуального законодательства должно быть органичным, унифицированным и комплексным. Понимание и применение процессуальных норм должно быть четким и доступным. Это будет способствовать истинному содержанию конституционного постулата «отправление правосудия по гражданским делам».

Казарян Кристина Васаковна,
кандидат юридических наук, доцент,
начальник отдела по организации научной
и редакционно-издательской деятельности,
доцент кафедры гражданского права Ростовского филиала
ФГБОУВО «РГУП»

Иностраный гражданин как субъект наследственных отношений

Участниками гражданских правоотношений могут быть любые субъекты гражданского права: граждане, включая лиц без гражданства (апатридов), лиц с двойным гражданством, иностранных граждан (подданных), юридические лица, государство. Между тем специфика участников наследственных правоотношений заключается в том, что они определены или законодателем (например, нотариус, полномочный вести наследственное дело, наследники), или самим наследодателем.

В научной литературе по-разному разрешается вопрос о лицах, относящихся к субъектам наследственных правоотношений.

Так, Л.В. Смолина к субъектам наследственных правоотношений относит наследников; органы, содействующие вступлению права на наследство наследника; лиц, которые имеют право удостоверить завещание [1. С. 45].

Г.С. Лиманский полагает, что «субъектами наследственного правоотношения признаются, с одной стороны, наследник или наследники, выступающие как одно лицо, порождая множественность лиц, и все иные лица, с другой стороны» [1, С. 67].

По мнению А.Е. Казанцевой, «субъектами наследственного правоотношения являются только лица из числа возможных наследников, призванные к наследованию (реальные наследники)» [3. С. 12].

Схожей позиции придерживается и О.П. Печеный, который видит «наследственное правоотношение в качестве единой длящейся правовой связи, субъектом которой выступают наследники и которая направлена как на принятие, так и на приобретение наследства» [4. С. 37].

При обращении за удостоверением различных нотариальных действий к российскому нотариусу иностранные граждане владеют равным правовым статусом наряду с гражданами Российской Федерации. Не допускается безосновательного отказа со стороны российского нотариуса в совершении различных нотариальных действий в отношении иностранного гражданина.

Наряду с имеющимися проблемами в определении дееспособности граждан РФ нотариусом, также возникает аналогичный вопрос и в отношении иностранных граждан, так как имеются определенные отличия в процедуре проверки дееспособности иностранного гражданина и гражданина РФ, в связи с тем, что при оказании нотариальных услуг иностранным гражданам нотариусу необходимо использовать наряду с нормами отечественного права и нормы того государства, гражданином которого является лицо, которое обратилось. В частности, согласно ст. 2 Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» «иностраный гражданин – это «физическое лицо, не являющееся гражданином Российской Федерации и имеющее доказательства наличия гражданства (подданства) иностранного государства» [5]¹. Реквизиты соответствующего документа, который удостоверяет личность иностранного гражданина, вносятся в реестр нотариальных действий и воспроизводятся в удостоверяемых нотариальных документах.

---

¹ Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ (в ред. от 21 июля 2014 г.) // Российская газета. 2014. № 674.

Для решения вопросов, связанных с пониманием иностранным гражданином содержания оказываемых нотариальных услуг, которые в соответствии с российским законодательством ведутся на русском языке, т. е. государственном языке предусмотрена возможность воспользоваться услугами переводчика, которые должны представить нотариусу переведенные соответствующим образом документы, удостоверяющие личность иностранного гражданина.

Нотариус А.В. Бегичев обращает внимание, что также «следует иметь в виду часть 3 статьи 18.9 Кодекса РФ об административных правонарушениях, которая устанавливает ответственность за оказание услуг иностранным гражданам, находящимся в Российской Федерации с нарушением установленных правил» [6. С. 18]. Следовательно, наряду с должным образом переведенными документами иностранный гражданин также должен предоставить свидетельство о его легальном нахождении на территории Российской Федерации, а именно о регистрации по месту пребывания или месту жительства. За последнее двадцатилетие наблюдается ужесточение законодательства в миграционной сфере. В частности, с 1 января 2014 года вступили в силу новые правила пребывания в Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства. В настоящее время иностранные граждане государств безвизовым режимом, не имеющие разрешения на работу в Российской Федерации, возможно пребывания на территории России без визы, как и прежде, в течение 90 дней каждые 180 суток. [7]

Также в связи с событиями на Украине на территории России наблюдается увеличение числа мигрантов из Украины. Так, миграционный поток украинцев на территорию России в 2014 году был увеличен. Количество обратившихся по различным вопросам в территориальные органы ФМС РФ составило примерно 150 тысяч человек. В целом можно отметить, что мигранты на российском рынке труда составляют 8 – 9%. Поэтому мы можем говорить о том, что они стали неотъемлемой частью нашей рабочей силы. Это очень большая цифра показывает, что напрасны все споры о том, может ли рынок труда Российской Федерации обойтись без иностранной рабочей силы.

Увеличение количества мигрантов в Россию приводит к росту обращений иностранных граждан в консульства и в том числе за нотариальной помощью. Нотариально могут быть удостоверены сделки для любого лица, если они не идут в разрез с нормами законодательства принимающей страны или не противоречат международным договоренностям. Указанное положение в полной мере применимо к де-

лам о наследовании с участием иностранного элемента (гражданина другой страны). Дела, рассматриваемые в данной категории, осложнены по ряду причин. Во-первых, наследственное имущество может находиться за границей; во-вторых, проживание наследодателя за границей; в-третьих, возможно наличие иностранного гражданства у наследодателя [8].

Ст. 1224 ГК РФ Право, подлежащее применению к отношениям по наследованию, определяет статут наследования, т. е. выбор права, применимого к совокупности наследственных отношений, осложненных иностранным элементом. Такая необходимость возникает, в частности, тогда, когда наследственное имущество или какая-то его часть находится за пределами РФ или когда, напротив, наследственное имущество находится в РФ, но наследодатель проживает за границей.

В России, в отличие от большинства стран континентальной Европы, выбор применимого права традиционно (см., напр., ст. 127 Основ гражданского законодательства 1961 г., ст. 169 Основ гражданского законодательства 1991 г.) производится не по единому принципу, а на основе разных коллизионных привязок, зависящих от вида наследственного имущества. В качестве общего правила, т. е. основного статута наследования, выступает коллизионная норма, согласно которой к наследственным отношениям применяется право страны, где наследодатель имел последнее место жительства (*lex domicilii*). Но при вхождении в состав наследства недвижимого имущества его наследование осуществляется по праву страны, где находится это имущество (*lex rei sitae*). Однако если недвижимое имущество внесено в государственный реестр в Российской Федерации, то независимо от места его фактического нахождения наследование производится по российскому праву. Последнее правило актуально для морских, речных и воздушных судов, которые согласно ст. 130 ГК отнесены к недвижимому имуществу. Таким образом, нередки случаи, когда судьба различных частей наследства определяется на основе права разных государств, что, безусловно, усложняет международное наследование и в известной мере подрывает принцип единства наследственной массы.

Следует учитывать, что закрепленные в ст. 1224 ГК РФ коллизионные привязки применяются лишь тогда, когда иное не предусмотрено международными договорами Российской Федерации. Хотя наша страна не участвует ни в одной из многосторонних конвенций, посвященных международному наследованию, коллизионные нормы о наследовании содержатся в заключенных ею со многими

странами двухсторонних договорах о правовой помощи по гражданским, семейным и уголовным делам, а также в консульских конвенциях. Кроме того, разделы, посвященные наследованию, содержатся в Конвенциях о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам, заключенных в Минске (22.01.1993) и в Кишиневе (07.10.2002).

В большинстве указанных международных договоров в качестве общей коллизионной нормы закреплен принцип *lex domicilii*, а в отношении наследования недвижимого имущества – принцип *lex rei sitae*. Однако некоторые двухсторонние договоры (например с Болгарией, Венгрией, Вьетнамом, Польшей, Румынией и др.) предусматривают, что наследование движимого имущества регулируется законодательством той страны, гражданином которой являлся наследодатель (*lex nationalis*).

Абзац 1 п. 1 ст. 1224 ГК РФ закрепляет общее правило, согласно которому ко всем наследственным отношениям, осложненным иностранным элементом, применяется право страны, в которой наследодатель имел последнее место жительства. Для применения данной коллизионной нормы требуется уяснить содержание понятия «последнее место жительства». Поскольку при определении права, подлежащего применению, толкование юридических понятий осуществляется в соответствии с российским правом, если иное не предусмотрено законом (см. п. 1 ст. 1187 ГК и коммент. к ней), следует руководствоваться п. 1 ст. 20 ГК. Согласно данной ст. последним местом жительства наследодателя признается та страна, в которой он постоянно или преимущественно проживал. При этом следует учитывать ряд нюансов.

Во-первых, под «последним» понимается то место постоянного или преимущественного проживания наследодателя, в котором он проживал непосредственно перед смертью, а не в течение всей его жизни (например, если гражданин прожил большую часть своей жизни в России, но перед самой смертью переехал на постоянное жительство в Германию, наследование его имущества осуществляется на основе немецкого права). Во-вторых, приоритет отдается фактическому месту жительства, а не прописке, регистрации или иным административным суррогатам. В то же время, требуется, чтобы постоянное проживание наследодателя за границей носило легальный характер. Незаконное проживание гражданина на территории иностранного государства, независимо от его длительности, не дает оснований для признания этого государства местом его последнего места житель-

ства. В-третьих, «место жительства» необходимо отличать от «места пребывания», которым считается место временного нахождения наследодателя, например место службы в армии, отбытия наказания, командировки и т. п. Каким бы длительным по продолжительности не было пребывание гражданина в подобных местах, местом его жительства по-прежнему будет считаться та страна, в которой он ранее проживал. В-четвертых, внешними, хотя и не решающими признаками постоянного места жительства считаются такие показатели, как наличие у наследодателя собственного жилья, постоянной работы, включение его в систему социальной защиты и т. п. В-пятых, местом жительства несовершеннолетних, не достигших четырнадцати лет (малолетних), признается не место их фактического проживания, а место жительства их законных представителей – родителей и усыновителей (п. 2 ст. 20 ГК). Если брак между родителями несовершеннолетнего расторгнут, то местом его жительства признается место жительства того из родителей, с которым ребенок проживает.

Абзац 2 п. 1. ст.1224 ГК РФ устанавливает специальную коллизионную привязку: к наследованию недвижимого имущества применяется право той страны, на территории которой находится данное имущество. В сущности, данное правило продиктовано статутом недвижимого имущества, в соответствии с которым правовой режим недвижимости и регулирование всех связанных с ней отношений определяется по праву страны места ее нахождения.

В исключение из общего правила, закрепленного п. 1 ст. 1187 ГК, само понятие и состав недвижимого имущества определяются не по российскому праву, а по праву страны, где это имущество находится (см. ст. 1205, п. 1 ст. 1206 ГК и коммент. к ним). Если имущество находится на территории России, его принадлежность к недвижимым вещам устанавливается на основании абз. 1 п. 1 ст. 130 ГК, т. е. на основе того, насколько прочно вещь связана с землей и возможно ли ее перемещение без несоразмерного ущерба ее назначению. Кроме того, российское законодательство относит к недвижимости подлежащие государственной регистрации воздушные и морские суда, суда внутреннего плавания, космические объекты (абз. 2 п. 1 ст. 130 ГК), а также предприятия как единый имущественный комплекс (п. 1 ст. 132 ГК). При нахождении имущества за границей, его отнесение к недвижимости может осуществляться по другим правилам. Так, во многих странах недвижимым имуществом признается доля в уставном капитале хозяйственного общества, если она была внесена недвижимым имуществом.

Исключением из привязки *lex rei sitae* является правило, согласно которому наследование недвижимого имущества, которое внесено в какой-либо из государственных реестров РФ, всегда происходит по российскому праву. Данная коллизионная норма, носящая односторонний характер, рассчитана прежде всего на подлежащие государственной регистрации воздушные и морские суда, которые по российскому праву относятся к недвижимому имуществу. Поскольку данные транспортные средства нередко оказываются на территориях самых разных стран, к ним в целях удобства применяется специальная коллизионная привязка к праву страны, в которой они зарегистрированы.

Способность лица к составлению и отмене завещания, в том числе в отношении недвижимого имущества, а также форма такого завещания или акта его отмены определяются по праву страны, где завещатель имел место жительства в момент составления такого завещания или акта. Однако завещание или его отмена не могут быть признаны недействительными вследствие несоблюдения формы, если она удовлетворяет требованиям права места составления завещания или акта его отмены либо требованиям российского права.

Пункт 2 ст.1224 ГК РФ содержит единую коллизионную привязку при выборе права, применимого к двум относительно самостоятельным вопросам: (а) к способности лица к составлению и отмене завещания и (б) форме завещания и акты его отмены. В обоих случаях подлежит применению право страны, где завещатель имел место жительства в момент составления такого завещания или акта (*lex domicilii*). Однако каждый из этих случаев обладает определенными особенностями.

Таким образом, при исследовании проблемы участия иностранных граждан в нотариальных в целом, наследственных частности правоотношениях на территории Российской Федерации, возможно, прийти к следующим выводам.

Во-первых, Конституция РФ признает равный статус прав и свобод, как граждан РФ, так и иностранных граждан. Кроме этого, конституционная норма детализировалась в гражданском законодательстве [9], в частности, в ГК РФ, позволяющий в равной мере осуществлять права иностранных и российских граждан в различных его отраслях, например, в наследственном.

Во-вторых, по общему правилу российский законодатель допускает возможность обладания недвижимым имуществом, которое находится на территории РФ иностранным гражданином.

Различие заключается лишь в том, что при заключении договора купли-продажи и договора аренды недвижимого имущества нерезидентом РФ – в данном случае налог составляет 30% и на налоговые вычеты иностранные граждане-нерезиденты России претендовать не вправе. Имеются отдельные ограничения на право собственности земельными участками. В частности, иностранные граждане не могут иметь в собственности земельные участки на определенных территориях (приграничные территории, а также земли сельскохозяйственного назначения). При наследовании подобного земельного участка иностранец обязан продать землю в течение года.

В-третьих, срок вступления в наследство по российскому закону для всех одинаков – 6 месяцев с момента смерти наследодателя. Открытие наследства производится в нотариальной конторе по месту жительства (постоянного проживания) наследодателя или по месту нахождения наследуемого имущества. Нотариус извещает известных ему наследников и принимает от них заявления о принятии/отказе от наследства. Шестимесячный срок может быть продлен только по уважительным причинам (например, наследник не знал и не мог знать об открытии наследства). Сама процедура принятия наследства иностранцами не отличается от обычной процедуры для российских наследников.

Таким образом, разумно отметить, что в настоящее время мы наблюдаем активный рост международных связей, которые находят свое выражение в миграционных процессах, международное усыновление, международные браки и в том числе трансграничное наследование.

Литература

1. Смолина Л.В. Наследственное право. М.: Питер, 2005.
2. Лиманский Г.С. Наследственное правоотношение: теоретико-методологические и практические проблемы: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2006.
3. Казанцева А.Е. Теория наследственного и причастных к нему правоотношений по гражданскому праву Российской Федерации: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Томск, 2015.
4. Печеный О.П. Защита в наследственных правоотношениях // Наследственное право. 2014. № 2.
5. Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ (в ред. от 21 июля 2014 г.) // Российская газета. 2014. № 674.

6. Бегичев А.В. Особенности участия иностранных граждан и лиц без гражданства в совершении нотариальных действий // Нотариальный вестник. 2014. № 6. С. 18.

7. Козловский А.С. Опять беженцы [Электронный ресурс]. URL: <http://expert.ru> (дата обращения: 31.10.2017).

8. Байс М. Наследство, наследственные права иностранцев в России [Электронный ресурс]. URL: <http://ruslife.eu> (дата обращения: 31.10.20147).

9. Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 г. (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) с учетом поправок, внесенных Законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ и от 30 декабря 2013 г. № 7-ФКЗ // Российская газета. 2014. № 17. 21 янв.

Кокоева Луиза Темболатовна,
доктор юридических наук, профессор,
заведующая кафедрой предпринимательского и трудового права
Северо-Кавказского горно-металлургического института

Финансовая аренда: сущность и особенности

Финансовая аренда (аренда капитала) – это тип аренды, в котором финансовая компания, как правило, является законным владельцем актива в течение срока аренды, в то время как арендатор не только имеет операционный контроль над активом, но также имеет значительную долю экономических рисков и прибыли от изменения оценки базового актива.

Лизинг – совокупность экономических и правовых отношений, возникающих в связи с реализацией договора лизинга, в том числе приобретением предмета лизинга [1].

Согласно статье 665 Гражданского кодекса Российской Федерации по договору финансовой аренды (договору лизинга) арендодатель обязуется приобрести в собственность указанное арендатором имущество у определенного им продавца и предоставить арендатору это имущество за плату во временное владение и пользование. Арендодатель в этом случае не несет ответственности за выбор предмета аренды и продавца [2].

Договор финансовой аренды представляет собой юридически оформленную договоренность сторон (арендатора и арендодателя) относительно предмета договора, обязательств в рамках него, ответственности.

По сути, арендатор (клиент или заемщик) выбирает актив (оборудование, транспортное средство, программное обеспечение), а арендодатель (финансовая компания) приобретает этот актив. При этом, арендатор будет использовать этот актив в аренду, будет платить арендную плату за пользование имуществом, которое в дальнейшем в некоторых случаях может даже приобрести. А арендодатель в свою очередь за счет арендных поступлений может восстановить большую часть или всю стоимость актива, а также получает возможность получать проценты от аренды.

Финансовый лизинг имеет схожие финансовые характеристики с договорами купли-продажи и закрытого лизинга, поскольку обычно лизингополучатель становится владельцем актива в конце лизинга, но имеет различные методы учета и налоговые последствия.

Лизинговая компания, заключающая финансовый лизинг, рассчитывает на взыскание арендатором полной или, по крайней мере, значительной части затрат на арендованный актив. Арендодатель должен быть уверен, что пользователь оборудования в состоянии своевременно погашать арендную плату, подлежащую уплате в течение основных периодов аренды, когда по ним наступает срок.

С точки зрения кредитоспособности финансовая аренда сходна с среднесрочным кредитом, обеспеченным посредством оборудования. Разница лишь в том, что в рамках договора аренды владельцы владеют оборудованием, а в рамках среднесрочного кредита под обеспечение – формой обеспечения в виде оборудования.

В настоящее время лизинг развит практически во всех странах мира. С точки зрения общего регулирования финансовой лизинговой деятельности, если ее рассматривать как финансирование под другим названием, она должна быть частью общего регулирования финансовых рынков – центральные банки большинства стран сохраняют определенный контроль над финансовыми посредниками [3].

Права арендодателя на активы будут также аналогичны правам обеспеченного кредитора, в то время как в обычном договоре аренды арендодатель является единственным владельцем актива, а арендатор является лишь его залогодержателем.

Если аренда рассматривается как финансовая сделка, арендодателю не следует разрешать требовать какой-либо выгоды, связанной с активами, такой как амортизация. Его доход должен быть скрытой частью аренды, идущей к рентабельности инвестиций. Аналогичным образом, арендатор, по-видимому, простой пользователь актива, дол-

жен рассматриваться как виртуальный владелец и должен иметь все преимущества на основе активов.

С точки зрения бухгалтерского учета, если аренда является простым механизмом финансирования, актив должен быть отражен на балансе арендатора, а не арендодателя, наряду с соответствующим обязательством по выплате арендной платы арендодателю.

В идеале любая система должна иметь возможность дифференцировать или интегрировать сделки на основе их содержания, а не номенклатуры. Таким образом, если финансовый лизинг настолько близок к кредитованию, он должен был рассматриваться как таковой для каждой цели, а арендодатель должен был рассматриваться как кредитор.

То есть можно выделить три основных концепции относительно природы лизинга: как особого рода арендных отношений, как совокупность известных норм договоров (купли-продажи, кредита и др.), как самостоятельный тип правоотношений [4].

Финансовая аренда позволяет активу быть практически исчерпанным тем же арендатором. Финансовая аренда ставит арендатора в положение виртуального собственника.

Арендодатель не принимает никаких рисков, основанных на активах, или вознаграждений, основанных на активах. Он принимает только финансовые риски и финансовые выгоды, и именно поэтому называется финансовой арендой.

Договор аренды не может быть аннулирован, а это означает, что арендатор не может вернуть актив и не выплатить всю сумму инвестиций арендодателя.

В этом смысле они являются полной выплатой, что означает полное погашение инвестиций арендодателя.

Риск, который принимает арендодатель, – это не риск, основанный на активах, а риск, основанный на арендаторе. Стоимость актива важна только с точки зрения обеспечения инвестиций арендодателя.

В финансовой аренде, после основного периода аренды следует расширенный период, позволяющий арендатору исчерпать стоимость актива, который называется вторичным периодом аренды.

В качестве альтернативы, если позволяют правила, арендатору может быть предоставлен вариант покупки по номинальной цене, называемый выкупом по сделке или опционом на покупку.

В финансовой аренде ставка доходности арендодателя является фиксированной: она не зависит от стоимости актива, производительности или любых других внешних затрат. Аренда с фиксированной

арендой приводит к подтверждаемой ставке доходности инвестиций, называемой имплицитной ставкой доходности.

Финансовая аренда технически отличается, но по существу аналогична обеспеченным кредитам.

К самой главной проблеме, с которой сталкиваются современные лизинговые компании в России, относится неточная разработка процедур досудебного возврата имущества лизинговой компании при просрочке оплаты платежей со стороны лизингополучателя [5, с. 2].

Во избежание рисков при заключении договоров аренды важно проводить оценку платежеспособности потенциального арендатора. К примерам критериев, которые важно учитывать при определении арендатора, можно отнести критерии, характер бизнеса арендатора, качество управления, будущие перспективы, в частности адекватность прогноза будущих денежных потоков для покрытия арендной платы и других расходов, финансовое положение компании, вероятная стоимость в течение основного периода аренды оборудования, подлежащего аренде.

В связи с этим в спорных ситуациях сторонам лизинговых отношений приходится прибегать к использованию общих положений об аренде [6].

Финансовая аренда, обеспеченный кредит на полную стоимость оборудования и механизм аренды с правом выкупа (без первоначального депозита) имеют примерно такую же степень кредитного риска, как и среднесрочное финансирование.

В качестве владельца оборудования арендодатель может нести ответственность по претензиям третьих лиц в связи с убытками, возникшими в результате использования арендованного актива.

В некоторых ситуациях, как владелец, так и Пользователь несут юридическую ответственность. В других случаях и в некоторых странах законодательство это устанавливает, и арендодатель может быть вовлечен в расходы на защиту иска о возмещении убытков; потерпевшие стороны могут предпочесть возбудить иск непосредственно против лизинговой компании в составе крупной финансовой группы, а не арендатора. Хотя арендатор, как правило, возмещает арендатору какие-либо такие требования и может иметь право на поступления от страхования, покрывающие расходы на оборудование, связанные с обязательствами перед третьими сторонами, бывают случаи, когда арендатор не имеет достаточных ресурсов для выплаты возмещения и имеет недостаточное страховое покрытие.

Вместе с тем, финансовый лизинг может снизить уровень риска, например, посредством возвращения активов. Арендодателю в качестве владельца может быть проще и дешевле вернуть арендованное оборудование после дефолта арендатора, чем это было бы для ипотечкополучателя или получателя платежа.

Лизинг является продуктивной инвестицией. Арендодатель часто может сдавать в аренду приносящее доход или экономящее на расходах оборудование, а не просто увеличивать общий объем активов фирмы.

Риск арендодателя меньше риска кредитора, предоставляющего эквивалентный среднесрочный кредит, вследствие фактического сокращения арендной платы и улучшения общего финансового положения арендатора вследствие того, что он платит меньше за использование соответствующего оборудования.

Литература

1. О финансовой аренде (лизинге): Федеральный закон от 29.10.1998 № 164-ФЗ (ред. от 16.10.2017) / [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=280491&fld=134&dst=100013,0&rnd=0.5592597553040832#07788173800799996>

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 05.12.2017), 08.04.2013, № 14, ст. 1652

3. Григорьева А.Г. История становления и развития правового регулирования договора лизинга // [Электронный ресурс] Режим доступа: http://ksei.ru/netcat_files/userfiles/NAUKA/journals/epp/Ekonomika._Pravo._Rechat_1_69.pdf

4. Журавская Н.С. Особенности лизинговых правоотношений с позиции оценки правовой природы договора финансовой аренды / [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-lizingovyh-pravootnosheniy-s-pozitsii-otsenki-pravovoy-prirody-dogovora-finansovoy-arendy>

5. Кирсанова И.С. Недостатки правового регулирования лизинговых отношений в РФ // Таврический научный обозреватель, 2016, № 6 (11). – С. 1-4

6. Леус М.В. Проблемы правового регулирования договора лизинга в гражданском праве России // [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23605541>

Кузбагаров Асхат Назаргалиевич,
доктор юридических наук, профессор;
Кузбагарова В.А.,
кандидат юридических наук

Императивность и диспозитивность в гражданском правоприменении

Для цели раскрытия настоящей публикации, тезисно следует опираться на следующие составляющие заявленной темы:

- о понимании императивности и диспозитивности;
- о цели и назначении императивности и диспозитивности гражданского правопонимания;
- о месте императивности и диспозитивности в гражданском правоприменении;
- об императивности и диспозитивности как средстве достижения единства судебной практики.

Для целей раскрытия заданной темы, полагаем необходимым отметить, что в теории гражданского права императивность и диспозитивность рассматривается в различных ее характеристиках и назначении. Одни (подавляющее большинство) сводят их понимание к методу правового регулирования, т. е. являются приемами и способами отрасли права (материального или процессуального права). Другие характеризуют ими нормы права, сторонниками чего являются авторы.

Такой подход сегодня диктуется судебной практикой. Разъясняя понимание ст. 421 ГК РФ о свободе договора, ВАС РФ, в Постановлении Пленума ВАС РФ от 14.03.2014 г. № 16 «О пределах свободы договора» разъяснил, что при возникновении спора о характере нормы, регулирующей права и обязанности по договору, суд должен указать, каким образом цели законодательного регулирования определяют императивность этой нормы либо пределы ее диспозитивности.

Говоря о методе гражданского правового регулирования отношений, более точным, и отвечающим гражданскому правопониманию соответствует метод *юридического равенства сторон* такого правоотношения, известный в теории гражданского права и широко применяемый в образовательной деятельности, когда формируются знания, умения и компетенции по гражданскому праву (гражданское право как учебная дисциплина). Только почему-то потом «вчерашние» студенты, профессиональны правоприменительной деятельности, в т.ч.

практические работники МВД России, прокуратуры, судов, об этом забывают.

И еще одно. Императивность и диспозитивность для целей настоящей публикации, следует рассматривать в их взаимодействии, т.к. только в таком сочетании достигается цель гражданско-правового регулирования отношений, проводником для которых являются не норма права в отдельности, а институт права, будь то институт о субъектах, объектах гражданского права, представительства, сроков, договора, или др.

Императивность и диспозитивность имеют *целью* придать гражданскому праву правовую определенность.

Ординарная функция (назначение) императивности и диспозитивности заключается в придании механизму правового регулирования (охраны) гражданских правоотношений – однозначного понимания материально-правового смысла норм права для целей единообразного их правоприменения в практике.

Местом, которому свойственны императивность и диспозитивность является институт источников гражданско-правового регулирования.

Императивность обладают свойством некоего «одиначества», т.к. императивная диспозиция нормы гражданского права четко и ясно указывают каково должно быть поведение участника гражданского правоотношения.

Диспозитивность же имеет своего главного «ребенка» – толкование норм права, со всеми его видами и сложным содержанием.

Исходным началом императивности и диспозитивности гражданско-правового регулирования является текст нормы гражданского права. Именно доктрина «нормативного правового акта» российского права придает важность и значение тексту права¹.

Текст нормы права определяет правило поведения, которые может быть по воле законодателя таким, как он предписывает, или предоставляется лиц выбор своего поведения. Если рассматривать гражданское право как обеспеченное правом удовлетворение потребностей (личных или производственных), то при предписании поведения, лицо, не имеющее право выбора, может удовлетворять потребность без права выбора. Выбор же поведения позволяет такой альтернативой воспользоваться, и удовлетворить потребность за счет выбранного поведения. Можно также с уверенностью сказать, что указанный подход отражает (учитывает) интересы их носителей. В пер-

---

¹ См., Грязин И.Н. Текст права. Таллин, 1983.

вом случае интерес будет публичным, во втором случае отражающим частный. Такой подход отражает пандектность права.

Понимание императивности и диспозитивности позволяет на практике правильно применять институты и нормы материального права в цивилистической правоприменительной деятельности (гражданском и арбитражном процессе), в том числе для правильного определения надлежащего лица, подлежащего участию в деле, будь то истца, ответчика или третьего лица. Задача правильности определения лиц, участвующих в деле предопределена ст. 148 ГПК РФ и ст. 133 АПК РФ.

Так, при рассмотрении гражданского дела по иску Б (пешеход) и П (пассажир автотранспорта Мицубиши) к Ф (водитель автотранспорта Шкода) о компенсации морального вреда, причиненного в результате столкновения транспортных средств Мицубиши и Шкода (дело № 2-331/2015, Выборгского городского суда Ленинградской области) суду надлежало решить задачу – определить лиц, участвующих в деле. Фактическими обстоятельства по делу является то, Истицы пешеход и пассажир обратились с иском о компенсации морального вреда, причиненного в результате столкновения автомобилей Мицубиши и Шкода. Согласно п. 3 ст. 1079 ГК РФ – владельцы источников повышенной опасности солидарно несут ответственность за вред, причиненный в результате взаимодействия этих источников (столкновения транспортных средств и т. п.) третьим лицам по основаниям, предусмотренным пунктом 1 этой статьи.

Вопрос: Диспозиция пункта 3 ст. 1079 ГК РФ носит императивной или диспозитивной характер. Полагаем ответ не составит труда определить, что диспозиция нормы является императивной.

Однако суд при подготовке дела к судебному разбирательству не применил положения п. 3 ст. 1079 ГК РФ, устанавливающий необходимость привлечения в качестве ответчика водителя автомобиля Мицубиши. В ходе судебного разбирательств дела Ответчик Ф ходатайствовал о привлечении в качестве второго ответчика – водителя Шкоды. Суд проводил обсуждение этого ходатайства, хотя согласитесь, нормы императивного права не подлежат обсуждению. Может быть суд руководствовался тем, что это было ходатайство, которое по требованию ГПК РФ подлежат обсуждению. Однако «доведение» судом до обсуждения норм императивного права вряд ли оправдывает положения – высокого и справедливого суда.

В продолжение проблемы в сфере правоприменения, на стыке норм материального и процессуального (гражданского) права обратимся еще к примеру.

По иску Н к Росреестру, первый заявил требование о внесении записи в единый государственный реестр недвижимости о снятии обременения (ипотеки) с принадлежащего ему на праве собственности земельного участка и жилого строения. В ходе подготовки по делу № 2-190/2018 Новгородский районный суд, на предварительном судебном заседании, разрешая задачу о составе лиц, участвующих в деле – на стороне ответчика, сослался на п. 53 Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 10, Пленума ВАС РФ № 22 от 29.04.2010 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав» и указал, что надлежащим ответчиком является Займодавец (Залогодержатель), а Росреестр является третьим лицом. Согласиться с этим трудно, т.к. в этом деле Займодавец (Залогодержатель) не может внести запись в реестр за Росреестр.

Таким образом, руководство императивностью и диспозитивностью в гражданском правоприменении является успешным средством достижения задачи – однозначного понимания гражданских правоотношений и единообразной правоприменительной практики.

Кузбагаров Эдуард Асхатович,
адъюнкт факультета подготовки
научно-педагогических и научных кадров
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя

Использование изображения гражданина в публичном интересе с участием органов внутренних дел Российской Федерации

Настоящая статья посвящена вопросам об использовании сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации изображения гражданина в публичном интересе.

Органы внутренних дел Российской Федерации, по мере выполнения возложенных задач становятся участниками гражданских правоотношений. Вступая в гражданско-правовые правоотношения, органы внутренних дел Российской Федерации (далее – ОВД РФ) остав-

ляют роль властного публичного образования и приравниваются по правовому статусу к другой стороне отношений. ОВД РФ обязан соблюдать основные начала гражданского законодательства, такие как равенство участников, неприкосновенность собственности, свободу договора и другие (статья 1 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ).

Статьей 2, 12 Федерального закона от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции» установлено, что одним из направлений деятельности и обязанностью полиции является розыск лиц¹. В связи с чем территориальные органы при осуществлении возложенных обязанности в сфере розыска активно используют изображения разыскиваемых.

Обратим внимание на статью 152.1. ГК РФ. В статье говорится о допустимости с согласия гражданина обнародования и использования его изображения. При этом такое согласие на обнародование и использование не требуется в случаях предусмотренных этой же статьей ГК РФ. В рамках рассматриваемой статьи нас интересует основание, не требующее получения согласия гражданина на обнародования и использования его изображения, связанное с государственными, общественными или иными публичными интересами².

В разъяснениях Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 (п. 44) установлено, что в случае розыска гражданина, в том числе пропавшего без вести, или если такой гражданин является очевидцем или участником правонарушения согласие на использование и обнародование его изображения не требуется. Такое ограничение прав гражданина преследует цели государственной безопасности и защиты правопорядка.³ Описанные выше ограничения прав являются бесспорным проявлением публичного интереса.⁴

При этом не допускается без согласия использовать изображения, не разыскиваемого гражданина для поиска разыскиваемого гражданина, не смотря на кажущуюся преследуемую цель по обеспечению государственной безопасности и защиты правопорядка. То есть нельзя, например, создать «фейковую» страницу в социальной сети и использовать фотографии другого человека, чтобы найти и выманить разыскиваемое лицо.

---

¹ «Российская газета», № 25, 08.02.2011,

² «Российская газета», № 238-239, 08.12.1994.

³ «Российская газета», № 140, 30.06.2015,

⁴ Герасимов А.В., Данилов Д.Б. Реформирование ГПК РФ в связи с принятием КАС РФ // Арбитражный и гражданский процесс. – 2016. – № 7 С. 3-7.

Таким образом, в случае, розыска гражданина, в том числе пропавшего без вести, или если такой гражданин является очевидцем или участником правонарушения согласие на использование и обнародование его изображения не требуется, что позволяет ОВД РФ оперативно реагировать на розыск лиц для успешного выполнения своих обязанностей. А для использования изображения, не разыскиваемого лица необходимо получить соответствующее согласие у последнего.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // «Собрание законодательства РФ», 05.12.1994, № 32, ст. 3301.
2. Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции» // «Российская газета», № 25, 08.02.2011.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // «Российская газета», № 140, 30.06.2015,
4. Забоев К.И. О применении ст. 168 Гражданского кодекса РФ и к вопросу о публичных интересах // Закон. 2015. № 9. С. 49 – 72.
5. Герасимов А.В., Данилов Д.Б. Реформирование ГПК РФ в связи с принятием КАС РФ // Арбитражный и гражданский процесс. – 2016. – № 7. С. 3-7.

Куртяк Андрей Иванович,
адъюнкт кафедры оперативно-розыскной деятельности в ОВД
Санкт-Петербургского университета МВД России

Компенсация морального вреда, причинного имущественным правам граждан действием (бездействием) должностных лиц органов внутренних дел, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность

Правовая основа компенсации морального вреда, причиненного имущественным правам граждан, основана на ст. 151 ГК РФ¹, принятых федеральных законов, например, федеральный закон «Об опера-

---

¹ Ст. 151 Гражданский кодекс Российской Федерации //Собрание законодательства РФ, 05.12.1994, № 32, ст. 3301.

тивно-розыскной деятельности»¹, судебной практики Конституционного Суда Российской Федерации² и Верховного Суда Российской Федерации³.

Нормы права ст. 151 ГК РФ закрепили юридическую конструкцию «компенсации морального вреда», которая состоит из: **морального вреда, вины, денежной компенсации**. Названа юридическая конструкция, применима в отношении должностных лиц органов внутренних дел, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность.

Моральный вред (физическое или нравственное страдание) должностные лица при проведении оперативно-розыскных мероприятий своими действиями или бездействием приносят моральный и материальный вред лицам, в отношении которых данная деятельность осуществляется.

Это следует из оперативно розыскной деятельности должностных лиц органов внутренних дел, которые исполняют свои полномочия в этой сфере. И зачастую нарушают права и свободы граждан, которые закреплены в нормативных правовых актах Российской Федерации.

Моральный вред, причиненный гражданину в результате ограничений в имущественных правах граждан. Имущественные права граждан направлены на использование, распоряжение, владение имуществом движимым или недвижимым состоит из действия и бездействия.

Действие должностных лиц, осуществляющих оперативно розыскную деятельность органов внутренних дел, ограничивают или частично ликвидируют данные виды имущества граждан. Примером таковых могут являться порча или же использование помещений для проведения оперативно розыскных мероприятий. Проведение оперативно-розыскных мероприятий по непроверенной информации, а именно задержания лица путем полного или частичного уничтожения или порче его имущества.

---

¹ Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ (ред. от 06.07.2016) «Об оперативно-розыскной деятельности» // Собрание законодательства РФ, 14.08.1995, № 33, ст. 3349.

² Постановление Конституционного Суда РФ от 09.07.2013 № 18-П «По делу о проверке конституционности положений пунктов 1, 5 и 6 статьи 152 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Е.В. Крылова». // Собрание законодательства РФ, 22.07.2013, № 29, ст. 4019.

³ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20.12.1994 № 10 (ред. от 06.02.2007) «Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда» // «Российская газета», № 29, 08.02.1995.

Бездействие должностных лиц, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность органов внутренних дел заключается в не полном и в не качественном исполнении своих должностных обязанностей. Это проведение оперативно-розыскных и поисковых мероприятий по фактам утраты граждан имущественных прав, а именно по статьям о кражах, угонах транспортных средств, и многих других статьях УК РФ, связанных с имущественными преступлениями.

Бездействие связано с низким уровнем профессионализма по вопросам исполнения своих должностных обязанностей в рамках осуществления оперативно-розыскной деятельности, а также с серьезной нехваткой кадрового аппарата. С нехваткой квалифицированных профессионалов, занимающих должности связанные с осуществлением оперативно-розыскной деятельности в органах внутренних дел.

Все перечисленные действия или бездействия должностных лиц, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность органов внутренних дел, причинившие моральный вред гражданам должны нести гражданско-правовую ответственность в пределах ст. 151 ГК РФ.

Вторым критерием компенсации морального вреда является вина должностных лиц, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность в органах внутренних дел. То есть должностное лицо, осуществляющее оперативно-розыскную деятельность в органах внутренних дел без судебного разрешения, затрагивающие конституционные права и свободы граждан. Причиняет вред жизни и здоровью гражданина, вред, причиненный путем распространения сведений, порочащих честь и достоинство граждан, и деловую репутацию. Незаконное наложение административных наказаний. Разглашение сведений, ставших известными в результате проведения оперативно-розыскных мероприятий составляющих оперативно-розыскную деятельность в органах внутренних дел и носит государственную тайну.

Третьим критерием компенсации морального вреда является денежная компенсация. Денежная компенсация – это возложение на нарушителя финансовой обязанности, размер которой зависит от степени вины нарушителя. Возмещение морального вреда, полученного в результате действий или же бездействий должно оцениваться теми последствиями, которые были причинены гражданам в результате вины нарушителя.

Моральный вред в целом это категория, которая не может быть внесена в какие-то оценочные рамки, т.к. для каждого гражданина оно носит свой физический и психологический характер, и должна оцени-

ваться из многих факторов его жизни, статуса в обществе, материального достатка.

Возмещение данных моральных ограничений, по вопросам имущественного правоприменения должно осуществляться в судебном порядке и возмещаться должностными лицами, допустившими данные правонарушения при осуществлении оперативно розыскной деятельности.

Рассмотрев выделенные критерии, связанные с компенсацией морального вреда должностными лицами, осуществляющими оперативно розыскную деятельность, можем сделать вывод что данная гражданско-правовая норма установлена и в целом исполнение статьи 151 «Гражданского кодекса Российской Федерации» работает. Но многие проблемы связанные с практикой правоприменения еще являются открытыми и актуальными для дальнейших изменений и разработок механизмов реализации.

Лукьянцев Александр Анатольевич,
доктор юридических наук
профессор кафедры гражданского права
юридического факультета ЮФУ
Заслуженный работник Высшей школы РФ

О совершенствовании правовой защиты новелл гражданского кодекса Российской Федерации

Появление основных новелл нашего ныне действующего гражданского кодекса с упоением воспринимается не только участниками (субъектами) этих правоотношений, но и юристами их применяющими.

Иначе как бурным развитие нашего российского гражданско-го законодательства в современных условиях не назовешь. Освоить весь заложенный в нем потенциал в условиях нашей современной российской рыночной экономики непросто, но это и необходимо, ибо по меткому определению нашего древнего философа-корифея Луция Сенеки «нет юриста без цивилиста».

В поддержку этого определения не могу не привести утверждение нашего современного мыслителя-правоведа П.В. Крашенинникова – Главы Комитета ГД РФ по законодательству: «Те, кто познает право или как автор этих строк, посвятил свою жизнь служению пра-

ву, не могут не задаваться вопросами: а что собственно есть право? И откуда оно появилось?»¹

Новый Гражданский Кодекс РФ по меткому определению нашего бывшего президента РФ Д.А. Медведева, называют экономической Конституцией, фундаментом рыночных отношений. Наверное, это так. Вспомним, в каких ожесточенных спорах пробивала дорогу в жизнь его цивилистическая конструкция, нынешний Кодекс построен исключительно на концепции частного права. Сейчас в сфере экономических отношений возможность господства частного права приводит к тому, что инициатива не сковывается, экономические отношения развиваются интенсивнее, хотя, конечно, одномоментно устранить недостатки нельзя.

Роль государства значительно изменилась. При советском строе оно выступало в экономике основным собственником и непосредственным распорядителем, сейчас лишь устанавливает «правила игры» в бизнесе и обеспечивает их соблюдение «игроками»: частными предпринимательскими структурами. Закономерно поэтому построение гражданско-правовых отношений в системе не публичного, а частного права, следствием чего стало значительное увеличение по объему нормативного гражданского материального права. Это повлекло необходимость Президентской программы совершенствования гражданского законодательства.

Гражданское право является ядром частного – всех юридических норм, которые охраняют и регулируют отношения частных лиц. Принципиальный антипод частного права – публичное. Оно отвечает за общие интересы, и его нормы закрепляют порядок деятельности органов государственной власти и управления.

В идеале гражданское законодательство должно создавать в стране такие условия, при которых частные потребности граждан максимально удовлетворены и экономические отношения нормально развиваются. Мировая история показывает, что наиболее совершенными были гражданские кодексы, построенные на императиве частного права. Прекрасный пример – свод гражданских прав Франции или знаменитый Кодекс Наполеона. Он был принят в 1804 году и действует, с незначительными изменениями, по сей день.

Это самый стабильный гражданский кодекс мира, который работает более двухсот лет! Весьма удачным является также немецкий опыт – Германское гражданское уложение 1896 года, основанное на

---

¹ См.: Крашенинников Павел. Времена и право – М.: Статут, 2016г.-6с.

римском частном праве (его эпитафия «Через римское право, но превзойдя его»).

В нашей стране слишком коротким был период признания частного права и слишком долго длилась вездесущая власть права публичного. До революции частное право признавалось всего лишь в течение полувека: с 60х годов до начала XIX века до начала 20-х прошлого столетия. После того была воплощена в жизнь установка Ленина: «... мы ничего «частного» не признаем, для нас все в области хозяйствования есть публично-правовое, а не частное». Так вся частная жизнь попала под пяту публичной (государственной) власти, а частная инициатива во всех вопросах была парализована. Это и закрепил первый Гражданский кодекс РСФСР 1922 года.

В результате советская экономика развивалась по системе публичного права. К чему это привело мы все хорошо знаем: страна неуклонно отставала в экономическом развитии. Это стало заметным в 1964 году, когда Советский Союз опередила даже Малайзия. Именно тогда отечественные юристы и подняли вопрос о том, чтобы строить Гражданский кодекс по системе частного права. Конечно, публичный интерес должен присутствовать и в гражданском праве, но растворенным в нем через систему институтов пределов и правил.

Передав объекты общенародной собственности Русал, Роснефть, Газпром и др.) в частную собственность, государство не ввело параллельно механизм защиты публичных интересов, защиты социальных прав граждан. Только за последние годы у нас появились новоиспеченные миллиардеры на базе крупного бизнеса. О.В. Дерипаска, В.О. Потанин, М.Д. Прохоров, Р.А. Абрамович и другие, которые получили миллиардные прибыли.

Разве здесь не ущемляется публичный интерес? Хотя бы тем, что колоссальные прибыли и миллиардные доходы облагаются такими же налоговыми ставками (13 процентов), как заработки любого работника, уборщицы, грузчика, доцента, предпринимателя малого бизнеса, которые обретают этот заработок своим физическим или умственным трудом.

Почему бы государству не вводить прогрессивный налог на такие сверхкрупные доходы? Ведь в этом и кроется публичный интерес в сфере частного бизнеса, получившего в собственность объекты общенародной собственности.

Введение прогрессивного налога на полученную за счет приватизированных объектов общенародной собственности прибыль будет отвечать реализации долгожданной мечты рядовых российских граждан.

Так, в опубликованном международном докладе о жизни богачей мира наши впереди планеты всей: с состоянием не менее 50 миллионов долларов – 2620 россиян, с состоянием не менее 500 миллионов – 220 человек, а долларовых миллиардеров – 102. Причем число богачей прибывает в РФ рекордными темпами-только за 2017год их стало больше на 27 %.

Кроме того, и число небанковских депозитов граждан России за рубежом составляет 34, 4 млрд. долларов. А еще мы уверенно опережаем богачей и по количеству яхт: российским гражданам принадлежат 168 крупных яхт (средней длины 59 метров и водоизмещением – 132 8 тонн).

В этой ситуации на наш взгляд власть необоснованно отвергает требованиям общества и независимых экономистов вместо плоской шкалы взыскания подоходного налога (по 13% и с обычного работника, и с олигарха)¹. Ввести прогрессивную, чтобы богатые платили по 20, 30 а то и 40% от доходов.

То, что на недавней встрече со студентами университета им Г.В. Плеханова вице-премьер Аркадий Дворкович не исключил в ближайшем будущем повышения налога на доходы физических лиц с сегодняшних 13 до 15% не отвечает самому смыслу прогрессивности такого налога. 2

Весьма похвальной с точки зрения совершенствования способов защиты гражданских прав является реализация некоторых положений Концепции дальнейшего развития гражданского законодательства РФ, касающихся правового статуса и видов юридических лиц путем значительной корректировки главы IV первой части ГК, где оправдано определяется их разделение на публичные и не публичные, введение положений лицо, контролирующее юридическое лицо и аффилированность.

Теперь в ГК подробно перечислены все юридические лица, которые могут быть образованы в нашей стране, определен их статус и даны полностью организационно-правовые формы их деятельности которые могут существовать в виде коммерческих организаций (с общей правоспособностью), и некоммерческих (со специальной правоспособностью), унитарных (где имеется руководство), и корпоративных (где управление осуществляется коллективно-общее собрание, правление и т. п.), установлены две формы акционерных об-

---

¹ См. Аделида Сигида. Российские богачи заткнули всех за пояс. Газета «Мир новостей» № 12. За 13 марта 2018 года стр. 11.

² См. Алексей Воробьев Газета «Мир новостей» № 14 за 27 марта 2018г стр. 2.

ществ: публичные и непубличные, что ведет, кстати, к упразднению закрытого акционерного общества (ЗАО) и общества с дополнительной ответственностью.

Такая значительная корректировка правового статуса и видов юридических лиц, внесенных Федеральным законом от 5 мая 2014г. № 99 ФЗ в наш Гражданский кодекс позволит привлекать более широкий круг лиц к дополнительной ответственности (согласно ст 53. ГК РФ) опираясь на принципы зависимости и аффилированности. Раньше же их (директора, управляющие компании, акционеры, аффилированные лица и т.д), можно было привлекать к дополнительной (субсидиарной) ответственности лишь в случае банкротства общества.

Не менее значимой является в этом плане и другая новелла, внесенная принятым в декабре 2016 года пакетом поправок в Закон о банкротстве, вступавшем в силу в течение этого года.

Теперь, любой кредитор, участвовавший в деле о банкротстве, посчитав что его права и интересы нарушены, может обратиться с заявлением о привлечении к субсидиарной ответственности конкретного гражданина, который раньше был акционером, учредителем или директором ранее ликвидированной организации.¹

Весьма похвальной модернизацией способов защиты гражданских прав является расширение нотариальных возможностей контролировать законность заключаемых сторонами сделок. Так, переход долей от одного хозяина к другому лицу теперь надо оформлять только через нотариуса, ибо согласно новому законодательству все сделки по отчуждению долей в недвижимом имуществе подлежат нотариальному удостоверению, что перекроет лазейки для мошенников, пытающихся переоформить их минуя нотариуса.

Удачным новшеством является и другой престиж нотариальной деятельности, касающийся правил возврата проблемных долгов банкам. Если раньше за взыскание долгов банки обращались в суд, то теперь им достаточно получить исполнительную подпись у нотариуса, которая приравнивается к исполнительному листу, а такая нотариальная процедура займет гораздо меньше времени чем судебная тяжба и дело должника сразу переходит к судебным приставам.

Приветственной новеллой для улучшения процедуры защиты граждан, пострадавших в сфере предпринимательской деятельности,

---

¹ См: Михаил Ножкин. Общество с безграничной ответственностью. «Версия» 13-19 февраля 2017 г. - с. 14; См. также: Аделида Сигида. Банкротство — привилегия элиты. «Мир новостей», 21 февраля 2017 г.

является вступивший в силу с 1 января 2017 года Федеральный Закон «О защите прав и законных интересов физических лиц при осуществлении деятельности по возврату просроченной задолженности», который предписывает отныне взыскивать долги только через специально модернизированные фирмы, занимающиеся коллекторской деятельностью, которая сегодня поставлена под контроль службы судебных приставов.

Теперь деятельность коллекторов, которые раньше не уважали ни закон, ни взыскателей, грубо нарушая их права, поставлены под четкий контроль федеральной службы судебных приставов.

Так, по закону, отныне коллектор имеет право приходить к должнику не чаще раза в неделю, звонить — не чаще раза в сутки, двух раз в неделю и восьми раз в месяц, причем такие звонки разрешены с 8:00-22:00 в будние дни, с 9:00-22:00 в выходные дни. При этом такое общение должно проходить без физического или психического давления, или угроз.

Кроме того, коллекторская компания, претендующая на вхождение в реестр, чтобы официально работать на этом рынке, должна иметь не менее 10 млн. рублей собственного капитала и застраховать свою собственность на такую же сумму.

Полагаю, возможным завершить изложенные нами соображения дословным цитированием п.3 ст. 1 нашего нового гражданского кодекса РФ: «При установлении, осуществлении и защите гражданских прав и при исполнении гражданских обязанностей участники гражданских правоотношений должны действовать добросовестно».

Не менее серьезной проблемой для реализации кардинальных изменений нашего материального гражданского права требуется совершенствования и соответствующих процессуальных форм их защиты, ибо согласно определению классиков «право есть ничто без эффективного построения норм защиты этого права». И созданные нами нормы не будут по-настоящему действенными, если не устранить ключевых несовершенств судебной системы. Главное из них – отсутствие единой пирамиды судебной власти.

Исходя из этих соображений в нашей стране началась приветственная реформа судоустройства, инициированная Президентом и поддержанная Федеральным Собранием с созданием единой пирамиды судебной власти с присоединением Высшего арбитражного суда к Верховному суду РФ, а новый Верховный суд РФ объявлен высшим судебным органом в том числе и по экономическим спорам (новая редакция статьи 126 Конституции РФ).

Продолженное Верховным судом приветственное переустройство судебной системы с созданием в России 5 специальных апелляционных и 9 кассационных судов общей юрисдикции, на наш взгляд избавит суды от коррупционной зависимости судей внутри собственной местнической демократии.

Подобные изменения, планируемые осуществить с 1 июля 2018 года не исключают их затяжного осуществления так как требуют определенных финансово – организационных затрат для привлечения 181 и 723 судей в апелляционные и кассационные суды, хотя такие изменения, на наш взгляд, приветственно-прогрессивные¹.

Лусегенова Зинаида Сергеевна,
кандидат юридических наук, профессор
кафедры гражданского процессуального права
Ростовского филиала
Российского государственного университета правосудия,
судья в отставке, почетный работник судебной системы
г. Ростов-на-Дону

Пределы законодательной унификации в правовом регулировании гражданского и арбитражного процессов

Современная модернизация судопроизводственных процессов наречена юридическим сообществом и СМИ процессуальной революцией. Законодательная и судебная власть официально называют вносимые изменения реформой процессуального законодательства², в то время как неформально, представители власти также считают происходящее процессуальной революцией³. К этапам революционных преобразований, следует отнести: изменение судоустройства путем упразднения Высшего Арбитражного Суда РФ; извлечение из гражданского судопроизводственного законодательства в отдельный судебный процесс правил рассмотрения и разрешения административ-

---

¹ См.: Марина Озерова «В России готовится массовое перенесение судей»-»Московский комсомолец. РРЕ» от 21-28 февраля 2018года., а также – Николай Асташин. «Власть Фемиды» - газета «Версия» от 12-18 февраля 2018г.

² Решение профильного Комитета Государственной Думы <http://sozd.parlament.gov.ru/bill/383208-7>

³ Там же.

ных дел судами общей юрисдикции по КАС РФ; унификацию процессуальных институтов по ускоренному рассмотрению заявленных требований; стимулирование досудебных и внесудебных форм разрешения споров.

Текущий этап революционных преобразований, изложенный Верховным Судом РФ в Постановлении Пленума №30 от 3 октября 2017 года, представляет предложения о внесении изменений в целях унификации процессуальных форм трех видов судебных процессов: гражданского процесса (правила по ГПК РФ), арбитражного процесса (правила по АПК РФ) и административного судопроизводства (правила по КАС РФ).

Для раскрытия темы, заявленной в настоящей статье, необходимо рассмотреть следующие вопросы:

- Чем реформирование судебной власти отличается от революционных преобразований?

- Какие причины повлекли необходимость именно революционных (реактивных), а не эволюционных преобразований гражданского судопроизводства?

- Какие пределы (границы) надлежит соблюдать при унификации судебных процессов по структуре и моделям (типологиям) процессов?

- Что может предложить правовая наука законодателю и правоприменителю для разрешения проблем реформирования судебно-процессуальных институтов, в целях минимизации негативных последствий реформаторских преобразований?

Выделение векторов правового развития гражданского процессуального законодательства позволит определить характер тенденций развития права, их устойчивость или временное проявление, выявить риски и возможные конфликты, обоснованно определить цели и механизмы их реализации, предвидеть отклонения от стратегического курса, правовых моделей.

По содержанию реформы судопроизводства могут представлять либо изменения принципиальных положений процессуального законодательства, либо перестройку базовых конституционных институтов правосудия, либо принятие новых институтов. Объем и содержание реформ судопроизводства, прежде всего, связаны с трансформа-

цией судебной власти, ее институтов¹. Размах преобразований зависит от их цели (изменение действующих институтов, либо создание новых).

Развитие гражданского процессуального законодательства в России в постсоветский период носит неравномерный характер, при котором непродолжительные периоды эволюционного затишья сменяются взрывными периодами изменений законодательства (кодексов). Согласно исследованиям Центра Стратегических Разработок (ЦСР)² статистики изменений федерального законодательства за 1994 – 2015 годы, максимальная законотворческая активность по классификационному разделу «Гражданский и арбитражный процесс, исполнительное производство» отмечалась в 2011 (внедрение информационных технологий в арбитражный и гражданский процессы, создание Суда по интеллектуальным правам, изменение процесса по делам особого производства, в связи с изменением отраслевого законодательства) и 2015 годах (упразднение ВАС РФ, принятие КАС РФ)³. В аналитическом отчете ЦСР указывается, что до 2004 года законодательная политика государства состояла в принятии новых судебных процессуальных актов. С 2006 года политика законодателя приняла устойчивый характер внесения изменений в гражданский, арбитражный процесс и исполнительное производство. Политика изменений гражданского процессуального законодательства высокоактивна до настоящего времени.

Теоретически реформы – изменения государственных институтов могут быть обусловлены различными причинами. Для исследования реформ-изменений в сфере судебной защиты, принципиальное значение имеют причины, порождающие споры и конфликты. Среди возможных причин необходимо назвать замедление экономического развития, отклонения от намеченных социально-экономических целей, снижение жизненного уровня населения, обострение социальных конфликтов в обществе, противостояние различных социальных групп.

---

¹ Тихомиров Ю.А. Тенденции конституционного развития государств в современном мире // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения, 2016, № 1(56), с.24

² Распоряжение Президента РФ об утверждении Положения о рабочей группе при Президенте Российской Федерации по направлению «Приоритеты структурных реформ и устойчивый экономический рост» и ее состав от 16.05.2016, № 122-рп // kremlin.ru/acts/bank

³ Центр Стратегических Разработок, Статистический анализ федерального законодательства, 2017, // www.csr.ru/

В тематических исследованиях ЦСР, носящих практически официальный характер¹ названы как причины, обусловившие необходимость современных реформ-изменений процессуального законодательства, так и предложения для разрешения проблем гражданского судопроизводства. Основная причина – высокая нагрузка на судей, которая влечет предельную формализацию судебного процесса, делает приоритетным письменный процесс перед устным (состязательным) процессом, когда суд, независимо от вида процесса вынужден проявлять активность, а судебные акты изготавливать по шаблонам. При таком положении, судебная деятельность не соответствует конституционным принципам осуществления правосудия. По сути, деятельность судов сводится к правоприменительной деятельности органов исполнительной власти. Например, с 2015 года суды общей юрисдикции привлекают граждан к административной ответственности не по правилам процессуальных кодексов – ГПК РФ, или КАС РФ, а исключительно по правилам Кодекса РФ об административных правонарушениях.

Приказное и упрощенное производство, по мнению исследователей ЦСР, исчерпало свои возможности в вопросах оптимизации работы судебной системы (более половины дел рассматривается в упрощенном порядке, однако нагрузка сокращается только до определенного предела).

Центром предложены следующие направления реформирования судебной системы: снижение потока входящих дел на основе анализа самых массовых категорий дел, результатов их исполнимости; изменение издержек судопроизводства для его участников путем повышения размера госпошлины по отдельным категориям дел; рационализация судебного процесса и процедур путем создания внутриведомственных апелляций во всех контрольно-надзорных органах; возможность распространения на другие категории гражданских и арбитражных дел существующего в мировых судах и в упрощенном производстве правила об изготовлении мотивированной части лишь по запросу стороны; закрепление в ГПК РФ права суда при явке обеих сторон на предварительное заседание, завершить предварительное заседание и перейти в судебное разбирательство, обязательное ведение аудиозаписи протокола судебного заседания по гражданским делам по аналогии с АПК РФ.

---

¹ Центр стратегических разработок, Предложения по совершенствованию судебной системы в РФ и изменения нормативно-правовых актов в целях их реализации, // www.csr.ru/

Поскольку, главной причиной судебной-процессуальной реформы является нагрузка судов, а ее целью является оптимизация судебного процесса, автор статьи предлагает проанализировать судебную статистику по категориям дел, рассмотренным за 2017 год. Из доклада Председателя Верховного суда РФ Лебедева В.М. на подведении итогов работы судов за 2017 год¹ следует, что арбитражные суды разрешили 1,7 млн. дел, из них каждое седьмое дело пришлось на арбитражи Москвы и Московской области, чем обусловлено предложение Верховного Суда РФ об отказе от договорной подсудности. По предметам спора дела распределились следующим образом: по неисполнению договорных обязательств – 35%, взысканию обязательных платежей и санкций – 17%, спорам по договорам энергоснабжения – 15% и страхования -7%.

Суды общей юрисдикции в 2017 году рассмотрели всего 14,8 млн. гражданских дел. Из них жилищные споры составили более 5,8 млн., или 39%; дела о взыскании платы за жилплощадь и коммунальные услуги 5,4 млн. дел, или 36%, рассматриваются в приказном производстве, что, по мнению судов, свидетельствует об эффективности института приказанного производства в ГПК РФ. Свыше 1 млн. дел, или 0,7% разрешенных дел составляют семейные споры, 50% из которых о расторжении брака, 30% о взыскании алиментов.

Из 360 000 дел споры о защите прав потребителей, 90 000 дел приходится на споры с участием банков и других кредитных учреждений; 500 000 дел о взыскании с работодателей зарплат и прочих перечислений в счет оплаты труда. Из них удовлетворено 97%, взыскано 31 млрд. руб., или 66 000 руб. в пересчете на один удовлетворенный иск.

По правилам КАС РФ рассмотрены административные дела о взыскании с физических лиц платежей и санкций – 4 млн. дел, или 92% от общего числа дел. Из них в пользу бюджета разрешено 98% дел, в связи с чем, Верховный Суд РФ предлагает отменить обязательный судебный порядок взыскания платежей и санкций с граждан.

Систематизация рассмотренных судами дел по (содержанию) предмету споров позволяет выделить дела, обусловленные социальным и экономическим неравенством отдельных социальных групп. К ним следует отнести дела о взыскании платы за жилплощадь и коммунальные услуги, о взыскании с работодателей зарплат и прочих пе-

---

¹ Выступление Председателя Верховного Суда РФ В.М. Лебедева на Совещании-семинаре председателей судов субъектов РФ 20-21 февраля 2018, // www.supcourt.ru/press_center/news

речислений в счет оплаты труда, о взыскании с физических лиц платежей и санкций, что составляет 9,9 млн., или 60% от общего числа дел рассмотренных судами общей юрисдикции и арбитражными судами. Низкая исполнимость судебных решений (только 30% от всех решений и 10 % по делам о взыскании с граждан административных штрафов), явно свидетельствует о том, что проблема лежит не в поле процессуального законодательства, а в поле государственного управления социальной и экономической сферами жизнедеятельности.

Правовые регуляторы способствуют эффективному правовому воздействию на общественные отношения и иные процессы. Однако, нарушение корреляции по вектору право – управление приводит к слабому влиянию государственно-правовых институтов на социально-экономические процессы и явления и даже к деструктивности публичных органов и ослаблению правопорядка¹. Развитие гражданского процессуального права должно представлять процесс накопления опыта действия старых институтов и возникновение новых потребностей, которые могут повлиять на реальные правовые отношения. Содержание предлагаемых реформ-изменений судебного процессуального законодательства должно определяться социально-экономической активностью сторон, их способностью самостоятельно осознавать и отстаивать свои интересы, иметь возможность и уметь использовать различные правовые ресурсы. Красной линией, пределами унификации гражданского процесса должна стать реальная, а не формальная возможность воспользоваться правом на судебную защиту, реальное правосудие, не ограничивающееся временным эффектом, а стабильно обеспечивающее гражданский мир и безопасность каждому. Такой подход невозможно обеспечить без исследования реальных правовых отношений, социальных и экономических интересов незащищенных групп общества. Игнорирование такого анализа может повлечь анти эффект – рост конфликтности в обществе и как следствие усиление нагрузки на судей.

---

¹ Тихомиров Ю.А. Государственно-правовое регулирование: основание и пределы // Журнал Российского права, 2017, № 9 (249), с. 6-8

Максимова Анастасия Андреевна,
научный сотрудник научно-исследовательской группы
по изучению проблем БДД отделения организации
научно-исследовательской работы НИиРИО
Орловского юридического института МВД России
имени В.В. Лукьянова

Семейно-правовая политика: сущность и особенности

Брачно-семейные отношения в Российской Федерации регулируются семейным законодательством в определенной части, в остальной – сфера отношений, не подлежащих правовому регулированию. Государство стоит на позиции максимального невмешательства в данную область, но появление различных коллизий в процессе реализации права не редкость. Решить часть спорных вопросов, возникающих в этой связи, возможно при помощи построения отечественной семейно-правовой политики. В настоящем исследовании будет раскрыта природа возникновения такого правового явления, как семейно-правовая политика.

Для начала стоит определить правовую сущность данного понятия и проследить эволюцию терминологической базы. Наиболее широким в рамках исследуемой темы является понятие социальной политики. П.А. Меркулов предлагает определять социальную политику как систему взаимодействия государства и различных социальных групп, выражающуюся в нормативно-правовом закреплении совокупности конкретных мер и мероприятий, разрабатываемых и реализуемых органами государственного управления как общей, так и специальной компетенции, которые направлены на установление их нового социального статуса и оптимального использования имеющихся в распоряжении государства ресурсов для достижения целей, считающихся значимыми для конкретного социума [1, с. 136-137].

В современной науке социальная политика рассматривается в широком и узком значении этого термина. В первом случае социальная политика понимается как система взаимоотношений и взаимодействия социальных слоев и социальных групп в сфере приложения усилий к их конечной цели – собственно самому человеку. При конкретизации предмета воздействия сюда можно включить такие цели, как защита человека, его благосостояние и социальное развитие, уровень жизнеобеспечения, социальную безопасность граждан (населения) и государства в целом. В узком, или прикладном, смысле данный

термин традиционно понимается не как взаимодействие социальных групп, а как система (совокупность) различных мероприятий, реализуемых ее субъектами и направленных на повышение качества жизни населения в разнообразных сферах жизнедеятельности. Таким образом, в качестве цели современной социальной политики можно назвать улучшение качества жизни населения, обеспечение максимальной доступности базовых социальных благ. В современный период глобализации сюда также можно добавить такую цель, как обеспечение соответствия внутристрановых стандартов социального обеспечения ориентирам, заложенным в базовые документы современного международного права.

Следующим в ряду понятий, используемых при определении методологических основ изучения темы исследования, можно назвать государственную семейную политику. Последнюю можно определить как разновидность управленческой деятельности государства в сфере социализации в одобряемом и поощряемом государством направлении такого общественного института, как семья. В случаях, когда государство не одобряет, а, напротив, считает определенные процессы, происходящие в семье, вредными и которым оно считает необходимым противодействовать, мы можем говорить о понятии негативной государственной семейной политики. При этом термин «негативный» не означает ни положительных, ни отрицательных оценок той или иной составляющей семейной политики, а констатирует наличие на определенном историческом этапе в нормативной базе и практической деятельности государственных органов элементов, которые запрещают или дестимулируют определенный вид развития отношений в семье. Указание на существование «негативной составляющей государственной семейной политики» методологически необходимо. Это связано с тем, что в отечественной историко-правовой науке, а также близких к ней областях гуманитарного знания сформировалась точка зрения, согласно которой к государственной семейной политике не принято относить комплекс нормативных правовых актов и действий органов государственного управления, запрещающих (демотивирующих) определенный тип семейных отношений, определяемый государством как негативный для общества. Введение данного термина в методологию историко-правового исследования позволит дать полномасштабную, разностороннюю картину историко-правового развития государственной семейной политики в нашей стране (термин «негативная политика» был предложен как исследовательский

инструментарий гуманитарного исследования в работе П.А. Меркулова) [1, с. 132].

Государственная семейная политика по своей социальной и правовой природе – понятие более узкое, чем социализация. В последней, помимо аппарата государственного управления, принимают участие другие структуры, которые относятся не только к формальным (международные неправительственные организации, общественные объединения, политические партии и т. п.), но и к неформальным социальным институтам (копоративные общности, территориальные и соседские общины и т. п.).

В связи с тем, что неотъемлемой частью государственной семейной политики является ее нормативно-правовая составляющая, одним из основных понятий, используемых в рамках изучения настоящей темы, является термин «правовая политика», который был введен в употребление сравнительно недавно, а именно на рубеже XIX – XX веков [2, с. 63-68]. Эта категория оказалась весьма востребованной в правовой науке для характеристики целого ряда явлений. Это предопределило постоянное развитие определения указанного термина, вызванное влиянием обуславливающих ее закономерностей социального развития [3, с. 32-37]. Следовательно, необходимо охарактеризовать настоящую дефиницию и раскрыть содержание данной политико-правовой категории. Решение поставленной задачи позволит выделить сущность, субъекты и особенности указанного понятия, охватывающего в соответствующей сфере и семейно-правовые отношения, урегулированные государством.

Следующей по объему категорией, определяющей понимание места и роли исследуемого явления, выступает государственная семейная правовая политика. Она получила широкое применение при проведении комплексных исследований, связанных с изучением возникновения, становления и развития различных направлений государственной правовой политики как комплексного явления, включающего в себя самые различные области правового регулирования.

Позиция настоящего исследования заключается в том, что в рамках историко-правового анализа определение государственной семейной правовой политики может быть основано как на выделении ее ориентации на целевую социализацию семьи со стороны государства, так и на специфические характеристики. Последние были связаны с необходимостью объединить в указанном понятии черты различных исторических эпох, присущих данному виду государственной политики на всем протяжении существования изучаемого явления.

Прежде чем перейти к понятию семейно-правовой политики, нам представляется необходимым определить ее основные признаки. Безусловно, они некоторым образом должны пересекаться с особенностями правовой политики как базового понятия, однако, они более персонафицированы.

Во-первых, стоит отметить, что семейно-правовая политика – это в первую очередь деятельность государства. Здесь мы предлагаем ограничить круг субъектов ввиду особой роли государственных органов в регулировании брачно-семейных отношений. Именно государство является тем полномочным органом, который имеет право формировать семейно-правовую политику на необходимом уровне и делать выбор относительно ратификации норм международного права в исследуемой области с целью удовлетворения потребностей общества.

Во-вторых, целью установления семейно-правовой политики является выстраивание стратегических и тактических задач преимущественно на долгосрочную перспективу с целью, как удовлетворения потребностей общества, так и решения общегосударственных проблем в данной области.

В-третьих, границы семейно-правовой политики должны быть установлены в рамках регулирования только той части брачно-семейных отношений, на которую может воздействовать право.

В-четвертых, основные направления семейно-правовой политики должны быть изложены с учетом ретроспективного исторического анализа и отражать и (или) заимствовать накопленный положительный исторический опыт с целью недопущения повторения ошибок в исследуемой области.

Также для формулировки термина «семейно-правовая политика» необходимо выделение ее основных направлений, или, иначе, предмета. С учетом значительного количества направлений семейно-правовой политики мы в своем исследовании остановимся на нескольких основных, к числу которых относятся:

- политика в области регулирования института брака;
- политика в демографической сфере;
- политика по обеспечению детей, оставшихся без попечения родителей;
- политика по социальному обеспечению в брачно-семейной сфере.

Таким образом, исходя из всего вышесказанного и основываясь на признаках и главных направлениях под семейно-правовой политикой Российского государства предлагается понимать особую деятель-

ность государства, его органов общей и (или) специальной компетенции по формированию стратегии развития и совершенствования способов и методов правового регулирования брачно-семейных отношений с учетом существующей нормативной правовой базы и исторического опыта их реализации.

Литература

1. Меркулов П.А. Исторический опыт разработки и реализации государственной молодежной политики в Российской Федерации (вторая половина XIX – начало XXI в.): дис. ... д-ра ист. наук. – М., – 2014.

2. Рудковский В.А. Правовая политика в системе юридических категорий // Вестник Волгоградского государственного университета. – Сер. 5. – Юриспруденция. – 2014. – № 1 (22).

3. Юмадилов Д.Б. Закономерности правовой политики как проблема теории государства и права // История государства и права. – 2013. – № 22.

Молчанов Александр Александрович,

доктор юридических наук, профессор,

профессор кафедры гражданского права и гражданского процесса

Санкт-Петербургского университета МВД России;

Павлов Сергей Эдуардович,

адъюнкт кафедры гражданского права и процесса

Санкт-Петербургского университета МВД России,

лейтенант внутренней службы

Гражданско-правовое регулирование обязательного государственного страхования жизни и здоровья сотрудников полиции в период выполнения ими оперативно-служебных задач в особых условиях

Жизнь, особенно в наше непростое время, полна неожиданностей, в особенности для сотрудников полиции, которые стабильно находятся в зоне повышенного риска. Российская Федерация попала в число стран, встретившихся с масштабной угрозой международного терроризма. Поэтому закономерно, что в нашей стране формы и методы организованной борьбы с настоящим явлением приобрели законодательное оформление. Проводимые в Российской Федерации мероприятия по противодействию актам терроризма, координируются положениям Конституции Российской Федерации.

Профессиональная деятельность сотрудников полиции в процессе выполнении оперативно-служебных задач в обстановке вооруженного конфликта и в ходе проведения контртеррористических операций (далее – в особых условиях) носит экстремальный характер. Причинение вреда здоровью или гибель сотрудников имеет весьма высокую вероятность. Служебные обязанности выполняются в условиях значительной напряженности, а также вне мест стабильной дислокации и предполагают отсутствие бытовых удобств. Сотрудник полиции может оказаться жертвой катастрофы, внезапно заболеть. В этих и множестве других случаев появляется необходимость временно обезопасить себя от их вредных последствий либо приблизить их к минимуму.

Все правовые институты как явления нормативного характера не могут наличествовать только на бумаге. Их разработка и принятие осуществляются законодателем с целью последующего нахождения собственной реализации в определенных общественных отношениях, в поведении людей. Это является необходимым условием нормального функционирования здорового гражданского общества в правовом государстве.

Рассмотренные правоотношения по обязательному государственному страхованию жизни и здоровья сотрудников полиции имеют свое непосредственное отражение в различных нормативных правовых актах, посредством которых и происходит их регулирование. Эти отношения реально существуют в современной жизни российского общества, что свидетельствует об осуществлении этого вида страхования. В противном случае не возникло бы необходимости и интереса подвергать нашему исследованию данное правовое явление.

Говорить о реальности создания системы социальной и правовой защиты сотрудников полиции в период выполнения личным составом оперативно-служебных задач в особых условиях стало возможным вслед за принятием ФЗ от 07.02.2011 г. № 3-ФЗ «О полиции»[1] (далее – Закон о полиции). Важнейшие направления деятельности полиции откорректированы с учетом нынешних условий, особое внимание уделено правовому положению сотрудников полиции.

В развитие положений Закона о полиции правовой статус сотрудника ОВД России определен на основании положений ФЗ от 30.11.2011 № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации»[2]. Структурно правовой статус сотрудников – участников контртеррористических операций – ветеранов боевых действий урегулирован в ст. 3, 28 ФЗ от 12.01.1995 г. № 5-ФЗ «О ве-

терранах»[3], а также ФЗ от 06.03.2006 г. №35-ФЗ «О противодействии терроризму»[4], абстрагированный на правовое регулирование борьбы с терроризмом, в нем отчетливо регламентированы проблемы компенсации вреда лицам, которые принимали участие в проведении контртеррористических операций.

На регулирование отношений по предоставлению соцгарантий ориентирован ФЗ от 19.07.2011 г. № 247-ФЗ «О социальных гарантиях сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации»[5], в нем введены размеры выплаты по обязательному государственному страхованию жизни и здоровья сотрудников и членов их семей.

Действие ФЗ от 21.01.1993 № 4328-I «О дополнительных гарантиях и компенсациях военнослужащим, проходящим военную службу на территориях государств Закавказья, Прибалтики и Республики Таджикистан, а также выполняющим задачи в условиях чрезвычайного положения и при вооруженных конфликтах»[6] распространяется на сотрудников полиции, которые выполняют и выполняли служебные задачи в условиях вооруженного конфликта в Чеченской Республике.

Для того, чтобы обеспечивать исполнение обязательства по возмещению вреда жизни и здоровью, причиненного сотрудникам полиции в особых условиях, применяют систему обязательного государственного страхования жизни и здоровья. К правовой основе обязательного государственного страхования сотрудников ОВД следует отнести ст. 969 ГК РФ, Федеральный закон от 28 марта 1998 № 52-ФЗ «Об обязательном государственном страховании жизни и здоровья военнослужащих, граждан, призванных на военные сборы, лиц рядового и начальствующего состава органов внутренних дел Российской Федерации, Государственной противопожарной службы, сотрудников учреждений и органов уголовно-исполнительной системы, сотрудников войск национальной гвардии Российской Федерации»[7] (далее – ФЗ № 52-ФЗ), Постановление Правительства РФ от 29 июля 1998 г. № 855[8] о мерах по реализации указанного закона.

Прежде чем вести речь о реализации обязательного государственного страхования, нужно акцентировать свое внимание на понимании данной категории. В толковом словаре русского языка содержится глагол «реализовать», означающий «осуществить, исполнить» [8, с. 660]. Другими словами, учитывая такое толкование, под осуществлением обязательного государственного страхования понимается его осуществление, то есть исполнение соответствующих правовых норм в реальной жизни.

С теоретической точки зрения правовой институт характеризуется совокупностью субъективных прав и юридических обязанностей, посредством исполнения которых он осуществляется в обществе. Именно с осуществлением наиболее тесно связан термин «реализация». Суть осуществления прав состоит в их реализации, то есть исполнении.

С точки зрения общей теории права реализация есть одна из форм осуществления права, под которой понимается деятельное осуществление возможностей, предоставленных нормами права субъектам разнообразных отношений. На наш взгляд, между этими двумя категориями нет большой разницы, поэтому вполне уместно их взаимозаменять. Мы, безусловно, признаем, что реализация является одной из форм осуществления права наряду с его соблюдением и исполнением.

В ст. 969 ГК РФ закреплены два способа реализации обязательного государственного страхования: 1) за счет средств, которые выделяются на эти цели министерствам и другим федеральным органам исполнительной власти из соответствующих бюджетов (страхователям); 2) напрямую в силу закона и других правовых актов о подобном страховании указанными в данных актах государственными страховыми организациями (страховщиками) или на основании договоров страхования, которые заключены согласно этим актам страховщиками и страхователями.

Пункт 4 ст. 3 Закона РФ «Об организации страхового дела в РФ» [9] обуславливает, что условия и последовательность реализации обязательного страхования определяют федеральные законы об определенных видах обязательного страхования. Подтверждением этому служит текст преамбулы ФЗ № 52-ФЗ, в котором говорится, что настоящий Федеральный закон определяет условия и порядок реализации обязательного государственного страхования жизни и здоровья ... в том числе сотрудников полиции. Отсюда можно заключить, что нормы данного закона имеют самое прямое отношение к реализации обязательного государственного страхования, а определяя ее условия и порядок, они раскрывают ее механизм.

Говоря о механизме реализации обязательного государственного страхования, следует отметить, что он носит гражданско-правовой характер, поскольку основан на гражданско-правовом договоре. Данный механизм можно представить в виде следующих структурных элементов: нормы действующих в данной области нормативных пра-

вовых актов; юридические факты или фактический состав; правоотношение, включая стороны, объекты и содержание.

Одним из таких моментов на сегодняшний день является способ определения размеров страховых сумм, которые исчисляются перемножением размера страховой суммы, установленного абз. 2 п. 2 ст. 5 ФЗ № 52-ФЗ (т. е. 2 000 000 рублей) с учетом ежегодной индексации), и количества застрахованных лиц.

Такая позиция законодателя представляется верной, поскольку жизнь и здоровье как офицера, так и рядового сотрудника полиции должны оцениваться равнозначно. Сотрудники полиции, имея разные звания и занимая различные должности, порою выполняют работу, которая при более низкой должности требует больших физических и моральных затрат, нежели та, что выполняют более высокие по рангу должностные лица. А ведь именно вышеуказанные затраты организма приводят к его более быстрому старению и профессиональному износу. Именно поэтому размеры страховых выплат исчисляются не отталкиваясь от окладов месячного денежного содержания, а определяются фиксированной денежной суммой.

Указанные суммы ежегодно индексируются. Выплачивает страховые суммы страховая компания, с которой МВД РФ заключила государственный контракт на соответствующий период. В настоящее время, организация обязательного государственного страхования сотрудников полиции осуществляется Обществом с ограниченной ответственностью «Центральное Страховое Общество» на 2018 и 2019 гг. соответственно (государственный контракт от 10.01.2018 № 31/31 ГК).

Приказом МВД РФ от 09.10.2012 № 924 «Об утверждении Инструкции об организации работы по обязательному государственному страхованию жизни и здоровья сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации, военнослужащих внутренних войск МВД России, граждан, призванных на военные сборы во внутренние войска МВД России» законодатель определил последовательность действий, которые необходимо осуществить сотруднику полиции, пострадавшему при выполнении оперативно – служебных задач в особых условиях для получения страховых выплат [10].

Приказ МВД России от 06.06.2012 № 562 «О некоторых вопросах прохождения сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации службы в особых условиях» установил специфику прохождения службы сотрудниками полиции в особых условиях, а также порядок их командирования в другую местность для выполнения оперативно – служебных задач [11].

Как мы уже отмечали, размеры страховых сумм индексируются в соответствии с уровнем инфляции в стране.

Подобный механизм заложен в ст. 318 ГК РФ и распространяется на суммы, выплачиваемые по денежному обязательству непосредственно на содержание гражданина. К этим случаям можно отнести и страховые события по обязательному государственному страхованию сотрудников полиции, поскольку они напрямую затрагивают жизнь и здоровье застрахованных лиц. Страховые выплаты, которые производят в пользу застрахованных лиц, направлены компенсировать материальные потери в результате утраты определенной степени трудоспособности, а также необходимые затраты на лечение.

Тем не менее, принимая во внимание специфику службы в полиции, размер страховой суммы должен определяться не только исходя из характера и степени повреждения здоровья, но и из того, при каких условиях наступил страховой случай.

Специфичность службы в казенных учреждениях полиции заключается в постоянном общении сотрудников с криминогенным контингентом. Эта категория лиц обладает повышенной криминогенной опасностью, что, в свою очередь, накладывает отпечаток на личную безопасность сотрудников полиции. В силу исполнения своих служебных обязанностей большая часть служащих постоянно пребывает в зоне повышенного риска. К ним относятся сотрудники оперативно-следственных служб и др. Кроме того, большая угроза жизни и здоровью возникает в отношении лиц, проходящих службу в отрядах специального назначения, которые по долгу службы длительное время пребывают на территориях с нестабильной оперативной обстановкой, участвуют в боевых операциях на Северном Кавказе.

В связи с изложенным полагаем, при исчислении размеров страховых сумм следует учитывать не только характер и степень повреждения жизни и здоровья сотрудника полиции, но и то обстоятельство, находился ли сотрудник при исполнении служебных обязанностей или нет.

Применительно к специфике деятельности полиции, на наш взгляд, необходимо дополнить перечень страховых случаев, указанных в ФЗ № 52-ФЗ. На сегодняшний день он представлен такими случаями, как смерть (гибель) сотрудника полиции, получение инвалидности либо увечья (травмы, контузии, ранения). Данный перечень является исчерпывающим и, как видно из ст. 4 названного закона, не включает в себя заболевания. Последние выступают лишь в качестве причины названных в перечне страховых случаев. Тем не менее, как

уже было сказано выше, специфика службы в полиции заключается в постоянном контакте с криминогенным контингентом, в среде которых находится достаточно большое число лиц, являющихся разносчиками различных инфекционных заболеваний. Наиболее распространенными заболеваниями являются туберкулез и ВИЧ-инфекция.

В ст. 3 ФЗ «Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний» [12] под профессиональным заболеванием понимается хроническое или острое заболевание застрахованного, которое является следствием воздействия на него вредного (вредных) производственного (производственных) фактора (факторов) и влечет за собой стойкую или временную утрату им профессиональной трудоспособности. Данное определение в большей степени относится к лицам, трудящимся в производственной сфере. Тем не менее его можно признать обобщенным и по аналогии применить к различным видам деятельности, в том числе к службе в полиции.

В настоящее время профессиональное заболевание согласно ФЗ № 52-ФЗ не признают страховым случаем, а рассматривают лишь как причину, на основании которой сотруднику устанавливается та или иная группа инвалидности. Полагаем названное обстоятельство необъективно в отношении сотрудников, ежедневно рискующих собственным здоровьем, выполняя служебный долг.

Установление степени тяжести увечий (ранений, травм, контузий) застрахованных лиц осуществляют соответствующие медицинские органы (военно-врачебные комиссии) ОВД согласно Приказа МВД РФ от 14.07.2010 № 523 «Об утверждении Инструкции о порядке проведения военно-врачебной экспертизы и медицинского освидетельствования в органах внутренних дел Российской Федерации и внутренних войсках Министерства внутренних дел Российской Федерации» [13].

Страховые суммы выплачиваются посредством перечисления причитающихся сумм в рублях способом, который определяется в договоре страхования, вне зависимости от сумм, которые причитаются застрахованным лицам по иным видам договоров страхования, за исключением случаев, установленных п. 3 ст. 1 ФЗ № 52-ФЗ.

Как мы уже отмечали в настоящее время в сфере гражданско-правового регулирования обязательного государственного страхования сотрудников полиции, выполняющих оперативно-служебные задачи в особых условиях, функционирует немало нормативных правовых актов различного уровня, в результативности которых должно

быть заинтересовано государство. Тем не менее, как и прежде остаются нерешенными вопросы регулирования оказания помощи сотрудникам, которым требуется дорогостоящее лечение, протезирование; материальная поддержка семей, потерявших кормильца, их детей. В целом решение вопросов, связанных с гарантиями, льготами и компенсаций сотрудникам полиции требует стабильного внимания со стороны государства и общества.

Литература

1. ФЗ от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции» // СЗ РФ. 2011. № 7. Ст. 900.
2. ФЗ от 30.11.2011 № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации» // СЗ РФ. 2011. № 49. Ст.7020.
3. ФЗ от 12.01.1995 № 5-ФЗ «О ветеранах» // СЗ РФ. 1995. № 3. Ст. 168.
4. ФЗ от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» // СЗ РФ. 2006. № 11. Ст. 1146.
5. ФЗ от 19.07.2011 № 247-ФЗ «О социальных гарантиях сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации» // СЗ РФ. 2011. № 30. Ст. 4595.
6. ФЗ от 21.01.1993 № 4328-1 «О дополнительных гарантиях и компенсациях военнослужащим, проходящим военную службу на территориях государств Закавказья, Прибалтики и Республики Таджикистан, а также выполняющим задачи в условиях чрезвычайного положения и при вооруженных конфликтах» // Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 6. Ст. 181.
7. ФЗ от 28 марта 1998 № 52-ФЗ «Об обязательном государственном страховании жизни и здоровья военнослужащих, граждан, призванных на военные сборы, лиц рядового и начальствующего состава органов внутренних дел Российской Федерации, государственной противопожарной службы, сотрудников учреждений и органов уголовно-исполнительной системы, сотрудников войск национальной гвардии Российской Федерации» // СЗ РФ. 1998. № 13. Ст.1474.
8. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: АЗЪ, 1994. – С. 660.
9. Закон РФ от 27.11.1992 № 4015-1 «Об организации страхового дела в РФ» // Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 2. Ст. 56.
10. Приказ МВД РФ от 09.10.2012 № 924 «Об утверждении Инструкции об организации работы по обязательному государственному страхованию жизни и здоровья сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации, военнослужащих внутренних войск МВД России, граждан, призванных на военные сборы во внутренние войска МВД России» // Российская газета. 2013. № 39.
11. Приказ МВД России от 06.06.2012 № 562 «О некоторых вопросах прохождения сотрудниками органов внутренних дел Российской Федера-

ции службы в особых условиях // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2012. № 43.

12. ФЗ от 24.07.1998 № 125-ФЗ «Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний» // СЗ РФ. 1998. №31. Ст. 3803.

13. Приказ МВД РФ от 14.07.2010 № 523 «Об утверждении Инструкции о порядке проведения военно-врачебной экспертизы и медицинского освидетельствования в органах внутренних дел Российской Федерации и внутренних войсках Министерства внутренних дел Российской Федерации» // Российская газета. 2010. № 264/1.

Молчанов Александр Александрович,
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры гражданского права и гражданского процесса
Санкт-Петербургского университета
МВД России;
Афанасьева Елена Сергеевна,
адъюнкт кафедры гражданского права и гражданского процесса
Санкт-Петербургского университета
МВД России

Правой режим интеллектуальной собственности на служебные произведения в образовательных организациях МВД России

Современные тенденции развития экономики России требуют от национальной инновационной системы как подготовки кадров с новыми компетенциями, так и формирования мощного источника инновационных идей, технологий и проектов. В свою очередь, такие изменения в деятельности влекут за собой изменение методов управления.

Ключевым источником ресурсов является интеллектуальный капитал, представляющий собой нематериальные активы. Существенным элементом интеллектуального капитала является интеллектуальная собственность, обеспечивающая экономический рост и возможность стратегического развития юридических лиц.

Законодатель в ст. 1225 ГК РФ следующим образом дает определение интеллектуальной собственности – это результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации юридических лиц, товаров, работ, услуг и предприятий, которым предоставляется правовая охрана, т. е. объекты гражданских прав, а не сами права, возникающие по поводу этих объектов. Здесь

же закреплён исчерпывающий перечень объектов, пользующихся правовой охраной на территории России. Согласно данному перечню объектами правовой охраны являются сами результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации.

Жизнеспособность российского государства во многом определяется научно-техническим прогрессом и интеллектуализацией основных факторов производства. Процесс развития интеллектуальной собственности – это одна из значимых целей в деятельности правоохранительной системы МВД России. Формирование инновационной системы правоохранительных органов неосуществимо в отсутствие гарантии охраны прав авторов результатов интеллектуальной деятельности и иных правообладателей.

Субъекты права интеллектуальной собственности в системе МВД России подразделяются на: авторов (соавторов) – сотрудников, состоящих в служебных отношениях и работников, состоящих в трудовых отношениях с Федеральным государственным казенным учреждением МВД РФ (далее по тексту – сотрудник (работник)), которые применяя необходимое старание, используя имеющиеся знания и опыт для создания произведения науки, литературы или искусства не выходя за пределы своей трудовой функции¹ создают в пределах, определенных для них трудовых обязанностей на основании гражданско-правового договора, служебные произведения; правообладателей в отношении служебного произведения, созданного сотрудниками (работниками), которым является их работодатель – Федеральное государственное казенное учреждение МВД РФ; наследников – тех, кто в соответствии с законодательством может наследовать права авторов.

К служебным произведениям, создаваемым сотрудниками (работниками) в пределах трудовых обязанностей, относятся практически все виды объектов интеллектуальной собственности.

Вопросы исполнения сотрудником (работником) своих служебных обязанностей в область применения гражданского законодательства не входят, а обуславливаются как нормами трудового права, так

---

¹ Молчанов А.А., Афанасьева Е.С. Право на доходы, получаемые от разрешенной деятельности казенными учреждениями МВД России, реализующими служебные произведения, созданные их сотрудниками // Предпринимательство и бизнес: финансово-экономические, управленческие и правовые аспекты устойчивого развития: Монография / Под общей редакцией ректора Финансового университета при Правительстве Российской Федерации д.э.н., профессора М.А. Эскиндарова. – М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков К», 2016. – С. 641.

и п. 1 ст. 11 ФЗ «О полиции»¹ и п. 4 ст. 34 ФЗ № 342-ФЗ «О службе в ОВД РФ»², согласно которым в их обязанности входит выполнение творческих работ и достижение определенных научных и иных творческих результатов. На практике служебное произведение считается созданным сотрудником (работником), когда он передает его работодателю. Передача служебного произведения от сотрудника (работника) работодателю оформляется гражданско-правовым договором, поскольку п. 1 ст. 161 ГК РФ предусматривает обязательную письменную форму для сделок между юридическими лицами и гражданами. Следовательно, момент перехода исключительного права на служебное произведение от сотрудника (работника) к работодателю возникает при заключении гражданско-правового договора об отчуждении исключительного права или лицензионного договора (простая (неисключительная) и исключительная лицензии), где будут отражены как лично-неимущественные отношения автора, так и его исключительные права на служебное произведение.

Казенное учреждение МВД России обладает исключительным правом на служебное произведение при условии, что иное не предусматривается трудовым или гражданско-правовым договором казенного учреждения МВД России с сотрудником (работником), в соответствии с которым сотруднику (работнику) обязаны выплатить сумму вознаграждения, которая по своей правовой природе не является заработной платой³.

Работодатель досрочно лишается принадлежащего ему исключительного права, если в течение трех лет: не начнет использование служебного произведения, не заключит договор об отчуждении исключительного права на служебное произведение или лицензионный договор, не уведомит сотрудника (работника) о сохранении служебного произведения в тайне.

Возвращается исключительное право на служебное произведение автору от работодателя автоматически по истечении трехлетнего срока с момента предоставления произведения в распоряжение работодателя по правилам абз. 2 п. 2 ст. 1295 ГК РФ. Отношения перехода имущественных прав от сотрудника (работника) к работодателю яв-

---

¹ ФЗ от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции» // СЗ РФ. – 2011. – № 7. – Ст. 900.

² ФЗ от 30.11.2011 № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. – 2011. – № 49. – Ст. 7020.

³ Молчанов, А.А., Афанасьева, Е.С. Исключительное право казенных учреждений на служебные произведения в системе МВД России // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2015. – №3 (67). – С. 66.

ляются гражданско-правовыми и регулируются гражданским законодательством.

Если отношения между казенным учреждением МВД России и сотрудником (работником) складываются в административно-правовых рамках, то возможны внедоговорные отношения, а если в гражданско-правовых рамках, то внедоговорные отношения приводят к правонарушениям в случае не заключения гражданско-правового договора на создание и использование служебного произведения. На гражданско-правовую природу соответствующего договора указано в п. 26 Постановления Пленума ВС РФ от 19 июня 2006 г. № 15¹.

Отметим, что сама суть создания и последующего использования такого произведения, в принципе включает запрет работодателю и всем третьим лицам использовать его без соглашения с автором служебного произведения, что представляет собой бездоговорное использование этого служебного произведения. Такие нарушения представляют собой деликт – причинение вреда как лично-неимущественным, так и имущественным отношениям автора.

Принимая во внимание различные направления культурно-образовательной, научно-исследовательской и инновационной деятельности казенного учреждения МВД России среди объектов его интеллектуальной собственности можно выделить основные объекты: объекты авторских прав и прав, смежных с авторскими (служебные произведения, программы для ЭВМ и базы данных); объекты промышленной собственности (изобретения, полезные модели, промышленные образцы); результаты инновационной деятельности казенного учреждения МВД России (научные разработки, ноу-хау); образовательные услуги, воплощенные в разных формах (учебные курсы и учебные программы, курсы повышения квалификации) и их методическое обеспечение (пособия, учебники, методические материалы); объекты, создаваемые с применением информационных технологий (презентации, электронные учебники, Интернет-сайты); конфиденциальная информация (например, сведения о научных разработках).

Важным элементом создания объектов интеллектуальной собственности казенного учреждения МВД России является закрепление полномочий по реализации конкретного направления за его определенной структурой. Формирование атмосферы творчества и интел-

---

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 июня 2006 № 15 «О вопросах, возникших у судов при рассмотрении гражданских дел, связанных с применением законодательства об авторском праве и смежных правах» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2006. – № 8.

лектуальной деятельности, например, в Федеральном государственном казенном образовательном учреждении высшего образования «Санкт-Петербургском университете МВД России» (далее – СПбУ МВД России), – это вопрос, решаемый на уровне кафедр такого учреждения, а процесс оформления и защита интеллектуальных прав – одно из направлений деятельности правового отдела.

Эффективное использование потенциала научно-педагогического состава СПбУ МВД России обуславливается востребованностью результатов его деятельности, и поэтому, в результате анализа инновационных и образовательных потребностей центрального аппарата и территориальных органов МВД России осуществляется мониторинг ситуации, системная организация хода внедрения инноваций в правоохранительную деятельность Северо-Западного региона России.

Одним из направлений деятельности кафедр СПбУ МВД России выступает создание служебных произведений, которые стали определяющими в сфере интеллектуального права – так, в 2016 г. научно-педагогическим составом было создано 71 служебное произведение.

В процессе осуществления служебной деятельности сотрудники (работники) создают особый объект охраны авторского права – программу для ЭВМ, т. е. совокупность данных и команд, представленную в объективной форме, и порождаемый программой для ЭВМ интерфейс для взаимодействия с пользователем, ввода и вывода информации (ст. 1261 ГК РФ).

Как и служебное произведение, создаваемая сотрудником (работником) программа для ЭВМ охраняется независимо от назначения, достоинства и материального носителя, в котором она нашла свое выражение. Так, в настоящее время в СПбУ МВД России развернут программный комплекс системы открытого образования «Стеллус». Кроме того, для обучения слушателей факультета заочного обучения применяются кейсовые технологии дистанционного обучения.

В области прав, смежных с авторскими сотрудниками (работниками) создаются базы данных в части охраны содержания, информации, объединенной в базу данных от несанкционированного извлечения и повторного использования. Изготовителем такой базы данных является казенное учреждение МВД России, организовавшее ее создание и руководящее сбором, обработкой и расположением составляющих ее материалов.

Например, на информационно-образовательном портале СПбУ МВД России вузовский узел электронной библиотеки представлен

аппаратно-программным комплексом «ИРБИС» с интерфейсным модулем внешнего обмена данными через сеть Интернет. Кроме того, создана информационно-образовательная среда, доступ к которой возможен через информационно-образовательный портал в сети Интернет и информационные киоски с сенсорными экранами.

Информационно-образовательный портал центра СПбУ МВД России структурирован по разделам научно-исследовательской, учебно-методической, редакционно-издательской деятельности, информационно-справочным материалам и охватывает полнотекстовые электронные материалы по направлениям образовательной деятельности университета. Среди информационно-образовательных ресурсов на сайте СПбУ МВД России открыт доступ к единой коллекции цифровых образовательных ресурсов, электронно-библиотечной системе «Книга-Фонд»; федеральному центру информационно-образовательных ресурсов (ФЦИОР), информационной системе «Единое окно доступа к образовательным ресурсам», федеральному portalу «Российское образование»; произведено подключение к единой информационно-телекоммуникационной сети органов внутренних дел МВД России.

Опубликование и доведение до сведения существующих баз данных осуществляется в количестве, достаточном для того, чтобы удовлетворить потребности сотрудников (работников) СПбУ МВД России в разумных пределах, для чего развернуты сети видеоконференцсвязи и учебно-информационного телевидения «Универ-ТВ» замкнутого типа.

Служебными результатами интеллектуальной деятельности, создаваемыми в системе МВД России, являются также служебное изобретение, служебная полезная модель и служебный промышленный образец, правовой режим которых раскрывается в ст. 1370 ГК РФ.

Существует тесная связь со служебными объектами патентного права у такого объекта, как служебный секрет производства (ноу-хау), создаваемым сотрудниками (работниками). В качестве последнего квалифицируется секрет, созданный сотрудником (работником) в связи с выполнением своих трудовых обязанностей. Обязательное условие возникновения режима служебного ноу-хау – это создание его в связи: с выполнения трудовой функции в силу гражданско-правового договора, в котором оговаривается размер вознаграждения за его создание.

Таким образом, проанализировав правовой режим интеллектуальной собственности на служебные произведения в образовательных

организациях МВД России, заметим, что в образовательном процессе все участники (от адъюнкта до профессора), каким-либо способом заняты интеллектуальной деятельностью, в итоге которой появляются объекты интеллектуальной собственности, поэтому следует считать установленным, что она является краеугольным и самым легко воспроизводимым ресурсом непрерывного развития казенного учреждения МВД России. Применять интеллектуальную собственность как главный ресурс в образовательной деятельности – верный способ поддержать на высоком уровне подготовку будущих специалистов в правоохранительной сфере.

Мурзабулатов У.М.,
кандидат юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой гражданского процесса
Института права Башкирского государственного университета

Ответственность в исполнительном производстве как самостоятельный вид юридической ответственности

Ответственность – это мера воздействия государства на виновное лицо, нарушившее императивные предписания закона, которая выражается в наступлении для него негативных последствий. Ее основная цель заключается в защите установленного соответствующим государством правопорядка.

В теории права сложилась определенная структура юридической ответственности, которая включает в себя гражданско-правовую, административную, уголовную и дисциплинарную ответственность.¹ В последнее время, исходя из многообразия общественных отношений и их активного развития, появляются все новые отрасли права, на основании которых выделяются и соответствующие виды ответственности. Многие авторы, рассматривающие данный дискуссионный вопрос, придерживаются того, что ставить отраслевой подход в основу деления юридической ответственности на самостоятельные виды, является неверным. Отраслевой подход со своей концепцией производности самостоятельного вида юридической ответственности от самостоятельной отрасли права формально допускает существование от-

---

¹ Данилов Д.Б. Отдельные коллизии при возбуждении и подготовки к судебному разбирательству дел об административном правонарушении за незаконное использование товарного знака в арбитражном суде: теоретические и практические вопросы // Арбитражный и гражданский процесс. 2011. № 12. С. 17-21.

раслевой юридической ответственности в каждой отрасли права, которая признана самостоятельной, исходя из общетеоретического учения о предмете и методе правового регулирования¹. Ярые сторонники отраслевого подхода юридической ответственности, которая, по их мнению, включает в себя лишь четыре основных вида, исходят из ее деления на «традиционную» и нетрадиционную². Суть данной концепции заключается в том, что помимо самостоятельного предмета правового регулирования и метода воздействия на общественные отношения, отрасль права должна иметь как минимум еще один критерий, наличие которого позволит ей обладать самостоятельным видом ответственности. Однако ответить на вопрос, каким именно критерием, сторонники данной концепции ответить не могут, из чего можно сделать вывод о ее несостоятельности. Например, Д.А. Липинский пишет о том, что подобным критерием может послужить система принципов соответствующих отраслей права, но при этом тут же отмечает, что основополагающим условием являются – предмет и метод³.

Приверженцы точки зрения отсутствия необходимости самостоятельной ответственности в исполнительном производстве ссылаются на то, что создание подобной меры воздействия, равно как и создание иных самостоятельных видов ответственности, присущих соответствующим отраслям права, помимо гражданской, уголовной, административной и трудовой, играет роль лишь в количественном смысле. Я категорически не согласен с данной позицией и считаю, что закрепление исполнительной ответственности обеспечит, в первую очередь, удобство применения законодательства об исполнительном производстве без отсылок к иным отраслям права.

Так же необходимо отметить, что нарушения, совершаемые в сфере исполнительного производства, несут более весомый и значительный характер, чем правонарушения, совершаемые в повседневной, обыденной сфере общественных отношений в связи, с чем ответственность за их совершения должна быть более жесткой. Аргументировать это необходимо тем, что отношения, складывающиеся по поводу неисполнения либо воспрепятствования исполнению решений суда, вынесенных от имени государства, несут более основательный характер, чем нарушения связанные с бытовыми, сугубо личностными или этическими отношениями, как, например, правонарушения,

---

¹ М.Л. Гальперин. О самостоятельной ответственности в исполнительном производстве // Право. Журнал высшей школы экономики. 2015. № 2.

² Гражданский процесс. Учебник / под ред. М.К. Треушников. М., 2003. С. 196.

³ Липинский Д.А. О некоторых проблемах системы юридической ответственности // Право и политика. 2004. № 12 // СПС Консультант Плюс.

связанные с распитием спиртных напитков в общественных местах. В качестве ответственности за распитие спиртных напитков в общественных местах Кодексом об административных правонарушениях предусмотрен штраф, равным счетом, как и за неисполнение законных требований, содержащихся в исполнительных документах, что явно представляется несоразмерным.

Так же нужно учесть такую меру ответственности как исполнительский сбор, которая присутствует лишь в исполнительном производстве и больше нигде. Исполнительский сбор является денежным взысканием, налагаемым на должника в случае неисполнения им требований исполнительного документа в срок, установленный для добровольного исполнения, а также в случае неисполнения им требований исполнительного документа, подлежащего немедленному исполнению, в течение суток с момента получения копии постановления судебного пристава-исполнителя о возбуждении исполнительного производства¹.

Таким образом, я не вижу каких – либо объективных причин, которые не позволяли бы создать самостоятельный вид ответственности в исполнительном производстве, основываясь на специфическом предмете и методе правового регулирования данной отрасли. Санкции за нарушение законодательства об исполнительном производстве предусмотрены уголовным и административным правом в соответствующих кодифицированных законах. Мне в свою очередь, представляется разумным закрепить их в Федеральный Закон «Об исполнительном производстве», непосредственно регламентирующий деятельность по исполнительному производству вместо того, чтобы каждый раз отсылать правоприменительные органы и других заинтересованных субъектов к источникам иных отраслей права. Общеизвестно, что одним из требований к закону является необходимость в простоте его изложения, доступности и ясности. На мой взгляд, закрепление санкций за нарушение законодательства об исполнительном производстве непосредственно в нем же, способствует созданию более эффективного, практичного и удобного в использовании законодательного акта, а статус должника максимально неуютным.

Литература

1. М.Л. Гальперин. О самостоятельной ответственности в исполнительном производстве // Право. Журнал высшей школы экономики. 2015. № 2.

---

¹ Федеральный закон «Об исполнительном производстве» от 2 октября 2007г. № 229-ФЗ (с посл. изм. и доп. от 03 июля 2016г., 10 марта 2016г. №7-П).

2. Данилов Д.Б. Отдельные коллизии при возбуждении и подготовки к судебному разбирательству дел об административном правонарушении за незаконное использование товарного знака в арбитражном суде: теоретические и практические вопросы // Арбитражный и гражданский процесс. 2011. № 12. С. 17-21.

3. Гражданский процесс. Учебник / под ред. М.К. Треушникова. М., 2003. С.196

4. Липинский Д.А. О некоторых проблемах системы юридической ответственности // Право и политика. 2004. № 12 // СПС Консультант Плюс.

5. Федеральный закон «Об исполнительном производстве» от 2 октября 2007г. № 229-ФЗ (с посл. изм. и доп. от 03 июля 2016г., 10 марта 2016г. №7-П).

Невский Игорь Александрович,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры Гражданского процессуального
и трудового права юридического факультета
Южного Федерального Университета

Арест как институт гражданского процессуального права

Отделение процедуры принудительного исполнения юрисдикционных актов, в том числе, выданных на основании постановлений судов, посредством принятия первого постсоветского закона от 21.07.1997 г. «Об исполнительном производстве» № 119-ФЗ, затем ГПК РФ 2002 года, неведомым потоком вынесло исконно процессуальный институт ареста имущества ответчика (затем – должника) за пределы гражданского процессуального законодательства.

В настоящее время легальное определение ареста имущества в рамках гражданского судопроизводства отсутствует. И это не может не удивлять, поскольку это одно из фундаментальных понятий данного вида судопроизводства. Действующие ГПК и АПК оперируют понятием ареста, прежде всего, налагаемого в качестве меры обеспечения заявленных требований. Вызывает интерес квалификация мер обеспечения как ускоренного средства защиты права обратившегося, предложенная ВАС РФ в п. 10 постановления Пленума от 12.10.2006 № 55 «О применении арбитражными судами обеспечительных мер». Такой взгляд на институт мер обеспечения сам собой иллюстрирует его практическую значимость. Кодексы уполномочивают суды при-

нимать меры обеспечения иска в виде наложения ареста, но ни один из них не раскрывает – что это означает. Арест по определению суда настолько вошел в практический обиход современного правоприменителя, что он стал восприниматься чуть не интуитивно в качестве запрета распоряжения имуществом, подвергнутым аресту.

ГПК РСФСР 1923 г. включал в себя статью 275, в соответствии с которой арест налагался посредством совершения акта об описи имущества и объявления должнику запрета распоряжения им. Аналогичная норма перешла в ГПК РСФСР 1964 г. (статья 370).

Отсутствие в современных цивилистических кодексах нормы об аресте воспринимается как недоразумение. С отделением исполнительного производства от судопроизводства по гражданским делам институт ареста не утратил своей правовой природы как института судопроизводственного уже хотя бы ввиду того, что эта мера, принимаемая судом. Арест являет собой важнейшую гарантию обеспечения исполнимости судебных постановлений, непринятие судом меры обеспечения в виде ареста зачастую делает невозможной достижение задач, сформулированных в ст. 2 ГПК РФ либо существенно затрудняет их достижение.

Наличие в ч. 4 ст. 80 Закона от 2.10.2007 г. «Об исполнительном производстве» № 229-ФЗ нормы об аресте имущества должника как запрета распоряжаться имуществом, а при необходимости – ограничения права пользования имуществом или изъятия имущества, ничего в лучшую сторону не меняет. Норма закона об исполнительном производстве регулирует соответствующее исполнительное процессуальное правоотношение. Арест, применяемый судебным приставом-исполнителем, не вполне аналогичен аресту, применяемому судом. Применяемый судебным приставом арест предназначен для регулирования поведения именно субъектов исполнительного производства.

Практике известны многочисленные примеры, когда арест, применяемый судом, исполняется без вмешательства судебного пристава-исполнителя, то есть лежит за пределами принудительного исполнения акта юрисдикционного органа. В частности, п.13 ст. 32 Закона от 13.07.2015 г. «О государственной регистрации недвижимости» № 218-ФЗ предполагает исполнение ареста, наложенного судом, на основании непосредственно судебного акта, поступившего из суда. Закон об исполнительном производстве в данном случае неприменим, поскольку отсутствует принудительное исполнение исполнительного документа. В соответствии с п. 3 и 45 «Правил регистрации автотранспортных средств и прицепов к ним...», утв. Приказом МВД России от

24.11.2008 № 1001 «О порядке регистрации транспортных средств», основанием для отказа в совершении регистрационных действий органами ГИБДД являются, в частности, запреты, наложенные судом. Документы МВД не оперируют понятием «арест» транспортного средства, заменяя его понятием «запрет».

Образовавшийся законодательный вакуум можно было бы заполнить применением ст. 80 закона «Об исполнительном производстве» по аналогии, если бы не позиция Верховного суда РФ, выраженная в п. 94 Постановления Пленума от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации». Суд разъясняет: «По смыслу пункта 2 статьи 174.1 ГК РФ сделка, совершенная в нарушение запрета на распоряжение имуществом должника, наложенного судом или судебным приставом-исполнителем, в том числе в целях возможного обращения взыскания на такое имущество, является действительной». Не будем здесь увлекаться цитированием положений ГК РФ, смысл которых так очевиден Верховному Суду; отметим лишь, что прямого указания толкуемая Судом норма ГК о действительности или недействительности сделки с арестованным имуществом не содержит. Зато ч. 1 ст. 174.1 ГК квалифицирует сделку с имуществом, распоряжение которым находится под законодательным запретом, в качестве ничтожной.

Позиция Верховного Суда вызывает глубокое недоумение: сделка, совершенная с имуществом, подвергнутым аресту на основании судебного акта, влекущего императивный беспрекословный запрет на это, квалифицируется в качестве действительной. Действительность сделки при этом оправдывается возможностью лица, в чьих интересах арест был наложен, реализовать свои права как кредитора, несмотря на факт отчуждения этого имущества должником третьему лицу...

Надо заметить, формулировки обеих частей ст. 174.1 ГК РФ в совокупности не лишены логики. Они регулируют гражданское правоотношение, четко прослеживается параллель с залогом как институтом гражданского права.

Но арест не есть институт гражданского права, это процессуальный институт, смежный для гражданского судопроизводства и исполнительного производства. Арест не является сделкой, в отличие от залога. Ни ст. 80 закона «Об исполнительном производстве», ни какая-либо другая норма процессуального права, не содержит в себе право собственника арестованного имущества (то есть спорного имущества

либо имущества, которое в перспективе будет подвергнуто обращению взыскания) произвести его реализацию третьему лицу с разрешения суда или судебного пристава, как это допущено в отношении залога статьей 346 ГК. Фундаментальное отличие ареста от залога представляется очевидным: арест представляет собой публично-правовой институт; залог – институт сугубо частного права. Поэтому необходимо согласиться с тем, что запрет реализации имущества, влекомый арестом такового, должен носить абсолютный характер. Сделка на предмет отчуждения арестованного имущества должна быть безусловно квалифицирована как ничтожная. Повторимся, ст. 174.1 ГК не против этого, поскольку содержит в себе 2 части: первая часть посвящена утверждению о ничтожности сделки с имуществом, когда это запрещено законом; вторая часть охраняет права лица, в интересах которого был учинен запрет.

До того как ВС РФ вышеозначенным способом выявил «смысл» ч. 2 ст. 174.1 ГК, на самом деле попросту расширив содержание данной нормы права, еще и ошибочно, существовала вполне устойчивая и внятная судебная практика, согласно которой ничтожность сделки с арестованным имуществом сомнений не вызывала¹.

Сложившаяся путаница между процессуальными законами (ГПК, АПК, закон «Об исполнительном производстве»), материальным законом (ГК) и пониманием смысла нормы материального закона со стороны Верховного суда РФ является именно следствием отсутствия легального понятия ареста. Назрела насущная необходимость вспомнить о процессуально-правовой природе ареста имущества. Это институт гражданского процессуального права, с ярко выраженным публичным окрасом, и его дефиниция с необходимостью должна содержаться в законодательстве о гражданском судопроизводстве – прежде всего в ГПК РФ. Применение по аналогии нормы закона «Об исполнительном производстве» явно не достаточно.

По мнению автора, дефиницию ареста имущества, в том числе денежных средств должника, необходимо определять через полный, безальтернативный, тотальный запрет на распоряжение имуществом, являющимся объектом ареста, влекущий ничтожность сделки с этим имуществом в случае ее совершения. Безусловность такого подхода диктуема императивной риторикой ст. 13 ГПК и ст. 16 АПК РФ, которые никаких исключений из принципа обязательности постановлений судов не делают.

---

¹ Определение ВАС РФ от 9 ноября 2011 г. № ВАС-11330/11; Определение ВАС РФ от 24 сентября 2012 г. № ВАС-11914/12

Неижкаша Иван Сергеевич,
аспирант кафедры гражданского права
юридического факультета
Кубанского государственного университета

Гражданско-правовая наука о закономерностях деления сделок на ничтожные и оспоримые

Вопрос о понимании природы оспоримых и ничтожных сделок носит неоднозначный и противоречивый характер, что во многом связано с многообразием мнений по этому поводу среди представителей цивилистической доктрины. Хотя разделение недействительных сделок на оспоримые и ничтожные появилось на законодательном уровне только в действующем Гражданском Кодексе РФ 1994 года, теории, обосновывающие необходимость выделения этих двух подвидов недействительных сделок в российской цивилистике, имели место начиная с середины XIX века.

Этот полуторавековой путь, который привел к тому понятийному аппарату, который мы имеем в современном законодательстве, был весьма тернист, учитывая значительное многообразие понятий и характеристик недействительности сделок, выработанное русскими учеными, многие из которых так и остались не восприняты отечественным законодателем и судебной практикой. Но, тем не менее, все идеи так или иначе привели институт недействительности сделок к тому состоянию и этапу развития, на котором данный институт сейчас находится.

Понятие недействительные сделки представляет собой лишь один из возможных путей несовершенства таких юридических актов как сделки, тогда как имеются и другие формы существования сделок с погрешностями или деформациями в правовой реальности.

Так, одним из первых исследователей, предложивших свою систему классификации недействительных сделок, был Д.И. Мейер. Будучи одним из первопроходцев в теории недействительных сделок Д.И. Мейер определил три возможных вида недействительной сделки.

Во-первых, Дмитрий Иванович подчеркивал, что существуют сделки недействительные с начала их существования или, иначе говоря, ничтожная сделка, при которой факт ее заключения не порождает никаких последствий [1], т. е., если мы говорим о правовой реальности, то в ней ничтожная сделка не появляется вовсе. На практике же необходимо учитывать, что в большинстве ситуаций участники граж-

данского оборота должны относиться индифферентно к совершению такого рода сделок, но в тех случаях, когда последствия заключения ничтожной сделки уже наступили, лицу, чьи права ее действием были нарушены, следует обратиться в суд для получения судебного акта, имеющего правоподтверждающее значение относительно ничтожности сделки.

Во-вторых, сделка, которая изначально действительна, но в силу наступления определенного обстоятельства становится недействительной. Ее основное отличие от ничтожных сделок заключается в том, что под обстоятельствами, делающими сделку впоследствии недействительными, Д.И. Мейер подразумевает фактические изменения каких-либо внешних факторов, являющихся существенными для конкретной сделки, но при этом по своей природе не противоречащих предписаниям закона и носящих правомерный характер. И в такой ситуации важно понимать, что сделка и ее последствия будут действовать ровно до того момента, пока не наступит известное обстоятельство, приведшее к недействительности сделки.

Если же наступившие обстоятельства превращают сделку в ничтожную, то в этом случае к ней применяются правила, предназначенные для сделок недействительных с начала их существования. Опуская момент необходимости судебного вмешательства в сделку, ставшую недействительной впоследствии, Д.И. Мейер по нашему мнению подразумевает, как и в случае с ничтожными сделками, что эта постнедействительность наступает независимо от принятия судебного решения, где наличие обстоятельства несовместимого с существованием сделки само по себе констатирует недействительность совершенной сделки.

И, наконец, в-третьих, сделка, становящаяся недействительной только вследствие вынесения соответствующего судебного решения. В этом случае заключенная между сторонами сделка существует и фактически, и в правовой реальности до момента оспаривания ее заинтересованным лицом.

Соответственно, для лиц, на которых не распространяются последствия ее совершения, она безразлична, поэтому в случае отсутствия волеизъявления на ее устранение у заинтересованных лиц посредством судебного обращения она может сохранить свою действительность, будучи не оспоренной в течение срока исковой давности. Так, стоит отметить тот факт, что для данного вида сделок принятый по ней судебный акт будет иметь правоустанавливающее значение

относительно ее недействительности, а не правоподтверждающее как при ничтожной сделке.

Классификации недействительных сделок, закрепленной в действующем Гражданском Кодексе, соответствуют идеи Ю.С. Гамбарова, который еще в начале XX века говорил о том, что «...типичными и чаще всего встречающимися формами недействительности сделок служат ничтожность и оспоримость, первая – в смысле абсолютного, вторая – относительного отрицания их юридических последствий» [2, с. 712]. Но при этом Ю.С. Гамбаров не исключал того факта, что существуют и промежуточные формы недействительности, имеющие место «между полной недействительностью и полной силой сделки...» [3, с. 712], которые являются более частными проявлениями недействительности сделок.

Интересно мнение Ю.С. Гамбарова относительно разграничения оспоримых и ничтожных сделок. Если ничтожные сделки являются таковыми сами по себе и не зависят от каких-либо внешних факторов, то сделки оспоримые представляют собой Двуликого Януса: с одной стороны они являются условно-действительными, а с другой – условно-ничтожными одновременно и данное юридическое состояние сохраняется до момента выбора одного из них со стороны суда.

Г.Ф. Шершеневич выступал за выделение категории несостоявшихся сделок отдельно от недействительных сделок, связывая это с отсутствием пороков в заключаемой сделке, которая именуется несостоявшейся только в случае не достижения сторонами полного соглашения по всем его существенным условиям [4, с. 127]. Занимаясь изучением форм недействительности сделки, Г.Ф. Шершеневич, как и его современники среди представителей цивилистической науки, пришел к выводу о целесообразности обозначения двух форм недействительности, под которыми он понимал ничтожность и опровержимость.

Качество ничтожности определяет не наступление юридических последствий по совершенной сделке и не существование такой сделки в правовой реальности вовсе, тогда как опровержимость делает сделку действительной до момента изменения ее состояния вследствие подачи иска заинтересованным лицом [5, с. 128].

Теперь, рассмотрев мнения цивилистов, сформировавшихся в конце XIX в. – первой половине XX в., уделим внимание современным ученым, начиная со второй половины XX века до настоящего времени.

Развернутую классификацию недействительных сделок дает Д.В. Дождев. Его система взглядов по данному вопросу состоит из четырех компонентов, причем они самостоятельны сами по себе и не являются составляющими недействительных сделок. Идея деления сделок базируется на отсутствии «...необходимых реквизитов в конструкции сделки...», лишающих ее силы или налагающих «ограничение эффекта сделки» [6, с. 126]. Таким образом, вышеуказанные компоненты могут квалифицироваться четырьмя категориями:

- «- ничтожность сделки – сделка признается несуществующей;
- недействительность – сделка не производит ожидаемого эффекта, и требование кредитора лишено исковой защиты, однако исполнение по такой сделке не считается исполнением недействительной; при восполнении отсутствующих реквизитов в дальнейшем такая сделка может получить силу;
- обратимость – сделка действительна, но по требованию одной из сторон ее эффект может быть отменен;
- оспоримость – эффект, производимый сделкой, может быть блокирован решением суда по заявлению одной из сторон» [7, с. 126].

Как можно увидеть, данная система учитывает три критерия деления всех лишенных или ограниченных в силе сделок. Во-первых, субъектный состав, так как сделка может быть лишена силы как сама по себе, так и по заявлению одной из ее сторон. Во-вторых, ограничение эффекта сделки может варьироваться в разных объемах: от несуществующей совсем до исключения какой-либо одной из нескольких ее частей. И, наконец, третьим критерием выступает временной фактор, суть которого заключается в том, что лишение сделки силы может наступить как с момента заключения сделки, так и в любой другой момент времени, зависящий от наступления определенных обстоятельств.

Среди цивилистов, выступающих за переименование законодательно закрепленной классификации недействительных сделок, можно выделить О.В. Гутникова. Им в рамках исследования института недействительных сделок был выдвинут тезис о том, что основным признаком, по которому недействительную сделку можно отнести к оспоримым или ничтожным, является нарушение юридически значимой для действительности сделки воли государства или определенного лица. Если же это лицо определенное, то сделка будет оспорима, или, как предлагает О.В. Гутников, «относительно недействительная», а в случае с нарушением воли государства – ничтожна или «абсолютно недействительная» [8, с. 545]. Следовательно, за исключени-

ем характера основания недействительности все остальные признаки разделения оспоримых и ничтожных сделок являются производными от него и второстепенными.

Таким образом, разделение всех сделок на оспоримые и ничтожные со второй половины XIX века постепенно формировалось, достигнув своей кульминации в конце XX столетия. Изначально обозначаемые как те или иные степени недействительности разными цивилистами со временем понятие оспоримые и ничтожные сделки становятся неотъемлемой частью исследования недействительности сделок многих цивилистов. Несмотря на тот факт, что количество видов недействительных сделок и основания их выделения в ту или иную группу у разных цивилистов отличаются, сами качества оспоримости и ничтожности применительно к определенному разряду сделок всегда присутствовали и выделялись всеми исследователями данной проблематики. В течение XX века предпринималось множество попыток создать наиболее удобную и универсальную систему деления недействительных сделок от классической дуалистической модели до многоуровневых классификаций. Но законодатель долгое время оставался невосприимчив к предложениям доктрины по рассматриваемому вопросу.

В связи с этим, в настоящее время наиболее актуальной будет система деления недействительных сделок на следующие группы: действительные, несостоявшиеся, оспоримые и ничтожные сделки.

Первая группа обозначает те сделки, которые не имеют каких-либо пороков воли или формы, но могут быть признаны недействительными при наличии условий, нарушающих обычаи гражданского оборота или принципы свободы договора по заявлению одной из сторон сделки.

Вторая группа подразумевает наличие условий, при наступлении или не наступлении которых сделка становится автоматически недействительной, заявление о признании которой может подать опять же только сторона сделки.

Третья группа сделок обладают какими-либо дефектами, которые могут быть устранены по воле сторон и она продолжит свое действие или же стороны при выявлении такого недостатка путем заявления могут прекратить ее действие.

И, наконец, четвертая группа, куда вошли ничтожные сделки, представляет собой наивысшую форму деформации сделки, при которой она не может существовать в правовой реальности. Если в первых 3-х группах сделка нарушает лишь частные интересы и заявление о ее

признании недействительной в судебном порядке может подать лишь сторона сделки или третье лицо, на которое распространяется негативное действие существования такой сделки, то ничтожные сделки нарушают публичные интересы, тем самым давая право абсолютно любому лицу заявить о ничтожности такой сделки.

И здесь стоит отметить тот факт, что необходимость судебного признания недействительности сделки является обязательной, так как существующая на законодательном уровне идеология, заключающаяся в отсутствии необходимости судебного акта о признании сделки ничтожной утопична и рассчитана на общество, исповедующее и практикующее добросовестный гражданский оборот, тогда как на самом деле практика сталкивается с различными нарушителями и недобросовестными лицами.

Следовательно, судебный акт о недействительности сделки необходим во всех четырех группах с тем лишь отличием, что в случае ничтожной сделки он будет иметь правоподтверждающее значение и стороны имеют право не исполнять ее с момента заключения как несуществующую в правовой реальности, а в остальных группах – правоустанавливающее значение, прекращающее действие сделки с момента ее судебного признания таковой.

Литература

1. Мейер Д. И. Русское гражданское право (в 2 ч.). По исправленному и дополненному 8-му изд., 1902. Изд. 3-е, испр. М., 2003. – 831 с. / Электронная библиотека «Классика российского права» / http://civil.consultant.ru/elib/books/45/page_26.html#34 (Дата обращения 28.02.2018).
2. Гамбаров Ю.С. Курс гражданского права. Том I. Часть общая. СПб., 1911. – 781 с.
3. Гамбаров Ю.С. Курс гражданского права. Том I. Часть общая. СПб., 1911. -781 с.
4. Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права – М., 1995. – 556 с.
5. Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права – М., 1995. – 556 с.
6. Дождев Д.В. Римское частное право. Учебник для вузов. Под редакцией члена-корр. РАН, профессора В.С. Нерсисянца. – М., 1996. – 704 с.
7. Гутников О.В. Недействительные сделки в гражданском праве. Теория и практика оспаривания. М., 2003. – 576 с.

Николаева Юлия Евгеньевна,
аспирант кафедры гражданского права
юридического факультета
Южного Федерального университета,
г. Ростов-на-Дону, Россия

Правовая природа согласия на совершение сделки: проблемы теории, законодательства и судебной практики

Гражданское законодательство содержит большой объем норм о необходимости получения согласия третьего лица на совершение сделки. Наиболее значимыми среди них являются нормы о согласии законных представителей на совершение сделок несовершеннолетними в возрасте от 14 до 18 лет (ст. 26 ГК РФ), арбитражного управляющего на совершение сделок в процессе банкротства (ст. 64, 101 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» [1]), нормы об одобрении крупных сделок и сделок с заинтересованностью, совершаемых хозяйственными обществами (ст. 45,46 ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» [2]) и др.

Таким образом, можно отметить, что согласие третьего лица на совершение сделки является гражданско-правовым институтом, который, в целом, известен российскому гражданскому законодательству.

Согласно ФЗ от 07.05.2013 г. № 100 –ФЗ «О внесении изменений в подразделы 4 и 5 раздела I части первой и статью 1153 Гражданского кодекса Российской Федерации» [3], нормы которого вступили в силу с 01.09.2013 г., ГК РФ был дополнен ст. 157.1, содержащей общие положения, касающиеся согласий на совершение сделки, и ст. 173.1, устанавливающей правовые последствия отсутствия согласия на совершение сделки в виде ее недействительности.

Включение в ГК РФ универсальных правил относительно согласий на совершение сделки при сохранении многочисленных специальных норм актуализировало исследование ряда вопросов, связанных с согласием определенных лиц, не участвующих в сделке, на ее совершение. Одним из них является определение правовой природы такого согласия. Решение данной проблемы имеет важное значение, поскольку обуславливает выбор способов защиты права при нарушении норм о получении согласия, а также правовые последствия отсутствия необходимого в силу закона согласия на совершение сделки.

В научной литературе можно выделить три основные точки зрения на правовую природу согласия.

В соответствии с первой из них согласие можно рассматривать как конститутивный элемент состава одобряемой сделки, а не самостоятельный юридический акт. Сторонники данной точки зрения, имеющиеся как в отечественной, так и в зарубежной цивилистике, рассматривают согласие в рамках теории воли как элемент единого волевого акта (действия), направленного на возникновение прав и обязанностей у субъектов одобряемой сделки.

Следуя указанной точке зрения о согласии как несамостоятельном акте, можно заключить, что с выдачей согласия связано возникновение, изменение либо прекращение гражданских правоотношений, однако правовые последствия не возникают непосредственно после предоставления согласия, а возникают в связи с наличием нескольких волеизъявлений – одобряющего и сторон сделки. Таким образом, можно говорить о том, что в сделках, требующих получения согласия, существует особый юридический состав, конститутивным элементом которого является согласие одобряющего.

Как отмечает Л.А. Чеговадзе, «согласие – то определенное правовое состояние, означающее совпадение воли совершающего сделку лица и лица, ее одобряющего. Статическое понятие согласия характеризуется единством воли юридически связанных лиц. Динамически согласие характеризуется порядком совершения, что выражается в последовательном накоплении системы фактических обстоятельств, приобретающих определенное правовое значение» [9, с.20].

Следует обратить внимание на то, что в теории гражданского права юридический состав понимается как совокупность юридических фактов, каждый из которых в иных случаях мог бы выступать в качестве самостоятельного юридического факта. Юридические последствия возникают вследствие эффекта юридического состава, который появляется по наступлении завершающего юридический состав обстоятельства и представляет скачкообразный переход юридического состава из незавершенного состояния в завершенное [8, с. 16, 23].

Следовательно, юридический состав предполагает, что каждый элемент в нем важен для наступления правового эффекта, отсутствие любого из них приводит к отсутствию искомого правового результата. В качестве примера можно привести возникновение права собственности на объект недвижимости. Для перехода права собственности от отчуждателя к приобретателю необходимо не только заключение соответствующего гражданско-правового договора (сделки), но и государственная регистрация перехода права собственности (ст. 8.1

ГК РФ). Без государственной регистрации право собственности не будет считаться возникшим.

В то же время, анализ правовых норм, касающихся согласий, и практики их применения показывает, что общим последствием отсутствия согласия выступает оспоримость сделки. И если лицо, уполномоченное давать согласие, не обратится в суд за защитой своих прав и законных интересов, то сделка останется действительной и в отсутствие согласия.

Другие авторы определяют согласие как «некое сделкоподобное действие», которое служит основанием для возникновения, прекращения или изменения прав и обязанностей у других лиц» [5, с.65]. Как представляется, нельзя согласиться с данным мнением, поскольку наличие только лишь согласия не может породить соответствующего правоотношения и стать основанием для возникновения, прекращения или изменения прав и обязанностей других лиц. В качестве такого основания выступает, безусловно, сама сделка, заключаемая сторонами, а не согласие третьего лица, данное на ее совершение.

Далее, в научной литературе была высказана точка зрения о том, что согласие третьего лица по своей правовой природе представляет собой одностороннюю сделку, внешнее условие действительности сделки, заключаемой сторонами [6, с. 21].

В правомерности такого суждения убеждает и анализ Постановления Пленума ВС РФ № 25 [4]. В частности, п. 50 Постановления Пленума ВС РФ № 25 прямо указывает, что «по смыслу статьи 153 ГК РФ при решении вопроса о правовой квалификации действий участника (участников) гражданского оборота в качестве сделки для целей применения правил о недействительности сделок следует учитывать, что сделкой является волеизъявление, направленное на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей (например, гражданско-правовой договор, выдача доверенности, признание долга, заявление о зачете, односторонний отказ об исполнении обязательства, согласие физического или юридического лица на совершение сделки)».

По нашему мнению, для обоснования правовой природы согласия в качестве внешнего условия действительности сделки следует проанализировать, в первую очередь, правовые последствия отсутствия согласия на совершение сделки.

Можно выделить следующие виды правовых последствий:

1) Сделка будет являться оспоримой (общее последствие, если не установлено иное)

В соответствии со ст. 173.1 ГК РФ сделка, совершенная без согласия третьего лица, органа юридического лица, органа государственной власти либо органа местного самоуправления, необходимость получения которого установлена законом, является оспоримой, если из закона не следует, что она ничтожна либо не влечет правовых последствий для лица, управомоченного давать согласие.

2) Сделка будет являться ничтожной (в случаях, прямо установленных в законе)

Согласно п.2 ст. 391 ГК РФ перевод долга на другое лицо может быть совершен только с согласия кредитора и при отсутствии такого согласия договор между первоначальным и новым должником является ничтожным.

3) Сделка не повлечет правовых последствий для лица, управомоченного давать согласие

Положения ст. 183 ГК РФ устанавливают указанные последствия в случае совершения сделок лицом, не имевшим соответствующих полномочий либо превысившим их. Сделка, совершенная лицом без полномочий, повлечет правовые последствия для лица, от имени которого она совершалась только в том случае, если последний ее одобрит.

4) Сделка повлечет иные последствия отсутствия согласия, установленные законом, чем ее недействительность.

На сегодняшний момент таких примеров в законодательстве нет. В то же время полагаем, что возможно установление иных последствий отсутствия согласия третьего лица на совершение сделки в силу положений ст. 307.1 ГК РФ. В соответствии с указанной нормой возможно применение общих положений об обязательствах к отношениям, связанным с недействительностью сделки (п. 3 ст. 307.1 ГК РФ). По нашему мнению, это говорит о потенциальной возможности заключения соглашений, предусматривающих иные последствия недействительности сделок, совершенных в отсутствие согласия, чем их недействительность.

Следует согласиться с высказанным в научной литературе мнением, что «невозможно установить априори, к какой разновидности недействительных сделок должны относиться сделки без согласия. По общему правилу разработчики исходили из того, что указанная сделка является оспоримой, поскольку согласие иного лица или органа устанавливается в интересах стороны сделки (согласие совета директоров на совершение крупной сделки и др.) Напротив, если согласие на сделку установлено в интересах третьего лица (например, согласие

кредитора на перевод долга), данная сделка должна считаться ничтожной. Нельзя требовать от третьего лица, чтобы оно в каждом случае оспаривало любую сделку, нарушающую его интересы» [7].

Поскольку правовые последствия отсутствия согласия, в основном, не ведут к недействительности сделки, то представляется обоснованным вывод о том, что согласие является внешним условием действительности совершаемой сделки.

Таким образом, подводя итоги изучения позиций, существующих в научной литературе относительно правовой природы согласия, полагаем, что наиболее обоснованной с точки зрения теории, законодательства и судебной практики представляется понимание согласия как односторонней сделки, внешнего условия действительности другой сделки.

Литература

1. О несостоятельности (банкротстве): Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 07.03.2018)// Собрание законодательства РФ.2002. №43. Ст. 4190.

2. Об обществах с ограниченной ответственностью: Федеральный закон от 08.02.1998 г. № 14-ФЗ (ред. от 28.12.2016) //СЗ РФ. 1998. № 7. Ст. 785.

3. О внесении изменений в подразделы 4 и 5 раздела I части первой и статью 1153 Гражданского кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 07.05.2013 г. № 100–ФЗ//Собрание законодательства РФ. 2013. № 19. Ст. 2327.

4. Постановление Пленума Верховного Суда № 25 от 23.06.2015 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»// Российская газета. № 140. 30.06.2015 (Бюллетень Верховного Суда РФ. № 8 август 2015)

5. Андреев В.К. Решения собраний// Цивилист. – 2013. – № 3. – С.63-72.

6. Брезгулевская Л.К. О правовой природе согласия на совершение сделки// Юрист. – 2014. – № 22. – С. 19-23.

7. Зобова Е.П. Изменения в ГК РФ: недействительность сделок// Упрощенная система налогообложения: бухгалтерский учет и налогообложение. – 2013. – № 8. СПС «КонсультантПлюс»

8. Рожкова М.А. Юридические факты гражданского и процессуального права: соглашения о защите прав и процессуальные соглашения. М.: Статут, 2009 – 322 с.

9. Чеговадзе Л.А. О состоянии согласия при совершении сделок//Юрист. – 2015. – № 18. – С. 17-22.

Николайченко Ольга Викторовна,
доцент кафедры гражданского процесса
Саратовской государственной
юридической академии, доцент

К вопросу об обязанностях суда в условиях расширения примирительных процедур

Общие тенденции развития процессуального законодательства, определенные еще в постановлении IX Всероссийского съезда судей от 8 декабря 2016 г. № 1 «Об основных итогах функционирования судебной системы Российской Федерации и приоритетных направлениях ее развития на современном этапе», свидетельствуют о необходимости дальнейшего расширения примирительных процедур и их внедрении в процессуальную ткань. Такие тенденции продиктованы, в первую очередь, увеличением количества рассматриваемых гражданских дел российскими судами¹. В этой связи, учитывая социальное назначение правосудия, привлечение медиатора для разрешения спора более целесообразно, по сравнению с судебным разбирательством², поскольку стороны обсуждают не противоречие позиций, а согласовывают свои интересы посредством достижения компромисса, взаимовыгодного и удобного, в том числе и суда. Так, расширение механизмов урегулирования спора, альтернативных судебному разбирательству, способствует оптимизации судебной нагрузки, и как следствие, повышению качества правосудия по тем социально-значимым категориям дел, в которых участие суда необходимо и обусловлено сущностью правосудия.

Ряд современных процессуальных кодексов, предусматривая возможность судебной медиации, содержат ряд отсылочных норм и статей, обязывающих суд предложить сторонам использовать процедуру медиации, а последним реализовать право на ее проведение. Однако, законодатель не избежал неудачных формулировок, позволяющих расценить проведение процедуры медиации именно как право стороны, а не обязанность, возникшую в связи с заключением согла-

---

¹ Согласно официальным данным, опубликованным на сайте Верховного Суда РФ, ежегодный рост гражданских дел равняется коэффициенту 0,8 по сравнению с предыдущим периодом //

² На привлекательность медиации указывалось в пояснительной записке к законопроекту, который был преобразован в ФЗ «Об альтернативной процедуре регулирования споров в участии посредника (процедуре медиации)».

шения о применении процедуры медиации. Так, в ч. 1 ст. 4 ФЗ «О процедуре медиации» прописано, что «если стороны заключили соглашение о применении процедуры медиации и в течение оговоренного для ее проведения срока обязались не обращаться в суд или третейский суд для разрешения спора, который возник или может возникнуть между сторонами, суд или третейский суд признает силу этого обязательства...». Следовательно, разрешая вопрос о возбуждении гражданского дела, суд, непосредственно изучающий документы и обстоятельства, служащие основанием для возбуждения производства по делу, должен возвращать исковое заявление за несоблюдение предусмотренного договором сторон досудебного порядка урегулирования спора, опираясь на нормативные положения п. 1 ч. 1 ст. 135 ГПК РФ. Гипотеза упомянутой нормы сформулирована таким образом, что позволяет судье вернуть исковое заявление даже в том случае, если стороны сами приняли на себя обязательство и закрепили его договором урегулировать спор без обращения в суд, даже если такое обязательство не является императивным в силу закона. Как следует из тенденций правоприменительной практики¹, соблюдение досудебных процедур, даже закрепленных договором, а также оговорки в договоре, что разногласия либо претензии должны быть урегулированы путем взаимных консультаций не является обязательным условием для подачи заявления в суд, иное противоречит ст. 46 Конституции РФ и смыслу ст. 3 ГПК РФ.

Анализ ст. ст. 150, 172 ГПК РФ, главы 15 АПК РФ и практики их применения позволяет утверждать, что термин «процедура медиации» существует восьмой год, но об ее эффективности говорить рано. Как отмечает, С.К. Загайнова, что для формирования практической медиации в качестве реальной альтернативы судебному рассмотрению споров необходимо решить целый ряд достаточно сложных задач, главными из которых являются формирование в стране корпуса профессиональных медиаторов и разработка процессуальных механизмов взаимодействия медиации с судопроизводством². Оставляя в стороне первую составляющую относительно корпуса профессиональных медиаторов, которая носит организационный характер, обратимся к анализу взаимодействия суда со сторонами для их возможно-

---

¹ Решение № 2-4560/2016 2-4560/2016~М-4734/2016 М-4734/2016 от 19 сентября 2016 г. по делу № 2-4560/2016 // sudact.ru/regular/doc/XqFH6DnPSm6w. Дата обращения: 18.11.2017.

² Загайнова С.К. Современные проблемы и перспективы развития практической медиации в России // Развитие медиации в России: теория, практика, образование. М.: Инфотропик Медиа; Берлин, 2012. С. 17.

го примирения в рамках возбужденного гражданского дела. Так, в процессуальных кодексах регламентированной процедуры примирения в рамках уже возникшего процесса не прописано. Это обусловлено тем, что суд непосредственно в процедуре медиации не участвует, даже тогда, когда она проводится в ходе гражданского судопроизводства.

Заключение медиативного соглашения как результата проведения процедуры медиации в рамках гражданского судопроизводства приобретает особое значение, если стороны пришли к нему после передачи спора на рассмотрение суда. Так, «суд общей, но не арбитражной юрисдикции, обнаружив в ходе рассмотрения гражданского дела по существу ранее заключенное соглашение сторон о применении процедуры медиации, не должен руководствоваться положениями ст. 222 ГПК РФ и оставлять исковое заявление без рассмотрения для выполнения условий возникшего обязательства, но обязан вынести решение по заявленному требованию»¹. Следовательно, только на первый взгляд, отношения медиации являются исключительно материальными, а не процессуальными. Справедливое уточнение делает О.В. Исаенкова, указывая, что «...момент вступления в правоотношения по медиативному урегулированию спора в большинстве случаев совпадает со временем гражданского судопроизводства, не говоря уже о совпадении субъектного состава участников правоотношений»². При этом следует учитывать, что если медиативное соглашение будет заключено в рамках возникшего процесса и утверждено судом и эти обстоятельства будут обнаружены и подтверждены в рамках «нового» судебного процесса, то производство по делу должно быть прекращено на основании ст. 220 ГПК РФ. В этом случае результат заключения медиативного соглашения очевиден по своим процессуально-правовым последствиям.

Как следует из разъяснений Верховного суда Российской Федерации, оформленной в виде Справки, в случае поступления в суд письменного заявления об отказе от иска, признании иска или о ми-

---

¹ Афанасьев С.Ф. К вопросу о применении процедуры медиации при рассмотрении спора судом // Альтернативные формы урегулирования гражданско-правовых споров: Материалы Всероссийской научно-практической конференции (17 декабря 2014 г.) // Северо-Кавказский филиал Российского государственного университета правосудия. Краснодар: Издательский Дом - Юг, 2015. С. 9.

² Исаенкова О.В. Принципы и задачи медиации и гражданского судопроизводства: сравнительный анализ // Проблемы юридической науки и правоприменительной деятельности: юбилейный сборник научных трудов, посвященный 20-летию со дня основания юрид. факультета КубГАУ и 90-летию Куб.гос.аграр.ун-та. Краснодар, 2011. С. 91.

ровом соглашении сторон с указанием на то, что лица, обратившиеся с такими заявлениями, знают о последствиях совершения данных процессуальных действий, обязанность, предусмотренная частью второй статьи 173 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, будет считаться судом исполненной даже при отсутствии сторон в судебном заседании, в котором будет решаться вопрос об удовлетворении соответствующего ходатайства¹. В связи с этим по процессуально-правовым последствиям медиативное соглашение приравнено к мировому соглашению. В одном из своих постановлений Пленум ВАС РФ пришел к тождественному выводу, указывая, что медиативное соглашение, даже выходящее за пределы заявленных исковых требований сторон, тем не менее может быть утверждено судом в качестве мирового соглашения².

В процессуальной литературе некоторыми учеными доказывалась необходимость выделения в процессуальном законе автономного основания для прекращения производства по делу в связи с заключением сторонами медиативного соглашения³. Однако, реальная ее потребность выделения в процессуальном законе в научной литературе обоснованно не была поддержана учеными⁴. Так или иначе, заключение мирового или медиативного соглашения приводит к прекращению производства по делу со всеми вытекающими последствиями для сторон (п. 2 ч. 1 ст. 134 ГПК РФ), если оно было заключено в рамках судебного разбирательства.

Учитывая положения ст. 148 ГПК РФ, указывающей на примирение сторон как на одну из задач подготовки дела к судебному разбирательству, суд, выполняя обязанности на этой стадии, должен стать главным инициатором примирения сторон. Это может быть достигнуто путем проведения разъяснительных бесед, преимуществ ме-

---

¹ Справка о практике применения судами Федерального закона от 27 июля 2010 года № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» за период с 2013 по 2014 год», утвержденная Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 01 апреля 2015 года (пп. «в», п. 17) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2015. 6.

² Постановление Пленума ВАС РФ от 18.07.2014 № 50 «О примирении сторон в арбитражном процессе» // Вестник экономического правосудия РФ. 2014. № 9.

³ Калашникова С.И. Медиация в сфере гражданской юрисдикции: автореф. дис. канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2010. С. 8.

⁴ Афанасьев С.Ф. К вопросу о применении процедуры медиации при рассмотрении спора судом // Альтернативные формы урегулирования гражданско-правовых споров: Материалы Всероссийской научно-практической конференции (17 декабря 2014 г.) // Северо-Кавказский филиал Российского государственного университета правосудия. Краснодар: Издательский Дом - Юг, 2015. С. 9.

диации, убеждения сторон в ее привлекательности для последующего исполнения соглашения. Во исполнение нормативных положений ГПК РФ, каждый судья, разрешающий дело в порядке искового производства, информирует граждан об их праве обратиться к медиатору как в ходе беседы в рамках подготовки дела к судебному разбирательству, так и в самом судебном разбирательстве.

Привлечение медиатора не является единственным способом разрешения гражданско-правового спора. Примечательно, что судья, в производстве которого находится дело, должен активно содействовать сторонам в урегулировании спора. Согласно Постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 18 января 2018 г. № 1 «О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием примирительных процедур»¹, возможности примирительных процедур существенно будут расширены за счет включения в процессуальную ткань следующих примирительных процедур: переговоров, сверки документов, посредничества, судебного примирения.

Переговоры предполагается осуществлять на условиях, определяемых сторонами, а в некоторых случаях, например, предусмотренных федеральным законом или договором, переговоры будут обязательны.

Сверка документов – процедура, согласно которой в случае представления лицами, участвующими в деле, в суд письменных доказательств, с которыми одна из сторон по делу не была ознакомлена до предъявления иска в суд или заблаговременно до начала судебного разбирательства, суд может разрешить позволить урегулировать спор, отложив судебное разбирательство на срок не более одного месяца.

Стороны также могут воспользоваться возможностью урегулировать спор путем использования примирительной процедуры с участием судебного примирителя, кандидатура которого будет определяться по взаимному соглашению сторон и утверждаться судебным определением. Список судебных примирителей, предполагается, будет утверждаться Пленумом Верховного Суда РФ на основе предложений российских судов о кандидатурах судебных примирителей. Процедура с участием судебного примирителя может быть реализована на любой стадии производства по делу в соответствии с процессуальным законом и Регламентом проведения судебного примирения,

---

¹ <http://www.vsrf.ru/documents/own/26360/>

который будет утверждаться Верховным Судом РФ. Судебным примирителем может выступать судья в отставке или работник аппарата суда, имеющий высшее юридическое образование и стаж работы в области юриспруденции не менее пяти лет. Возложенные на судебного примирителя обязанности будут осуществляться на основе и с учетом положений законодательства о статусе судей Российской Федерации и о государственной гражданской службе.

Для достижения взаимовыгодного результата примирения судебный примиритель сможет применять в своей деятельности такой прием как переговоры со сторонами, иными лицами, участвующими в деле. Для этого судебный примиритель имеет право изучать представленные сторонами документы, знакомиться с материалами дела с согласия суда и давать сторонам рекомендации в целях урегулирования спора. В тоже время судебный примиритель не будет являться участником судебного разбирательства и не будет иметь право совершать действия, влекущие возникновение, изменение либо прекращение прав или обязанностей лиц, участвующих в деле, и других участников процесса.

Судебный примиритель – это субъект, несколько отличный от медиатора. Судебный примиритель – это участник гражданского судопроизводства, субъект «аффилированный» со стороны судебной системы, к которому предъявляются высокие требования и который позволяет «сохранить доверие к их компетентности, независимости и беспристрастности»¹. Медиатор, в отличие от судебного примирителя, ориентирован на интересы сторон в споре и участником судопроизводства не является.

Так, законодательные предпосылки свидетельствуют о максимальной консолидации усилий суда, в производстве которого находится дело, и сторон, которые получают все более дифференцированные возможности для урегулирования спора, не дожидаясь властного веления судебного акта. Основные примирительные функции принадлежат суду, который должен активно содействовать сторонам в примирении, исполняя обязанности не только по руководству процессом и разрешению спора в суде. В этой связи, преследуя дальнейшее распространение примирительных процедур и их популярность, законо-

---

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 28 мая 2009 г. № 624-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Дубровиной Нелли Владимировны на нарушение ее конституционных прав пунктом 3 статьи 3 и пунктом 6 статьи 15 Закона Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации» // <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/1692230/>

дателю следует идти не по пути видоизменения примирительных процедур, которые достаточны количественно, а в направлении качественного закрепления конкретных процессуальных действий суда, используя прием не юридического дозволения, а позитивного обязательства.

Петров Игорь Валентинович,
доктор экономических наук, профессор,
заведующий кафедрой гражданско-правовых дисциплин
Южного института менеджмента,
профессор кафедры экономической безопасности
Кубанского государственного технологического университета;
Дементеева Ирина Ильинична,
доцент кафедры гражданского права и процесса
КубИСЭП (филиал) Академии труда и социальных отношений

Преддоговорная ответственность по гражданскому законодательству Российской Федерации

Гражданские правоотношения, в подавляющем большинстве случаев возникают путем заключения гражданско-правовых договоров. Вместе с тем, отдельные нарушения договорных отношений возникают не после заключения договора, а еще на стадии преддоговорных отношений. Не случайно законодателем введена ст. 434.1 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) [1], которая достаточно подробно регламентирует отношения по ведению переговоров о заключении договора, включая вопросы преддоговорной ответственности. Исследование новых положений законодательства, касающихся преддоговорных отношений и преддоговорной ответственности в настоящее время представляются актуальными.

Если основываться на традиционном понятии гражданско-правовой ответственности, то преддоговорная ответственность представляет собой ответственность, которая устанавливает последствия ненадлежащего (неправомерного) поведения, нарушающего интересы других лиц на преддоговорной стадии, когда договор еще не заключен, но отношения, направленные на его заключение уже возникли. Данная ответственность направлена на восстановление прав потерпевшей стороны (возместить убытки, заключить договор), т. е. на дальнейшее развитие правоотношений либо восстановление положе-

ния потерпевшего, существовавшего в тот момент, когда договор еще не заключен, но преддоговорные отношения уже возникли.

Правовая природа преддоговорной ответственности законом, по сути не определена. Как известно, гражданско-правовую ответственность принято делить на договорную и деликтную. Первая возникает при наличии между сторонами соглашения, а вторая – вследствие причинения вреда. По своей юридической природе преддоговорная ответственность очень близка к внедоговорной ответственности, т.к. ее цель заключается в восстановлении прав потерпевшей стороны от нарушения. От данного вида ответственности она отличается по субъектному составу, поскольку возникает между участниками, которые уже вступили в преддоговорные отношения. Можно сказать, что преддоговорная ответственность занимает промежуточное положение, ее следует считать квазиделиктной либо квазидоговорной.

Общая характеристика нарушений на преддоговорной стадии достаточна разнообразна. Нарушение может проявиться в отказе от заключения договора в тех случаях, когда его заключение является обязательным, например, отказ от заключения основного договора при наличии предварительного. Как известно, заключая предварительный договор, участники обязуются в будущем заключить договор о передаче имущества, выполнении работ или оказании услуг на условиях, которые установлены в предварительном договоре. Используя подобную договорную конструкцию, контрагенты преследуют лишь одну цель: обезопасить себя на тот случай, когда основной договор заключен быть не может.

Заметим, что названное нарушение специально урегулировано в ст. 445 ГК РФ. Потерпевшая сторона в этой ситуации может обратиться в суд с требованием о понуждении заключить договор. При этом уклоняющаяся от заключения договора сторона обязана возместить контрагенту причиненные убытки (п. 4 ст. 445 ГК РФ).

Близок по своей природе к предварительному и рамочный договор. Такой договор определяет общие условия взаимоотношений сторон, которые конкретизируются и уточняются ими путем заключения отдельных договоров, подачи заявок или иными способами. Нормы о рамочном договоре предполагают его действительность независимо от того, будут ли в будущем заключены договоры во имя конкретизации отдельных его положений или нет (п. 2 ст. 429.1 ГК РФ) [2, с. 135].

В отечественной доктрине к преддоговорной относят и ответственность в случае признания договора недействительным. Так, А.Н.

Кучер, в качестве примера называет ответственность в случае признания сделки недействительной, которая совершена под влиянием заблуждения (ст. 178 ГК РФ, в действующей редакции под влиянием существенного заблуждения) и обмана (ст. 179 ГК РФ). Автор предлагает следующие основания для возникновения преддоговорной ответственности:

- недействительность договора в случае заблуждения одной из сторон;
- недействительность договора в результате обмана;
- нарушение *promissory estoppel* [3, с. 15].

Подобная позиция является своеобразной данью немецким цивилистам. В соответствии с положениями законодательством Германии ответственность в случаях недобросовестного ведения переговоров о заключении договора носит договорный характер. В § 311(2) ГГУ сказано, что вспомогательные договорные отношения в смысле § 241(2) могут возникать даже до того, как договор заключен. Регламентированы несколько ситуаций, включая вступление в переговоры. Эти действия включают в себя начало ведения переговоров и завершаются окончательным заключением договора. Таким образом, стороны связаны взаимными обязанностями заботливого отношения к правам, имуществу и интересам контрагента (§ 241(2)). Неисполнение этих обязанностей признается нарушением договора. В этом случае применяются общие правила § 280. Потерпевшая сторона вправе требовать простое возмещение причиненного ущерба (§ 280(1)), либо претендовать на возмещение, которое заменяет исполнение договора (§ 282), либо на компенсацию понесенных ею издержек (§ 284) [4, с. 49].

Для наступления исследуемого вида ответственности требуется определить с какого именно момента возникли преддоговорные отношения. Если заключение договора является обязательным для одной из сторон, то обязательство возникнет в момент, когда такой стороне направлена оферта. Если же стороны свободны в заключение договора, то обязательство по ведению переговоров возникнет при направлении акцепта на иных условиях.

В судебной правоприменительной практике достаточно часто выносят решения о несогласованности существенных договорных условий, сформулированной в оферте. Здесь нельзя не сказать о том, что изначально в Проекте Федерального закона «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса РФ, а также в отдельные законодательные акты РФ», предлагалось в ст. 446.1 ГК РФ регламентировать правило о том, что при рас-

смотрении спора о признании договора незаключенным суд может по заявлению одной из сторон признать договор заключенным и по собственному усмотрению определить существенное условие. Подобная новелла могла положительно повлиять на эффективность оферты, как на механизме, который позволил бы участникам защищать свои интересы и права, нарушенные на преддоговорной стадии заключения договора. Тем не менее эти нововведения не нашли отражение в законе. Поэтому вопрос о необходимости согласовывать все существенные условия предполагаемого договора в оферте остался не решенным.

Обратимся к новеллам статьи 434.1 «Переговоры о заключении договора». В ней сказано, что граждане и юридические лица свободны в ведении переговоров о заключении соглашения и не несут ответственности за то, что договор не достигнут, если иное не установлено законом либо договором. Таким образом, в п. 1 ст.434.1 ГК РФ установлена свобода сторон в ведении переговоров, самостоятельное несение каждой из сторон расходов на ведение переговоров, а также освобождение от какой-либо ответственности в случае, если переговоры так и не завершатся заключением договора.

Однако, правила названной статьи регламентируют негативные последствия вступления в переговоры без цели заключить договор. До введения ст. 434.1 ГК РФ участники гражданских правоотношений фактически были свободны в порядке ведения переговоров, они могли проводить их по собственному желанию без риска наступления негативных последствий. По действующему гражданскому законодательству подобная свобода ведения переговоров несколько ограничивается. При этом условие о преддоговорной ответственности нельзя считать изъятием из принципа свободы договора, поскольку это условие возникает исключительно по воле участника и направлено на защиту лиц, которые, исходя из поведения контрагента, полагали, что заключение договора должно быть неизбежным результатом преддоговорных отношений.

Положения п. 2 ст. 434.1 устанавливают обязанность сторонам действовать добросовестно на стадии ведения таких переговоров. Законодателем определен примерный перечень недобросовестного поведения участников:

- 1) предоставление стороне неполной или недостоверной информации, в том числе умолчание об обстоятельствах, которые в силу характера договора должны быть доведены до сведения другой стороны;
- 2) внезапное и неоправданное прекращение переговоров о заключении договора при таких обстоятельствах, при которых другая

сторона переговоров не могла разумно этого ожидать представляемого (или при отсутствии ответа от него в разумный срок), контрагент вправе потребовать от неуправомоченного лица, совершившего сделку, ее исполнения или отказаться от нее, потребовав от такого лица возмещения убытков.

Закреплена обязанность не раскрывать полученную в ходе переговоров о заключении договора информацию, которая передается другой стороной в качестве конфиденциальной, и обязанность не использовать такую информацию ненадлежащим образом для своих целей (п. 4 ст. 434.1 ГК РФ). В случае нарушения данной обязанности нарушитель обязан возместить контрагенту убытки, причиненные в результате раскрытия конфиденциальной информации или использования ее для своих целей.

Если договор был все-таки заключен, к ответственности за предоставление ложной информации подлежат применению положения статьи 431.2 ГК РФ о недостоверных заверениях. Согласно п. 4 ст. 431.2 ГК РФ лица, осуществляющие предпринимательскую деятельность, или стороны корпоративного договора либ договора об отчуждении акций или доли несут строгую, не зависящую от вины ответственность за предоставление ложных заверений (в том числе предоставленных на стадии до заключения договора).

Правила п. 3 ст. 434.1 ГК РФ предусматривают, что сторона, которая ведет или прерывает переговоры о заключении договора недобросовестно, обязана возместить другой стороне причиненные убытки. При этом убытками, подлежащими возмещению недобросовестной стороной, считаются расходы, понесенные другой стороной в связи с ведением переговоров о заключении договора, а также в связи с утратой возможности заключить договор с иными лицами. Из этого следует, что в рамках преддоговорной ответственности законодатель ограничивает убытки расходами, которые сторона потратила на ведение переговоров, и потерями, связанными с утратой возможности заключить договор с иными лицами.

Данные правила основаны на международных актах, прежде всего, на Принципах международных коммерческих договоров (Принципы УНИДРУА) [5]. В п. 1 ст. 2.15 Принципов УНИДРУА сказано, что сторона свободна осуществлять переговоры и не несет ответственности за недостижение согласия. Пункт 2 данной статьи регламентирует, что сторона, которая ведет либо прерывает переговоры недобросовестно, несет ответственность за потери, причиненные другой стороне. А пункт 3 гласит, что можно отнести к недобро-

совестному поведению на стадии заключения договора: вступление стороной в переговоры или их продолжение при отсутствии намерения достичь соглашения с другой стороной.

Обязанность действовать добросовестно в ходе ведения переговоров закреплена и в Принципах Европейского Договорного Права (далее – ПЕДП) [6]. В частности, ст. 2:301(1) ПЕДП устанавливает принцип свободы в проведении и прекращении переговоров: «Сторона вправе вести переговоры и не несет ответственности за недостижение соглашения». Вместе с тем, в ст. 2:301(2) уточняется: «Тем не менее, сторона, которая недобросовестно вела или прекратила переговоры, несет ответственность за убытки, понесенные другой стороной».

Ст. 2:301(3) ПЕДП предусматривает, что: «начало или продолжение ведения переговоров стороной без какого-либо фактического намерения достичь соглашения с другой стороной противоречит, в частности, принципам добросовестности и честного ведения дел».

В ст. 4:107 ПЕДП, посвященной обману, допускается возмещение ущерба в пользу стороны, которая «была склонена другой стороной к заключению [договора] путем преднамеренного введения в заблуждение... или преднамеренного сокрытия какой-либо информации, которая в соответствии с принципами добросовестности и честности должна была быть раскрыта». Тем не менее, договор считается заключенным.

В качестве добросовестности ведения переговоров о заключении договора рассматривается соблюдение конфиденциальности. Так, ст. 2:302 ПЕДП предусматривает: «Если в ходе ведения переговоров одна из сторон представляет конфиденциальную информацию, другая сторона обязуется не разглашать данную информацию и не использовать ее для собственных целей независимо от того, будет ли в последующем заключен договор».

В ситуациях, когда недобросовестно прекращенные переговоры проводились без договора о переговорах, потерпевшая сторона имеет право только на компенсацию убытков. Такое решение вытекает из очевидных практических соображений, а также из принципа договорной свободы и необходимости свободного согласия как предварительного условия заключения договора. В некоторых правовых системах санкцией за прекращение переговоров выступает принудительное исполнение в натуре, однако это, скорее, исключение. Самым известным примером является голландская судебная практика: когда переговоры достигли весьма продвинутой стадии, договаривающаяся сторона, являющаяся потерпевшей от недобросовестного прекраще-

ния переговоров, может требовать их продолжения и даже принудительного заключения договора.

Согласно ПЕДП и Принципам УНИДРУА срыв переговоров о пересмотре договора может повлечь вмешательство суда. При этом возможно не только судебное изменение, но и судебное прекращение договора. Согласно ст. 6:111 (3) ПЕДП: «Если стороны не достигают соглашения в течение разумного периода времени, суд может:

(a) прекратить действие договора в срок и на условиях, которые установлены судом; или

(b) изменить договор с целью распределения между сторонами на справедливой и беспристрастной основе выгод и убытков, вызванных изменением обстоятельств».

Аналогично ст. 6.2.3 Принципов УНИДРУА предусматривает, что:

«(1) В случае затруднений потерпевшая сторона имеет право потребовать пересмотра условий договора...

(2)...

(3) При недостижении соглашения в разумный срок любая сторона может обратиться в суд.

(4) Если суд установит наличие затруднений, он может, если найдет это разумным:

(a) прекратить договор с определенной даты и на определенных условиях или

(b) изменить договор с целью восстановления равновесия».

При этом под затруднением Принципы УНИДРУА (ст. 6.2.2) понимают «событие, существенным образом изменяющее равновесие договорных обязательств в силу либо возрастания для стороны стоимости исполнения, либо уменьшения ценности получаемого стороной исполнения»; такое событие неизвестно стороне в момент заключения договора, не могло быть ею разумно учтено, находится вне ее контроля и риск его наступления стороной на себя не принят.

Пункт 5 статьи 434.1 ГК РФ закрепляет правило о том, что организационные отношения сторон по поводу заключения договора могут быть предметом самостоятельного договора. Поэтому стороны вправе заключить соглашение о порядке ведения переговоров. Такое соглашение может конкретизировать требования к добросовестному ведению переговоров, устанавливать порядок распределения расходов на ведение переговоров и иные подобные права и обязанности. Можно предположить, что данное соглашение может также содержать условие о запрете на ведение переговоров с третьими лицами в

течение установленного в таком соглашении срока ведения переговоров, фиксировать порядок раскрытия информации, режим конфиденциальности в отношении полученной информации и т. п. Стороны могут сформулировать обязанность по уплате неустойки в случае нарушения установленных в таком соглашении правил ведения переговоров.

Подводя итог, можно еще раз подчеркнуть позитивное значение вступивших в силу новелл законодательства, регулирующих вопросы ответственности на преддоговорной стадии. К сожалению, не реализовано правило, в соответствии с которым при рассмотрении спора о признании договора незаключенным суд мог по заявлению одной из сторон признать договор заключенным и мог по собственному усмотрению определить существенное условие. Подобная новелла могла бы положительно повлиять на эффективность оферты, как на механизме вступления в договорные отношения, который позволил бы участникам защищать свои интересы и права, нарушенные на преддоговорной стадии, даже в случае отсутствия указания на существенные условия в содержании оферты.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (в ред. от 29.12. 2017 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.

2. Комарицкий В.С. Правовое регулирование преддоговорной ответственности по законодательству Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2016. – С.135.

3. Кучер А.Н. Теория и практика преддоговорного этапа: юридический аспект.- М.: Статут, 2005. – С. 15.

4. Фоварк-Коссон Б. Переговоры о заключении и пересмотре договора: французская перспектива // Вестник ВАС РФ. – 2013. – № 2. – С. 49.

5. Принципы международных коммерческих договоров (Принципы УНИДРУА) 1994 г. http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_14121/ (дата посещения: 20.02.2018 г.)

6. Принципы Европейского Договорного Права (1999-2002) http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30514349#pos=1;-141 (дата посещения: 20.02.2018 г.)

Помогалова Юлия Викторовна
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры гражданского и трудового права
Воронежского института ФСИИ России,

Межотраслевое регулирование гражданско-правовой ответственности, применяемой к лицам, отбывающим наказание в исправительных учреждениях

Лишение свободы с юридической точки зрения представляет собой комплекс правоограничений: одних прав и свобод осужденный лишается полностью, в других – ограничивается, третьи – претерпевают видоизменения. Лишение свободы оказывает серьезное влияние на совокупность гражданских прав и обязанностей осужденных.

Определенный интерес представляют отношения с участием осужденного к лишению свободы, обязанного уплачивать алименты по решению суда и имеющего задолженность по их уплате. В этом случае согласно п. 2 ст. 115 СК РФ виновное лицо уплачивает получателю алиментов неустойку в размере 0,5% от суммы невыплаченных алиментов за каждый день просрочки. Получатель алиментов вправе также взыскать с виновного все причиненные просрочкой исполнения алиментных обязательств убытки в части, не покрытой неустойкой.

В Определении Верховного Суда РФ от 24.09.2013 № 81-КГ13-14 особо отмечается, что судебное постановление, предусматривающее взыскание алиментов с обязанного лица, возлагает на него обязанность ежемесячно выплачивать определенную денежную сумму, неплата которой влечет за собой возникновение денежного обязательства¹.

С точки зрения теории обязанность должника платить алименты не может быть обеспечена неустойкой, так как алиментная обязанность есть обязанность денежная. Средством защиты интересов по денежным обязательствам при их нарушении является уплата процентов по ст. 395 ГК РФ и возмещение понесенных убытков (ст. 15 ГК РФ²), если таковые будут надлежащим образом доказаны.

---

¹ Документ опубликован не был // СПС «КонсультантПлюс».

² Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): федер. закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // СЗ РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.

Среди критических замечаний к ст. 115 СК РФ¹ можно также выделить аргументы О. Косовой, которая обращает внимание на то, что возможность взыскания убытков сверх неустойки противоречит сущности алиментных обязательств, поскольку компенсационная функция осуществляется путем взыскания задолженности и неустойки². Стоит согласиться с тем, что предложенное в ст. 115 СК РФ законодательное решение о возможности взыскания убытков является неудачным.

Если закон предполагает убытки за просрочку исполнения денежного обязательства, то закон должен устанавливать и их размер (способ определения размера убытков). В противном случае получатели алиментов не смогут воспользоваться в достаточной мере своим правом взыскания с виновного убытков в части, не покрытой неустойкой. Рассчитать такие убытки, сравнить их с размером неустойки, в том числе для определения несоразмерности рассчитанной неустойки размерам убытков, является крайне затруднительным, что, в свою очередь, ставит в неопределенное положение плательщика алиментов.

Верховный Суд РФ воспринял позицию, согласно которой неустойка является специальной мерой семейно-правовой ответственности и применяется к неплательщику алиментов, обязанному к их уплате по решению суда, уменьшение которой ст. 333 ГК РФ не предусмотрено (вопрос 3 Обзора судебной практики Верховного Суда РФ за третий квартал 2012 года, утвержденного Президиумом Верховного Суда РФ 26.12.2012³).

Подобный подход при практическом удобстве требует установления, в чем именно состоит особенность семейно-правовой ответственности в виде неустойки, какие общие положения о гражданско-правовой ответственности не подлежат применению либо должны применяться с учетом характера данной ответственности. При этом в современных исследованиях ответственность по ст. 115 СК РФ отно-

---

¹ Семейный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ // СЗ РФ. – 1996. – № 1. – Ст. 16.

² Косова О.Ю. Семейно-правовое регулирование отношений по предоставлению содержания членам семьи: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. - М., 2005. С.8.

³ Обзоры судебной практики Верховного Суда РФ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ппвс.рф/2012/obzor-sudebnoy-praktiki-vs-rf/2012.12.26.html> (дата обращения 22.02.2018).

сят к типичным мерам гражданско-правовой ответственности¹. Возможность применения неустойки как гражданско-правовой санкции отражает отношение к алиментному обязательству как к гражданско-правовому правоотношению, в котором право кредитора – получателя алиментов обеспечено принудительной силой государства.²

В отношении лиц, осужденных к лишению свободы, договорная ответственность может возникнуть в связи с ненадлежащим исполнением обязательств, возникших как до помещения в исправительное учреждение, например, кредитных обязательств; обязательств из договоров оказания возмездных услуг (например, водо-, газоснабжения и т. п.), так и в период нахождения в пенитенциарном учреждении.

Среди деликтных обязательств, должников в которых является осужденный, следует выделить обязательства по возмещению ущерба, причиненного преступлением, и обязательства по возмещению вреда, причиненного лицом, осужденным к лишению свободы, в период отбывания наказания исправительному учреждению и (или) третьим лицам.³

Предусмотренная ст. 102 Уголовно-исполнительного кодекса РФ⁴ (далее – УИК РФ) материальная ответственность осужденного к лишению свободы наступает в соответствии с гражданским законодательством за ущерб, причиненный не в связи с исполнением трудовых обязанностей. Ее основанием является причинение осужденным к лишению свободы во время отбывания наказания материального ущерба государству или физическим и юридическим лицам. Так, в ходе рассмотрения гражданского дела судом было установлено, что Мехроби А., отбывая наказание в виде лишения свободы в ФКУ ИК-16 УФСИН России по Архангельской области, находясь в едином помещении камерного типа штрафного изолятора, умышленно оторвал раковину, отбил штукатурку, краску стены площадью 1,5 кв.м., сломал камерный замок на отсекающей решетке, оторвал инженерное оборудование «Геркон» в количестве 1 шт., тем самым причинил матери-

---

¹ Данилян М.А. Алиментные обязательства родителей по содержанию несовершеннолетних детей и ответственность за их нарушение: дис. ... канд. юрид. наук. - М., 2014.

² Баянов С. Неустойка за несвоевременную уплату алиментов // ЭЖ-Юрист. – 2015. – № 26. – С. 8.

³ Ельчанинова О.В. Гражданско-правовое положение лиц, осужденных к лишению свободы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - СПб, 2004. С. 6.

⁴ Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 08.01.1997 г. № 1-ФЗ // СЗ РФ. – 1997. – № 2. – Ст. 198.

альный ущерб на сумму 4228,32 руб. Суд вынесенным решением обязал ответчика возместить ущерб в полном объеме.¹

Часть 2 ст. 102 УИК РФ устанавливает материальную ответственность осужденного по возмещению ущерба и затрат, причиненных исправительному учреждению в связи с пресечением совершенного им побега. В этот ущерб могут входить фактическая стоимость поврежденных и разрушенных преград, заборов, технических средств, транспорта и т.н., а также те расходы, которые пришлось нести в связи с розыскными мероприятиями, задержанием и доставкой в исправительное учреждение. Таким образом, речь идет о гражданско-правовой ответственности осужденных к лишению свободы.

Кроме того, осужденный обязан компенсировать затраты, связанные с его лечением в случае умышленного причинения вреда своему здоровью. В исправительных учреждениях нередки случаи, когда осужденные умышленно наносят вред своему здоровью в целях уклонения от общественно полезного труда, направления в больницу и т. п. Расходы на лечение должны возмещаться самими осужденным из средств, имеющихся на его личном счету. В случае отсутствия таких средств расходы взыскиваются в судебном порядке. Так, мировой судья судебного участка № 5 Левобережного района г. Воронежа полностью удовлетворил иск прокурора в интересах государственного учреждения УФСИН России по Воронежской области к осужденному и взыскал с ответчика в пользу истца 13 676 руб. 25 коп. в счет возмещения затрат на лечение осужденного в связи с умышленным причинением им вреда своему здоровью².

Лица, осужденные к лишению свободы, могут выступать субъектами правоотношений, возникших из неосновательного обогащения, в связи с получением или сбережением имущество другого лица (владельца имущества), не имея на то достаточных прав или оснований. При этом не имеет значения, благодаря кому из участников правоотношения произошли такие действия, а также наличие или отсутствие вины обогатившегося. Например, суд, рассмотрев дело по иску Управления Пенсионного фонда РФ в г. Димитровграде и Мелекесском районе Ульяновской области к осужденному Сетойкину о взыскании незаконно полученной суммы федеральной социальной допла-

---

¹ Решение мирового судьи судебного участка № 1 Онежского судебного района Архангельской области от 20 июня 2016 г. по делу № 2-467/2016 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://1onk.arh.msudrf.ru/> (дата обращения 22.02.2018).

² Решение мирового судьи судебного участка № 5 Левобережного района г. Воронежа от 20 апреля 2011 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.levober5.vrn.msudrf.ru> (дата обращения 22.02.2018).

ты к пенсии, установил, что ответчик является получателем пенсии по случаю потери кормильца.

Согласно справки, выданной ФКУ ИК-3 УФСИН России по Ульяновской области, Сетойкин был принят на работу на должность подсобного рабочего бригады УПУ. Вследствие несвоевременного сообщения в УПФР о факте осуществления трудовой деятельности Стойкиным образовалась переплата федеральной социальной доплаты к пенсии в размере 1372 руб.07 коп. Оценив представленные доказательства в совокупности, суд пришел к выводу, что исковые требования являются обоснованными и подлежат удовлетворению.¹

Перечень возможных ситуаций, которые можно отнести к данному институту, не исчерпывающий, что объясняется динамичностью развития гражданско-правовых отношений. К примеру, в суд в интересах Российской Федерации обратился прокурор к осужденному о взыскании предмета взятки в доход государства, указав в заявлении, что гражданин Ф.И.О. был признан виновным в совершении преступлений, предусмотренных ч.3 ст. 290 УК РФ (3 эпизода) и назначено наказание по совокупности преступлений путем частичного сложения 03 года 06 месяцев лишения свободы со штрафом в размере 770 000 рублей, на основании ст. 73 УК РФ наказание назначено условно с испытательным сроком 3 года. Гражданский иск в порядке ст. 44 УПК РФ при предъявлении обвинения и направлении дела в суд не заявлен, вопрос об изъятии и обращении в доход государства незаконно полученных денежных средств при постановлении приговора не решен.

Отмеченным приговором установлены факты противоправного получения ФИО взяток в общей сумме 27000 рублей в период работы в должности младшего инспектора группы надзора отдела безопасности исправительного учреждения. При этом из приговора следует, что полученное незаконное денежное вознаграждение за совершение незаконных действий ФИО потратил на личные нужды.

По мнению суда, получение ответчиком денежных средств в качестве взятки является ничтожной сделкой, поскольку соответствующие действия взяткополучателя и взяткодателя совершены с целью, заведомо противной основам правопорядка и нравственности, что свидетельствует о наличии гражданско-правовых отношений. Поэтому суд, с учетом изложенного, признал вышеуказанные сделки недействительными, как совершенные с целью, заведомо противной осно-

---

¹ Решение мирового судьи судебного участка № 4 Засвияжского судебного района г. Ульяновска от 14 декабря 2016 г. по делу № 2-1055/2016 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.4zasvrn.uln.msudrf.ru> (дата обращения 22.02.2018).

вам правопорядка или нравственности, а денежные средства в сумме 27000 рублей, незаконно полученные ФИО в результате совершения преступления, подлежащими взысканию в доход Российской Федерации¹.

Таким образом, гражданско-правовая ответственность обладает имущественным характером, позволяющим реализовывать ее не только в качестве единственной санкции за совершенное правонарушение, но и совмещать с административно-правовыми или уголовно-правовыми мерами принуждения. Главная же задача гражданско-правовой ответственности – не столько защита, сколько охрана прав и законных интересов участников гражданского оборота.

Литература

1. Данилян М.А. Алиментные обязательства родителей по содержанию несовершеннолетних детей и ответственность за их нарушение: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2014.

2. Ельчанинова О.В. Гражданско-правовое положение лиц, осужденных к лишению свободы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – СПб, 2004. – 24 с.

3. Косова О.Ю. Семейно-правовое регулирование отношений по предоставлению содержания членам семьи: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2005. – 54 с.

Михайлов Станислав Владимирович,

кандидат юридических наук,

доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин
Ростовского филиала Российской таможенной академии,

доцент кафедры гражданского права
Донского государственного технического университета;

Пономарева Наталья Витальевна,

кандидат юридических наук,

доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин
Ростовского юридического института МВД России

Владение в системе вещных прав

Институт владения имеет длительную историю. Его начало положено Древним Римом. На протяжении веков он исследовался уче-

---

¹ Решение Благоварского межрайонного суда Республики Башкортостан от 4 июля 2016 г. по делу № 2-1467/2016 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.blagovarsky.bkr.sudrf.ru/> (дата обращения 22.02.2018).

ными разных стран. Особое место здесь занимает плеяда исследователей стран европейского континента, в первую очередь Германии (Иеринг, Эндеманн, Пухта и др.). Известную роль в развитии института владения сыграли ученые дореволюционной России (В.Г.Кукольников, К.П.Победоносцев, И.А. Покровский, Г.Ф. Шершеневич и др.). В послереволюционный период владение не занимало какое-либо место в правовом регулировании, так как оно по сути является продуктом товарно-денежных отношений, товарного оборота, которые признавались в советское время категориями, чуждыми социализму. Но, тем не менее, и в это период велись, и в настоящее время ведутся, разработки, посвященные категории владения.

Нельзя не заметить наличие двух научных направлений, двух тенденций в понимании природы владения, которые проявляются на всем протяжении его становления и развития. Речь идет о признании владения правом или фактом. Достаточно отметить неоднозначную оценку учеными владения в римском праве. Так, по мнению К.И. Скловского, в римском праве мы обнаруживаем защиту владения независимо от права владения посредством преторских интердиктов. Сами по себе эти формы, в наибольшей степени отражающие «чистое бытие» владения, не могли привести к устойчивому состоянию, поскольку принципиально исключали выяснение вопроса о праве и сосредоточивалась на временной защите фактически существующего положения[1]. Исследуя институт владения в римском праве, А.В. Коновалов пришел к выводу: в римском праве, для которого традиционным считается понимание владения как права, центр тяжести идеи владения находится в восприятии его окружающими в единстве *corpus possessionis* и *animus domini*[2].

То есть нужен не только внешний факт господства над вещью, но и воля владеть ею, которая воспринимается окружающими. Со времен римского права, пишет И.А. Покровский, во всяком культурном законодательстве действует принцип охраны владения как такового от всяких частных посягательств на него. Защиты владения может требовать не только владелец законный, но и явно неправомерный — тот, кто силой захватил чужое поле или тайно похитил чужую вещь[3]. Автор, признавая владение фактом, а не правом, поставил вопрос: право призвано охранять закон и порядок, а в случае с защитой владения право подрывает этот принцип[4]. Данное противоречие не возникает, если владение и его защита имеют правовое основание. Но, тем не менее, научная мысль пытается (и пыталась) разрешить возникшую проблему, что нашло отражение в ряде концепций. Осо-

бого внимания заслуживают взгляды Иеринга, Эндеманна, Пухты и Покровского.

Иеринг полагал, что владение охраняется в интересах собственника; оно защищается там, где возможно предположение права собственности[5]. В адрес этой концепции И.А. Покровским был высказан ряд серьезных замечаний. Среди них особо значимым является утверждение: если владельческая защита призвана лучше охранять право собственности, то почему она направляется против собственника?

Главный недостаток этой концепции видится в том, что в ней владение, защита не характеризуют их как самостоятельные явления, а поглощаются собственностью. Владение должно быть рассмотрено непосредственно: его сущность, признаки, прямое функциональное назначение. В позиции Иеринга владельческая защита — некий придаток собственности.

Согласно теории гражданского мира Эндеманна, владение защищается в интересах последнего. На обеспеченности владельческих отношений покоится порядок человеческого общежития[6]. В концепции Эндеманна гипертрофированно объективное начало — защита мира, человеческого общежития. Несомненно, это важно, так как речь идет о благополучной среде обитания человека. Однако нельзя забывать, что при первом приближении речь-то идет о защите личности, ее достоинства и социального благополучия, а не просто о благополучной общественной среде. И в этом плане заслуживает внимания позиция Пухты, который полагал, что «...во владении защищается возможность прав, следовательно — правоспособность»[7]. Думается, прямой связи между правоспособностью и, собственно, специальным институтом владения нет. Если признавать владение правом, тогда здесь нет какой-либо специфики: правоспособность всегда предполагает общие правовозможности субъекта права. Проявление правовозможности в праве владения не делает ее чем-то особенным. Кроме того, в данном подходе были утрачены достоинства концепций, в которых исповедуются идеи благополучия и мира в человеческом общежитии, хотя акцент в нем на обеспечение достоинства личности прослеживается со всей очевидностью.

И.А. Покровский в результате своего исследования института владения предложил следующее его назначение: в нем «...дело идет не о собственности и вообще не о том или ином имущественном праве, а о начале гораздо более важном и идеальном — о насаждении уважения к человеческой личности как таковой»[8]. При всей значимости данного вывода нельзя не заметить, что защита владения сво-

дится не только к насаждению в обществе уважения к человеческой личности. Владение и ее защита выполняют функции единичного и общего. В первом случае они способствуют обеспечению безопасности личности, ее достоинства, защиту собственности и иных вещных прав (единичное). Во втором, складывающаяся система, гражданский оборот, формируется общественный мир, порядок человеческого общежития (общее). Общее и единичное неразрывно связаны, представляя органическое единство. Общее реализуется через единичное, единичное формирует общее.

Представленные и иные взгляды на природу владения во многом обусловлены тем парадоксом, что защищается незаконное владение, которое предстает не правом, а фактом. Поэтому и стоит неизменно вопрос: что защищается? И что из себя представляет защищаемое, если оно не обладает каким-либо правом? Именно по данным вопросам и необходим конкретный ответ. И здесь нельзя удовлетвориться ответами, которые основаны на общих, абстрактных положениях — достоинстве личности, защите собственности, порядке человеческого общежития. Нужен ответ, в котором бы реализовалось владение в качестве «мысленно конкретного».

Признание владения фактом, а не правом, отмечает А.Н.Латыев, не позволяет ответить на вопрос о том, как же оно может защищаться. Пытаясь как-то обосновать концепцию владения как факта, автор утверждает, что как только произошло лишение владения, владения как факта больше не существует и посессорная защита факта владения не защищает, а наоборот, предполагает прекращение актуального факта владения ответчика и возврат имущества во владение истца — прежнего владельца[9]. Наверное, из предложенной модели остается неясным, почему владение вещью передается в результате применения посессорной защиты именно первому владельцу. В момент завладения вещью другим лицом у бывшего владельца безусловно нет владения как факта, но у него есть право на него, в том числе и право на защиту. Восприятие сказанного предполагает взгляд на владение как право, а не факт.

Признание владения правом (или фактом), отмечает К.И.Скловский, в современном праве имеет главным образом системные последствия, что порождает обострение проблемы в периоды кодификации[10]. Подобное обострение обнаруживается и в условиях совершенствования законодательства без его кодификации, о чем свидетельствуют современные реалии. Система современного российского законодательства, утверждает автор, не позволяет обнару-

жить право владения. Такое словоупотребление не может считаться сколько-нибудь корректным и должно включать возможность указания на то, стороной какого действительного права является в данном случае владение[11].

Противоречивость концепции владения как факта побуждает исследователей присовкупить данное явление к системе прав, найти ему правовое своеобразие. Иными словами, признать разновидностью вещных прав. Так, В.М. Хвостов полагает, что «юридическое владение, то есть владение, защищаемое владельческими интердиктами, есть право, но право с довольно скудным содержанием»[12]. Вытолковывая смысл понятия «довольно скудное содержание», можно утверждать, что речь идет в первую очередь об объекте содержания права владения. Обладает ли оно классической полнотой или некой усеченностью. В ходе дальнейшего анализа мы еще обратим внимание на это положение.

А.В. Коновалов, обосновывая природу владения с позиций права, делает вывод: соблюдение краеугольного принципа владельческой защиты — возможности исследования одной лишь фактической стороны дела без установления правового титула спорящих не препятствует возможности квалифицировать владение как субъективное право; устранения от исследования правового основания владения во все не служит подтверждением, что во владельческом процессе защита предоставляется юридическому факту[13].

Поиск феномена в качестве основания защиты фактического владения привел А.Н.Латыева к выводу о необходимости расширения иеринговской формулировки, назвав владение видимостью любого вещного права. А защита владения представляет собой не что иное, как защиту самого вещного права, права собственности, права арендатора, права хранителя и др.[14]. Возникает в связи с вышеприведенным вопрос: почему владение выявляется не прямо, а опосредованно, через существующее вещное право? Разве владение и его защита не покоятся на собственном правовом фундаменте? Думается, проблема природы владения, его защиты не может быть сколько-нибудь удовлетворительно решена без признания за этим феноменом субъективного права. При первом приближении можно его назвать правом фактического владения. На первый взгляд, такое понятие звучит противоречиво. Если это фактическое владение, то оно не является правом, а если это право, то оно не фактическое владение. Однако при ближайшем анализе формула «право фактического владения» имеет свой

смысл и позволяет разрешить те противоречия, которые возникают с признанием владения в качестве факта и его защитой.

Право фактического владения необходимо обособить от других видов владения, имеющих свой титул[15]. Необходимо ли для титульного владения право фактического владения? Вопрос непростой. В самом деле, зачем титульного владельца вещь наделять еще правом фактического владения, если он может защищать свое владение с использованием титульного правомочия владения. Но, с другой стороны, при лишении владения и отсутствии права фактического владельца титульный владелец может восстановить положение только с использованием классического вещно-правового иска. Поэтому было бы нелогичным лишать титульных владельцев в оперативном плане восстановить фактическое владение вещь. Таким образом, применительно к группе титульных владельцев право фактического владения как самостоятельное право необходимо в ограниченном объеме — для быстрого восстановления фактического владения. В дальнейшем титульный владелец не нуждается в таком специальном праве. Применение здесь права фактического владения носит частичный, вспомогательный характер, так как правовым основанием владения вещь является титульное правомочие.

Вторую группу прав фактического владения составляют те, которые касаются добросовестного владения лицом, не имеющим какого-либо титула. Эти субъекты не знают и не могут знать, что приобретают владение незаконно, либо что основание законного владения отпало. При определенных обстоятельствах они могут приобрести вещь, находящуюся у них в режиме фактического владения, в собственность (ст. 302 ГК РФ). Если это не произойдет, а собственник не сможет виндицировать вещь, она останется у владельца на праве фактического владения. На этом праве она была у них и ранее.

Особенность данной группы прав фактического владения заключается в том, что у них расширяются правовые возможности по использованию вещи, а защита может осуществляться с использованием вещно-правовых исков, а также посессорной формы. Как видно речь идет о давностных владельцах. Их право фактического владения восполняется элементами классических правомочий. Так, может быть отказано собственнику, предъявившему индикаторный иск фактическому владельцу, из-за пропуска исковой давности. Право давностного фактического владения по мере истечения определенного срока может привести к признанию владельца собственником вещи.

Третью группу прав фактического владения составляет владение незаконное и недобросовестное. Это право в данном случае направлено главным образом на защиту фактического владения. Возможности его развития исключаются. Истечение любого промежутка времени не приводит к возможности признания владельца собственником вещи. Само владение не находится в режиме давностного, поэтому фактический владелец остается постоянно в этом статусе, что является ненормальным для гражданского оборота. Как и любое право собственности, право фактического владения имеет свои модусы, различается некоторыми особенностями, о которых, отчасти, сказано выше. Но в исходной своей основе его можно характеризовать следующим образом:

1) это субъективное вещное право, которое позволяет его владельцу на законной основе владеть вещью, извлекать полезные ее свойства, защищать свое право с использованием прежде всего посессорного, а также других (классических) способов защиты (возврат вещи во владение лица; возмещение ему убытков; устранение помех в осуществлении владения вещью давностным владельцем и др.);

2) в тех случаях, когда владение основано на титульном правомочии, право фактического владения выполняет вспомогательную роль, роль своеобразного временного оперативного регулятора;

3) когда право фактического владения является единственным правовым основанием, оно не сводится только к правовой возможности владения, но и охватывает собою определенные действия по использованию вещи, защите ее от постороннего вмешательства;

4) право фактического владения по общему положению носит временный характер, так как оно обычно прекращается в связи с возникновением собственности на данную вещь посредством виндикации ее собственником или истечением срока давностного владения;

5) в любом случае право давностного владения по объему и назначению не может быть сравнимо с исходным и зависимым вещным правом. Однако его потребность в правовом регулировании является со всей необходимостью;

6) вещное право фактического владения в самой сути своей является не правомочием, а именно правом (правовым основанием фактического владения вещью, заботы о ней и, как следствие, определенного использования ее в хозяйственных целях).

В итоге можно определить так это право. Оно представляет собой вещное право временного фактического владения индивидуально-определенной вещью, не являющееся производным и зависимым

от других вещных прав, регулирующего отношения по поводу вещи, находящейся у владельца, в том числе и связанных с его защитой.

Литература

1. Скловский К.И. Собственность в гражданском праве. М.: Статут, 2010. С. 548.
2. Коновалов А.В. Владение и владельческая защита в гражданском праве. СПб., 2001. С. 10-11.
3. Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. М., 1998. С. 223.
4. Покровский И.А. Указ. соч. С. 224.
5. Там же. С. 225.
6. Там же. С. 226.
7. Покровский И.А. Указ соч. С. 229.
8. Там же. С. 229.
9. Латыев А.Н. О владении по Концепции развития гражданского законодательства // Вещные права: постановка проблемы и ее решение: Сб. статей / Руководитель авторского коллектива и отв. редактор М.А. Рожкова. М., 2011. С. 54-55-
10. Скловский К.И. Собственность в гражданском праве. М.: Статут, 2010. С. 552.
11. Там же. С. 569.
12. Хвостов В.М. Основание защиты владения в римском праве. М., 1996. С. 273.
13. Коновалов А.В. Указ. соч. С. 25.
14. Латыев А.Н. Указ. соч. С. 58.
15. Астапова Е.В., Вакула А.И. Новеллы законодательства о государственной регистрации прав на недвижимое имущество/ Юрист – Правоведь 3 (76). 2016. С. 110-114.

Раздьяконов Евгений Сергеевич,

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры гражданского процесса

Уральского государственного юридического университета

Досудебные уведомления в делах о несостоятельности (банкротстве)

Федеральным законом от 29.07.2017 № 218-ФЗ «О публично-правовой компании по защите прав граждан – участников долевого строительства при несостоятельности (банкротстве) застройщиков и о

внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» внесены изменения в действующее законодательство, в результате чего в ст.7 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве) появилось универсальное правило об обязательном опубликовании уведомления о намерении обратиться в арбитражный суд с заявлением о признании должника банкротом в Едином федеральном реестре сведений о фактах деятельности юридических лиц. При этом право на обращение в арбитражный суд возникает при условии предварительного, не менее чем за 15 календарных дней такого уведомления. В этой связи возникает целый ряд вопросов доктринального и практического характера.

Во-первых, вопрос о правовой природе такого уведомления. Уведомление не является способом соблюдения обязательного досудебного (претензионного) порядка. В п.5 ст.4 АПК РФ указывается, что соблюдение досудебного порядка урегулирования спора не требуется по делам о несостоятельности (банкротстве). Однако уведомление не является досудебным порядком даже не в силу приведенного правила, а по той причине, что публикация уведомления не предполагает как таковое своей целью добровольное исполнение должником требований лица, намеревающегося обратиться в суд с заявлением о признании должника банкротом. Должник не может самостоятельно признать себя банкротом во внесудебном порядке, для этого нужно решение суда.

Наиболее близким к уведомлению о намерении обратиться в арбитражный суд с заявлением о признании должника банкротом является уведомление участника гражданско-правового сообщества о намерении обратиться в суд с заявлением об оспаривании решения общего собрания участников такого сообщества (п.6 ст.181.4 ГК РФ). В отношении указанного уведомления в п.115 Постановления Пленума ВС РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» указывается, что оно не является досудебным порядком урегулирования спора.

Во-вторых, вопрос о процессуальных последствиях несоблюдения требования о подачи уведомления. Правило п.5 ч.1 ст.129 АПК РФ о возвращении искового заявления при несоблюдении обязательного претензионного или иного досудебного порядка урегулирования спора не применимо в силу правовой природы уведомления.

Оставление заявления о признании должника банкротом на основании ст.128 АПК РФ в силу несоблюдения требований по форме, содержанию и прилагаемых к заявлению документов (ст.125 и 126 АПК РФ) при буквальном толковании указанных норм невозможно, поскольку указанные статьи не содержат требований о приложении к заявлению уведомления о намерении обратиться в суд с заявлением о признании должника банкротом. Верховный Суд Российской Федерации применительно к уведомлению о намерении оспаривать решение гражданско-правового сообщества предлагает толковать основания оставления искового заявления без движения расширительно и при отсутствии такого уведомления оставлять исковое заявление без движения (п.115 Постановления Пленума ВС РФ от 23.06.2015 № 25).

Обратимся к специальным нормам банкротного законодательства. Согласно п.1 ст.44 Закона о банкротстве арбитражный суд оставляет заявление о признании должника банкротом без движения, если оно подано с нарушением требований ст. 37–41 указанного закона, т. е. специальных требований к содержанию заявления и прилагаемых к нему документов. Однако указанные нормы не требуют прикладывать к заявлению о признании должника банкротом документы, подтверждающие публикацию в установленном порядке уведомления о намерении обратиться в суд с заявлением о признании должника банкротом, а значит и не предполагают оставления заявления без движения. Специальных норм, устанавливающих дополнительные основания возвращения заявления Закон о банкротстве не содержит.

Бесспорно, на этапе принятия заявления к производству арбитражный суд должен устанавливать факт наличия публикации уведомления. Если оставлять заявление без движения, то нужно предполагать, что нарушение, послужившее основанием оставления заявления без движения, носит устранимый характер. В случае устранения в установленный судом срок причины оставления без движения, заявление будет считаться принятым в день первоначального обращения (п.3 ст.44 Закона о банкротстве). Однако, как представляется, невозможно устранить такую причину, как отсутствие публикации уведомления за требуемое до даты обращения в суд количество дней. Опубликовать уведомление после оставления заявления без движения возможно, однако это будет уведомление, опубликованное после даты обращения в суд. Напротив, требование закона заключается в публикации уведомления за 15 дней до даты обращения в суд.

Возможные варианты:

- установить специальное дополнительное основание для возвращения заявления о признании должника банкротом;

- принимать заявление о признании должника банкротом к производству арбитражного суда с назначением судебного заседания для проверки обоснованности заявления и, при отсутствии требований иных кредиторов, выносить определение об отказе во введении наблюдения и оставлении такого заявления без рассмотрения.

В-третьих, вопрос о гармонизации процессуальных и материально-правовых норм. Законодательство о банкротстве ставит возможность оспаривания отдельных сделок, совершенных в преддверии банкротства в зависимость от времени их совершения. Логично было бы установить в настоящее время правило об исчислении сроков в привязке не к дате вынесения судом определения о принятии заявления о признании должника банкротом к производству суда, а к дате публикации уведомления.

В-четвертых, вопрос о равном доступе к правосудию. Ранее конкурсные кредиторы – кредитные организации имели право обращения в суд с заявлением о признании должника банкротом с уведомлением, но без судебного решения о взыскании денежного долга. Другие конкурсные кредиторы – с решением суда, но без уведомления. Существовал определенный баланс интересов.

В связи с введением правила о публикации уведомления для всех конкурсных кредиторов, сейчас явное проявление преференций в пользу следующих кредиторов, которые наравне с другими конкурсными кредиторами несут обязанность публикации уведомления, но без обязанности получить решение суда о взыскании денежного долга. Этими субъектами согласно п.2 ст.7 Закона о банкротстве являются:

- кредитные организации;
- государственная корпорация «Банк развития и внешнеэкономической деятельности (Внешэкономбанк)».

Раскатова Наталья Николаевна,
доцент кафедры гражданского и административного
судопроизводства Российского государственного университета
правосудия, кандидат юридических наук,
судья Московского городского суда

**Некоторые спорные вопросы возмещения судебных расходов,
связанных с проведением судебной экспертизы и вызовом
эксперта в суд, в гражданском процессе**

Одна из обязанностей сторон в гражданском процессе и административном судопроизводстве – обязанность нести судебные расходы, в том числе, связанные с проведением судебной экспертизы.

В соответствии с п.3 ст.95 ГПК РФ и с п. 2 ст. 108 КАС РФ, эксперты получают вознаграждение за работу, выполненную ими по поручению суда, «если эта работа не входит в круг их служебных обязанностей в качестве работников государственного учреждения», при этом вознаграждение в пользу экспертов взыскивается со сторон, если экспертиза была назначена по их ходатайству. Если же экспертиза назначается по инициативе суда вознаграждение за ее проведение взыскивается за счет средств федерального бюджета или бюджета субъекта РФ (при назначении экспертизы мировым судьей) – п. 3 ст. 96 ГПК РФ, п. 2 ст. 109 КАС РФ.

Ни ГПК РФ, ни КАС РФ не предусматривают мер ответственности, в отличие от АПК РФ, за неисполнение обязанности по внесению до назначения экспертизы на депозитный счет суда денежных сумм в установленном размере для выплаты вознаграждения экспертам. АПК РФ в качестве такой меры ответственности предусматривает право арбитражного суда вынести определение об отклонении ходатайства о назначении экспертизы.

Так, например, ФАС Московского округа, рассмотрев жалобу ответчика на решение Арбитражного суда г. Москвы и постановление Девятого арбитражного апелляционного суда по делу по иску ООО «Строительная компания «Волганефтегазспецстрой» к ООО «Экспериментальный завод импульсной техники» о взыскании долга и убытков, оставил принятые по делу судебные акты без изменения, а кассационную жалобу без удовлетворения, указав при этом, что суд первой инстанции правомерно отклонил ходатайство ответчика о назначении судебной экспертизы с целью установления причин некачественности

оборудования, поскольку ответчиком не были внесены денежные средства, составляющие стоимость экспертизы, на депозит суда.¹

Гражданское процессуальное законодательство и законодательство об административном судопроизводстве такое право суда не предусматривает, а, напротив, указывает, что отказ стороны от оплаты экспертизы до ее проведения не может служить основанием для отказа эксперта или судебно-экспертного учреждения от ее проведения в установленный срок. При отсутствии предварительной оплаты проведения экспертизы эксперт или судебно-экспертное учреждение обязаны провести экспертизу и вместе с заключением эксперта направить в суд заявление о возмещении расходов, понесенных в связи с проведением экспертизы (п. 2 ст. 85 ГПК РФ, п. 11 ст. 49 КАС РФ).

Кроме того, экспертам возмещаются понесенные ими в связи с явкой в суд расходы по проезду и по найму помещения и выплачиваются суточные (п.1 ст. 95 ГПК РФ и п. 1 ст. 108 КАС РФ).

Верховный Суд РФ четко придерживается позиции, в соответствии с которой, если назначение экспертизы или вызов эксперта происходят по инициативе суда, то оплата проведения экспертизы и расходы по вызову эксперта в суд производятся исключительно за счет средств федерального бюджета и ни при каких обстоятельствах не могут быть возложены на одного из сторон, в том числе и на проигравшую сторону уже после вынесения решения суда. Об этом, в частности, свидетельствуют определение Верховного Суда РФ от 18 марта 2011 г. № 78-В10-47, а также определение Верховного Суда РФ от 15 февраля 2016 г. № 5-КГ15-192, причем в последнем определении Верховный Суд РФ указал, что если вопрос о назначении экспертизы поставлен на обсуждение лиц, участвующих в деле, по инициативе суда, а не по ходатайству самих лиц, участвующих в деле, суд не вправе возлагать на указанных лиц обязанность возместить расходы на проведение экспертизы, данные расходы должны быть оплачены за счет средств федерального бюджета; из протокола же судебного заседания от 19 декабря 2012 года следует, что судебно-медицинская экспертиза по делу по иску Корнейко В.П. к Петрову П.П., ОСАО «Россия» о возмещении материального ущерба, причиненного повреждением здоровья, и компенсации морального вреда была назначена по инициативе суда. Истец и ответчик не возражали против ее проведения. Корнейко В.П. выступала против возложения на нее обязанности

---

¹ Постановление ФАС Московского округа от 12.04.2012 г. по делу № А40-39459/11-45-357 // Справочно-поисковая система КонсультантПлюс.

по оплате проведения экспертизы, а Петров П.П. дал согласие на ее оплату¹.

В другом определении Верховный Суд Российской Федерации, отменяя определение суда апелляционной инстанций, которым с истца, проигравшего спор, в пользу ответчика, оплатившего проведение судебной экспертизы, назначенной по инициативе суда, были взысканы расходы ответчика на проведение судебной экспертизы, указал, что при распределении судебных расходов суду необходимо было исходить из того, по чьей инициативе назначена экспертиза, на кого должна была быть возложена ее оплата и с кого должны быть взысканы издержки, понесенные в связи с рассмотрением дела, в доход бюджета. Рассматривая дело по правилам суда первой инстанции, судом апелляционной инстанции оставлен без внимания и оценки тот факт, что техническая экспертиза по делу по иску Гамаюнова С.П. к ПАО «Ульяновский автомобильный завод» о защите прав потребителей была назначена по инициативе суда. Истец и его представитель разрешение вопроса о назначении экспертизы оставили на усмотрение суда, ходатайство о назначении экспертизы не заявляли, согласие на ее оплату не выразили, ответчик в судебном заседании не присутствовал, письменных ходатайств о проведении экспертизы также не заявлял².

Таким образом, в гражданском процессе обязанность по оплате проведения судебной экспертизы возлагается на стороны только в случае заявления ими ходатайства о назначении судебной экспертизы, причем невыполнение этой обязанности не влечет для соответствующей стороны никаких неблагоприятных последствий. Применение меры ответственности, предусмотренной ч. 3 ст. 79 ГПК РФ, в случае отсутствия предварительной оплаты проведения судебной экспертизы прямо запрещено ст. 85 ГПК РФ.

Довольно сложным является вопрос о том, как производится оплата явки эксперта в суд в гражданском процессе, может ли быть приравнена оплата явки эксперта в суд к оплате проведения экспертизы, из каких позиций складывается оплата явки эксперта в суд: из возмещения только расходов на проезд, наем жилого помещения или в нее также входит оплата самой работы, и чем должна подтвер-

---

¹ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 15.02.2016 г. № 5-КГ15-192 // Справочно-поисковая система КонсультантПлюс.

² Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 08.11.2016 г. № 77-КГ16-10 // Справочно-поисковая система КонсультантПлюс.

ждаться запрашиваемая сумма. Все эти вопросы появились неслучайно и вызваны недостаточной регламентацией этой проблемы в действующем гражданском процессуальном законодательстве.

Прежде всего, необходимо обратить внимание на содержание ст. 95 ГПК РФ, которая предусматривает возмещение экспертам понесенных расходов в связи с явкой в суд на проезд, на наем жилого помещения и дополнительных расходов, связанных с проживанием вне места постоянного жительства (суточные), при этом в указанной статье не упоминается выплата эксперту вознаграждения в связи с явкой в суд и за дачу показаний, такое вознаграждение, в соответствии с ч. 2 ст. 95 ГПК РФ, эксперт получает за выполненную им по поручению суда работу, а работа, которую выполняет эксперт по поручению суда, состоит, исходя из смысла положений действующего гражданского процессуального законодательства, в проведении экспертизы в соответствии с определением суда, подготовке и представлении в суд своего заключения по результатам проведенного исследования. Указанное заключение в соответствии со ст. 55 ГПК РФ является доказательством и именно эта работа подлежит оплате сторонами либо за счет средств бюджета.

Показания эксперта, которые он дает в судебном заседании в ходе допроса, самостоятельного процессуального значения не имеют и не являются самостоятельным видом доказательств, а допрос эксперта проводится, согласно ст. 187 ГПК РФ, в целях разъяснения и дополнения экспертом своего заключения, то есть в той ситуации, когда заключение эксперта обладает такими недостатками как неполнота и неясность, которые могут быть устранены без проведения дополнительного исследования. Исходя из этого, представляется, что дача экспертом показаний в суде после представления им своего заключения не является самостоятельной работой, которая требует выплаты самостоятельного вознаграждения, помимо оплаты работы, связанной с проведением экспертизы и подготовкой заключения, а служит средством восполнения недостатков уже проделанной работы, поэтому, на наш взгляд, не должна оплачиваться дополнительно, помимо оплаты за проведение экспертизы, а эксперт в случае его вызова в суд имеет право на возмещение его расходов на проезд, найм жилого помещения и проживание вне места жительства, которые должны, естественно, документально подтверждаться.

Хотя реалии судебной практики несколько иные и большинство экспертов, особенно негосударственных экспертных учреждений, не являются в суд без предварительной оплаты их работы, связанной с

дачей показаний в судебном заседании после подготовки заключения эксперта, считая ее дополнительной работой, требующей оплаты.

Между тем, ГПК РФ предусматривает способ борьбы с такой недобросовестностью экспертов, которые отказываются явиться в суд для дачи показаний без предварительной оплаты их явки, а именно на эксперта может быть наложен штраф (ч.2 ст. 168 ГПК РФ), причем количество штрафов законом не ограничено.

Примечательно, что ч. 14 ст. 49 КАС РФ сформулирована таким образом, что она более четко определяет, на какие денежные средства может рассчитывать эксперт, вызванный в судебное заседание: «Эксперту, вызванному в суд, возмещаются расходы, связанные с явкой в суд и проживанием (расходы на проезд, наем жилого помещения и дополнительные расходы, связанные с проживанием вне места постоянного жительства (суточные)». Таким образом, эксперту в случае его вызова в суд возмещаются только расходы, но не выплачивается вознаграждение, а вознаграждение ему выплачивается, как указано в предыдущем предложении данной нормы, за выполненную работу, каковой в соответствии с ч. 1 ст. 49 КАС РФ является проведение экспертизы и дача заключения по вопросам, постановленным перед экспертом и требующим специальных знаний.

В соответствии со ст. 98 ГПК РФ стороне, в пользу которой вынесено решение суда, с другой стороны взыскиваются все понесенные ею судебные расходы, которые, в соответствии с ч. 1 ст. 88 ГПК РФ, состоят из государственной пошлины и издержек, связанных с рассмотрением дела, пропорционально размеру удовлетворенных исковых требований. Данное положение касается и расходов, понесенных стороной в связи с проведением судебной экспертизы, отнесенных ст.94 ГПК РФ к судебным издержкам. Казалось бы данное положение не вызывает никаких вопросов и не предполагает никаких вариантов развития событий, кроме одного – проведение экспертизы оплачено стороной, следовательно, в случае вынесения решения в ее пользу с противоположной стороны подлежат взысканию данные расходы пропорционально размеру удовлетворенных требований. Однако в судебной практике возник вопрос, как следует поступить суду в той ситуации, когда сторона оплатила проведение экспертизы, однако полученное в результате проведения такой экспертизы заключение эксперта не было принято судом в качестве доказательства по делу по причине его недопустимости или недостоверности. Подлежат ли в такой ситуации возмещению понесенные стороной судебные расходы

по оплате проведения судебной экспертизы, если решение было полностью или частично вынесено в пользу этой стороны?

Как показывает анализ судебной практики, суды предлагают несколько вариантов решения данной проблемы.

Прежде всего, необходимо отметить, что подход судов различается в зависимости от того, о какой экспертизе идет речь – судебной или внесудебной.

Если речь идет о взыскании расходов за проведение внесудебной экспертизы по инициативе одной из сторон и, как правило, до возбуждения производства по делу, да еще и в условиях последующего, в ходе рассмотрения дела по существу, проведения судебной экспертизы, то одни суды взыскивают такие расходы с проигравшей стороны со ссылкой на необходимость их несения с целью обращения в суд, обоснования размера взыскиваемых сумм и правомерности заявленных требований¹, другие суды отказывают в их взыскании с указанием на то, что результаты несудебной экспертизы не были приняты судом как допустимое доказательство, с достоверностью подтверждающее причиненный ущерб, по делу была назначена судебная экспертиза, результаты которой и были положены в основу решения суда².

Безусловно, результаты несудебной экспертизы могут быть приняты судом в ходе рассмотрения дела только в качестве письменных доказательств, ни в коем случае их нельзя приравнивать к заключению эксперта как самостоятельному виду доказательств, в связи с чем и подход к взысканию расходов на проведение такой несудебной экспертизы должен быть иным, нежели к взысканию расходов за проведение судебной экспертизы.

На наш, взгляд при взыскании с проигравшей стороны в пользу выигравшей спор стороны ее расходов за проведение несудебной экспертизы и подготовку отчета или заключения специалиста необходимо ориентироваться на содержание ст. 94 ГПК РФ, согласно которой

---

¹ См., например, апелляционное определение Верховного Суда Республики Башкортостан от 05.08.2014 г. № 33-10078/2014, апелляционное определение Оренбургского областного суда от 28.04.2016 г. № 33-3284/2016, апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 15.09.2015 г. № 33-16350/2015, апелляционное определение Алтайского краевого суда от 20.10.2015 г. № 33-10056/2015, апелляционное определение Московского городского суда от 04.09.2014 г. № 33-31494 // Справочно-поисковая система КонсультантПлюс.

²² См., например, апелляционное определение Приморского краевого суда от 17.07.2017 г. № 33-7267/2017, апелляционное определение Самарского областного суда от 01.11.2017 г. № 33-13562/2017, апелляционное определение Свердловского областного суда от 08.09.2015 г. № 33-12338/2015 // Справочно-поисковая система КонсультантПлюс.

к издержкам, связанным с рассмотрением дела, относятся любые признанные судом необходимыми расходы, и разъяснения, которые дал Верховный Суд Российской Федерации в пункте 10 постановления Пленума от 21.01.2016 г. № 1 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении издержек, связанных с рассмотрением дела». В соответствии с этими разъяснениями лицо, заявляющее о взыскании судебных издержек, должно доказать факт их несения, а также связь между понесенными указанным лицом издержками и делом, рассматриваемым судом с его участием. Перечень судебных издержек, предусмотренный ГПК РФ, не является исчерпывающим. Так, расходы, понесенные истцом в связи с собиранием доказательств до предъявления искового заявления в суд, могут быть признаны судебными издержками, если несение таких расходов было необходимо для реализации права на обращение в суд и собранные до предъявления иска доказательства соответствуют требованиям относимости, допустимости (п. 2 указанного Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации)¹.

Таким образом, расходы, понесенные стороной по делу в связи с оплатой проведения несудебной экспертизы, подлежат взысканию с проигравшей стороны, если сторона, претендующая на взыскание этих расходов в свою пользу, докажет, что они были необходимы для реализации права на обращение в суд или для обоснования своей позиции по делу.

Иная ситуация складывается с взысканием расходов, понесенных стороной в связи с оплатой проведения судебной экспертизы, которые ст. 94 ГПК РФ прямо отнесены к судебным издержкам.

На наш взгляд, данные расходы в любом случае подлежат взысканию той стороне, в пользу которой было вынесено решение, пропорционально размеру удовлетворенных исковых требований, если эти расходы были понесены данной стороной, независимо от того, было ли положено соответствующее заключение эксперта, проводившего судебную экспертизу, в основу решения суда либо суд, оценив заключение эксперта, которое не имеет для суда заранее установленной силы, по правилам статей 67 и 86 ГПК РФ, не принял его в качестве доказательства по делу. Данный вывод основывается на том, что действующее гражданское процессуальное законодательство, а именно ст. 98 ГПК РФ, в качестве единственного критерия присуждения судебных расходов с проигравшей стороны в пользу выигравшей спор стороны предусматривает вывод суда о правомерности или не-

---

¹ Справочно-поисковая система КонсультантПлюс.

правомерности заявленного истцом требования. Гражданское процессуальное законодательство не предусматривает в качестве критерия взыскания с проигравшей стороны понесенных противоположной стороной судебных расходов использование или неиспользование судом при вынесении решения того или иного доказательства, для получения которого сторона понесла определенные расходы. Следовательно, независимо от того, использовал ли суд при вынесении решения заключение эксперта как одно из доказательств, обосновывающее выводы суда, которое суд оценил при постановке решения на основе принципа свободной оценки судебных доказательств, либо отказался от использования при вынесении решения заключения эксперта, поскольку оно не отвечает критериям относимости, допустимости или достоверности, сторона, понесшая расходы на проведение судебной экспертизы, результатом которой стало получение заключения эксперта, должна иметь возможность в случае вынесения решения в ее пользу на возмещение этих расходов противоположной стороной, проигравшей спор. Данный вывод подтверждается, в частности, позицией Конституционного Суда Российской Федерации, содержащейся в Определении от 26.04.2016 г. № 826-О¹, а также судебной практикой².

Учитывая приведенные выше соображения, нельзя согласиться с позицией некоторых судов, которые отказывают во взыскании расходов, понесенных стороной, в пользу которой состоялось решение суда, на проведение судебной экспертизы на основании того, что заключение эксперта, проводившего судебную экспертизу, не было положено в основу решения суда³. Тем более, как мы полагаем, нельзя возлагать на сторону неблагоприятные последствия, связанная с отказом в возмещении ей расходов на проведение судебной экспертизы, в той ситуации, когда отказ суда от использования заключения эксперта, полученного в результате проведения такой судебной экспертизы, был вызван недостатками заключения эксперта, ставящими под сомнение его достоверность или делающими его недопустимым доказа-

---

¹ Справочно-поисковая система КонсультантПлюс.

² См., например, апелляционное определение Московского городского суда от 20.09.2013 г. № 11-27471, апелляционное определение Верховного Суда Республики Татарстан от 02.04.2015 г. № 33-4002/2015 // Справочно-поисковая система КонсультантПлюс.

³ См., например, апелляционное определение Верховного Суда Удмуртской Республики от 16.10.2013 г., апелляционное определение Брянского областного суда от 17.02.2015 г. № 33-545/2015, апелляционное определение Волгоградского областного суда от 21.12.2016 г. № 33-251/2017, апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 12.04.2017 г. № 33-6700/2017 // Справочно-поисковая система КонсультантПлюс.

тельством, поскольку в такой ситуации сторона, добросовестно выполнившая возложенную на нее судом обязанность по предварительной оплате проведения судебной экспертизы несет риск неблагоприятных последствий, связанных с отказом в возмещении ей соответствующих судебных расходов, в случае получения некачественного заключения эксперта, что явно не будет способствовать своевременному выполнению стороной обязанности по предварительной оплате возложенных на нее судом расходов по проведению судебной экспертизы и приведет, в конечном итоге, к затягиванию сроков проведения судебной экспертизы и, как следствие, к затягиванию сроков рассмотрения гражданского дела судом.

Ротань Владимир Гаврилович,
доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой гражданского и трудового права
Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского

Некоторые вопросы толкования правовых норм института обязательств вследствие причинения вреда

Гражданское законодательство изобилует положениями, которые являются исключительно сложными для понимания, а соответственно – и для толкования. Оно изобилует также коллизиями, которые являются настолько сложными, что инструментарием их разрешения не владеет практически никто. При таких условиях положения гражданского законодательства толкуются, а коллизии между предписаниями гражданского права (правовыми нормами) разрешаются интуитивно. Субъект толкования при этом, совершенно естественно, не раскрывает субъекту, для которого он это толкование осуществляет, секрет логического дискурса, через посредство которого он пришел к выводу о содержании соответствующего положения акта гражданского законодательства, или о способе разрешения соответствующей коллизии, поскольку такой дискурс вообще отсутствует, а следовательно, отсутствует и его секрет. Это касается и доктринального толкования, хотя бы его осуществлял ученый самой высшей квалификации, и судебного толкования, хотя бы его субъектом был Пленум Верховного Суда Российской Федерации.

Общепризнанно и не подвергается какому-либо сомнению, что положения параграфа второго главы 59 Гражданского кодекса регу-

лируют гражданские отношения, круг которых очерчивается в ст.1084 ГК («вред, причиненный жизни или здоровью гражданина при исполнении договорных обязательств, а также при исполнении обязанностей военной службы, службы в полиции и других соответствующих обязанностей возмещается по правилам, предусмотренным настоящей главой, если законом или договором не предусмотрен более высокий размер ответственности»). Легко, однако, заметить, что этот круг является значительно более узким, чем круг общественных отношений, которые регламентируются институтом обязательств вследствие причинения вреда и которые определяются положением абзаца первого п.1 ст.1064 ГК («вред, причиненный личности или имуществу гражданина, а также вред, причиненный имуществу юридического лица, подлежит возмещению в полном объеме лицом, причинившим вред»).

Правда, и положение абзаца первого п.1 ст.1064 ГК является непростым для толкования. В частности, словосочетание «вред, причиненный личности» предполагает интерпретацию слова «личность». Субъектами гражданского права, следовательно, – и субъектами, имеющими право на возмещение вреда, являются лица – граждане (физические лица), как это предусмотрено главой третьей Гражданского кодекса. Этот же термин («гражданин») используется в положении абзаца первого п.1 ст.1064 ГК, когда речь идет о вреде, причиненном имуществу «гражданина», а также в п.1 ст.1099 ГК, когда речь идет о компенсации морального вреда, причиненного «гражданину». Если и имущественный и моральный вред причиняется и возмещается (компенсируется) гражданину, то возникает вопрос о том, что же означает словосочетание «вред, причиненный личности». Обращение к п.1 ст.150 ГК, в котором употребляется термин «достоинство личности», ничего не проясняет, поскольку этим словосочетанием в данном законодательном положении обозначается одно из нематериальных благ, «принадлежащих гражданину от рождения или в силу закона». Какие – либо другие положения гражданского законодательства также не помогают раскрыть содержание термин «вред, причиненный личности». Обращение к определению понятия личности в философской литературе также не дает никакого положительного результата. Поэтому указанный термин следует толковать в том значении, которое ему можно придать исходя из содержания главы 59 Гражданского кодекса. Во-первых, термин «вред, причиненный личности» не охватывает собой вред, причиненный имуществу гражданина, поскольку эти два вида вреда называются в п.1 ст.1064 ГК отдельно. Во-вторых, термином «вред, причиненный личности» не

охватывается моральный вред, причиненный гражданину, о котором (вреде) речь идет в п.1 ст.1099 ГК. Поэтому следует сделать вывод о том, что термин «вред, причиненный личности» обозначает вред, который не охватывается термином «вред, причиненный имуществу гражданина» и «моральный вред, причиненный гражданину». Не охватывается этими двумя видами вреда, но охватывается родовым понятием вреда имущественный вред, причиненный смертью или повреждением здоровья гражданина, о котором (вреде) речь идет в ст.1084 ГК. Следовательно, употребляемый в п.1 ст.1064 ГК термин «вред, причиненный личности» следует интерпретировать как имущественный вред, причиненный в результате смерти или повреждением здоровья гражданина. В данном случае следует обратить внимание не только на полученный нами результат толкования термина «вред, причиненный личности гражданина», но и на ряд (цепь) последовательных логических суждений (дискурс), который привел к этому результату. Этот дискурс является своеобразным и может дополнить собою арсенал логических инструментов толкования терминов.

Таким образом, общее правило п.1 ст.1064 ГК предусматривает, в частности возмещение вреда, причиненного личности гражданина (имущественного вреда, причиненного в результате смерти или повреждения здоровья гражданина). Из этого общего правила устанавливаются исключения: вред не возмещается, если его причинитель докажет отсутствие своей вины в причинении вреда (из этого исключения есть свое исключение, установленное п.1 ст.1079 ГК). Однако из ст.1084 ГК вытекает еще одно исключение. Оно текстуально в этой статье не закреплено, но логически оно в ней содержится: имущественный вред, причиненный в результате смерти гражданина или повреждения его здоровья, не возмещается в случаях, не предусмотренных ст.1084 ГК. Это правило обнаруживается при толковании ст.1084 ГК при помощи вывода *a contrario*.

В этой связи возникает вопрос о том, какие же случаи такого рода не предусмотрены ст.1084 ГК. Не охватываются этой статьей случаи, когда причинение вреда не связано с исполнением потерпевшим договорных обязательств или обязанностей военной службы, службы в полиции и других соответствующих обязанностей. Выходит, что формулировкой ст.1084 ГК не охватывается вред, причиненный смертью потерпевшего или повреждением его здоровья, если он не состоял с причинителем вреда в договорном обязательстве или в правоотношении по поводу военной службы, службы в полиции или выполнения других соответствующих обязанностей. Правовые пред-

писания, которые логически закрепляются в актах законодательства и обнаруживаются при помощи вывода *a contrario* (такой вывод выше был сделан из ст.1084 ГК), как позволяют утверждать результаты наших собственных исследований, по общему правилу, не могут конкурировать с текстуально закрепленными предписаниями, в том числе общими. Подчеркнем, что из этого общего правила есть исключения, о которых здесь нет возможности вести речь, но приведенное общее правило не должно вызывать сомнений. Таким образом, ст.1084 ГК не исключает применения общего правила абзаца первого п.1 ст.1064 ГК, которая допускает возмещение причинителем имущественного вреда, который возник на стороне потерпевшего в случае повреждения его здоровья или на стороне его иждивенцев, если наступила смерть потерпевшего, в случаях, когда причинитель вреда и потерпевший не были связаны договорным обязательством или правоотношением по поводу военной службы, службы в полиции или по поводу исполнения иных соответствующих обязанностей. Вред в этих случаях возмещается на основании п.1 ст.1064 ГК с применением соответствующих положений параграфа второй главы 59 Гражданского кодекса. Таким образом, ст.1064 ГК является основанием возмещения имущественного вреда, возникшего на стороне потерпевшего или его иждивенцев в результате повреждения здоровья или смерти потерпевшего, в случаях, когда причинитель вреда и потерпевший не состояли в указанных выше правоотношениях. Как видим, понадобился довольно сложный логический дискурс и довольно сложный методологический инструментарий, чтобы расширить сферу возникновения обязательств вследствие причинения вреда или причинения смерти по сравнению с тем, как она определена в ст.1084 ГК.

Еще труднее поддается интерпретации ст.1084 ГК, если попытаться решить вопрос о том, применяется ли она в случаях повреждения здоровья работников или причинения им смерти при исполнении трудовых обязанностей (в том числе при профессиональном заболевании). Текст ст.1084 ГК не дает оснований для положительного ответа на поставленный вопрос. Во-первых, повреждение здоровья или смерть при исполнении трудовых обязанностей не подпадает под формулировку ст.1084 ГК «при исполнении договорных обязательств», поскольку термин «договорные обязательства», как можно сделать вывод из п.1 ст.3, п.2 ст.547 ГК, в гражданском законодательстве понимается как гражданские обязательства, основанные на договорах. Во-вторых, исполнение трудовых обязанностей не может быть подведено по формулировку ст.1084 ГК «при исполнении ... других

соответствующих обязанностей», поскольку под этой формулировкой понимается исполнение таких обязанностей, которые являются подобными исполнению названных в ст.1084 ГК обязанностей военной службы, службы в полиции.

Не исключается, однако, что другие федеральные законы предусматривают распространение действия ст.1084 ГК на случаи повреждения здоровья или смерти при исполнении трудовых обязанностей. Обратимся в этой связи к Федеральному закону «Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев при производстве и профессиональных заболеваний». Положение абзаца первого п.2 ст.1 названного Федерального закона («настоящий Федеральный закон не ограничивает права застрахованных на возмещение вреда, осуществляемого в соответствии с законодательством Российской Федерации, в части, превышающей обеспечение по страхованию, осуществляемое в соответствии с настоящим Федеральным законом») не дает основания для распространения действия параграфа второго главы 59 Гражданского кодекса на рассматриваемые отношения. Это положение лишь допускает распространение в соответствующей части на отношения по поводу возмещения вреда, причиненного повреждением здоровья или смертью работника при исполнении им трудовых обязанностей, того законодательства, которое распространяется на такие отношения в силу иного указания закона (а не приведенного выше положения абзаца первого п.2 ст.1 Федерального закона «Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний»).

Не может рассматриваться как общее основание для распространения параграфа второго главы 59 Гражданского кодекса и положение абзаца первого п.3 ст.8 названного Федерального закона («вред, причиненный жизни или здоровью физического лица при исполнении им обязательств по гражданско-правовому договору, предметом которого являются выполнение работ и (или) оказание услуг, договору авторского заказа, в соответствии с которыми не предусмотрена обязанность заказчика по уплате страховых взносов страховщику, возмещается причинителем вреда в соответствии с законодательством Российской Федерации»). Оно касается только частных случаев и лишь в части этих случаев допускает применение гражданского законодательства к отношениям по поводу возмещения причинителем (работодателем) вреда, причиненного работнику вследствие повреждения здоровья или иждивенцам работника вследствие его смерти в связи с исполнением трудовых обязанностей.

Что касается положения абзаца второго того же пункта («возмещение застрахованному морального вреда, причиненного в связи с несчастным случаем на производстве или профессиональным заболеванием, осуществляется причинителем вреда»), то оно дает основания для распространения на рассматриваемые отношения только правил Гражданского кодекса о компенсации морального вреда (ст.1099 – 1101 ГК). И все же судебная практика пошла по пути применения положений параграфа второго главы 59 Гражданского кодекса к отношениям по поводу возмещения имущественного вреда, причиненного повреждением здоровья или смертью работников в результате несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний, если размер возмещения по гражданскому законодательству превышает тот размер, который предусмотрен законодательством о социальном страховании, в части этого превышения. Заметим, что в отдельных регионах суды взыскивают с работодателей денежные суммы в порядке возмещения вреда, причиненного повреждением здоровья работников в результате несчастных случаев на производстве или профессиональных заболеваний, в соответствии с гражданским законодательством независимо от возмещения вреда в страховых правоотношениях. При этом ссылки судов на п.2 ст.1085 ГК («при определении утраченного заработка (дохода) пенсия по инвалидности, назначенная потерпевшему в связи с увечьем или иным повреждением здоровья, а равно другие пенсии, пособия и иные подобные выплаты, назначенные как до, так и после причинения вреда здоровью, не принимаются во внимание и не влекут уменьшения размера возмещения вреда (не засчитываются в счет возмещения вреда)») являются несостоятельными, поскольку правило о том, что не учитываются «пенсии, пособия и иные подобные выплаты» могло бы учитываться, если бы было основание для распространения действия положений параграфа второго главы 59 Гражданского кодекса на случаи повреждения здоровья или смерти работников в связи с исполнением трудовых обязанностей. Однако же наличие оснований для распространения гражданского законодательства на такие отношения необходимо еще доказать. Выходит, что возникла ситуация, о которой Р.ф. Иеринг писал так: «Какую пользу приносят точнейшие и подробнейшие законы, если судья ... при самом сильном желании едва способен овладеть ими?» [1, с.331].

В информационно-поисковой системе «Консультант-Плюс» при изложении приведенного выше положения предложения первого п.2 ст.1 Федерального закона «Об обязательном социальном страховании

от несчастных случаев и профессиональных заболеваний» слово «законодательством» выделяется синим цветом, а при наведении на него курсора появляется указание на главу 59 Гражданского кодекса. Но при этом остается без ответа вопрос о том, с помощью каких логических суждений сделан этот вывод.

Секрет своего дискурса не раскрывает и Пленум Верховного Суда, когда разъясняет, что «в соответствии с пунктом 2 статьи 1 Федерального закона от 24 июля 1998 г. №125 – ФЗ права застрахованных лиц на возмещение вреда, осуществляемое в соответствии с законодательством Российской Федерации, в части, превышающей обеспечение по страхованию, производимое на основании данного Федерального закона, не ограничиваются: работодатель (страхователь) несет ответственность за вред, причиненный жизни или здоровью работника при исполнении им трудовых обязанностей, в порядке, закрепленном главой 59 Гражданского кодекса Российской Федерации ...» (п.6 Постановления от 10 марта 2011 г. №2 «О применении судами законодательства об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний»). Между тем, сам по себе п.2 ст.1 названного Федерального закона не дает основания для распространения главы 59 Гражданского кодекса на рассматриваемые отношения. Такое основание появляется только после того, как будет разрешена (в пользу положения абзаца первого п.1 ст.1064 ГК) коллизия между предписаниями этого законодательного положения и предписанием, которое логически закреплено в ст.1084 ГК и обнаруживается при помощи вывода *a contrario*. Но такой методологический инструментарий не принято использовать ни при судебном ни при доктринальном толковании законодательства.

Даже и наука едва способна овладеть таким законодательным материалом. В частности, В.А. Белов пишет: «Если уж и говорить о каком-то «исключении» применения норм ГК (к отношениям по поводу возмещения вреда, причиненного повреждением здоровья или смертью работника в связи с исполнением трудовых обязанностей. – В.Р.), то лишь в количественном, но не качественном отношении, то есть в том смысле, что нормы ГК не могут применяться для повторного возмещения вреда, уже однажды возмещенного из средств Фонда социального страхования, – только для возмещения той части, которая в порядке социального страхования осталась не покрытой [2, с.609 – 610]. В конечном счете это утверждение является правильным, но непрерывность логического дискурса от ст.1084 ГК через разрешение коллизии между этой статьей и п.1 ст.1064 ГК к п.2 ст.1 Феде-

рального закона «Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний» и обратно к ст.1085 – 1094 ГК восстанавливать необходимо.

Не менее трудно понять и законодательные положения, касающиеся возмещения морального вреда, причиненного повреждением здоровья работников вследствие несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний. В соответствии с положением абзаца второго п.3 ст.8 Федерального закона «Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний» возмещение застрахованному морального вреда, причиненного в связи с несчастным случаем на производстве или профессиональным заболеванием, осуществляется причинителем вреда. Из этого пункта нельзя сделать определенный вывод о том, в форме каких правоотношений должен возмещаться моральный вред. Судя по тому, что в указанном пункте речь идет о «возмещении» морального вреда (а не о его «компенсации», как в гражданском законодательстве), законодатель стремился приблизить содержание п.3 ст.8 названного Федерального закона к ст.237 ТК, в которой употребляется термин «возмещение» (а не «компенсация») морального вреда. Но само по себе употребление термина «компенсация» в ст.237 ТК и п.3 ст.8 Федерального закона «Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний» не является достаточным для того, чтобы исключить гражданско-правовую квалификацию отношений по поводу возмещения работникам морального вреда, причиненного повреждением здоровья в связи с исполнением ими трудовых обязанностей. Достаточным для этого является специальный характер правовой нормы, установленной ст.237 ТК («моральный вред, причиненный работнику неправомерными действиями или бездействием работодателя, возмещается работнику в денежной форме в размерах, определяемых соглашением сторон трудового договора»). Правовая норма, установленная п.1 ст.1099 ГК, вместе со ст.151 ГК, к которой она отсылает, распространяется на все отношения по поводу компенсации морального вреда. Поэтому она является общей правовой нормой, которая не может конкурировать при правоприменении со специальной правовой нормой установленной ст.237 ТК.

В ст.237 ТК не указывается на вину как условие возникновения правоотношения по возмещению работодателем морального вреда, который он причинил работнику, в частности, путем повреждения его здоровья при исполнении им трудовых обязанностей. Но ст.237 ТК

включена в главу 38 Трудового кодекса, которая имеет заглавие «Материальная ответственность работодателя перед работником». Здесь мы должны признать регулятивное значение статей, глав, разделов законодательных актов и сделать вывод о том, что отношения по поводу возмещения работодателем морального вреда, причиненного им работнику, распространяются правила с материальной ответственности сторон трудового договора. А материальная ответственность сторон трудового договора наступает при наличии их вины (ст.233 ТК). Следовательно, и ответственность работодателя перед работником за причинение морального вреда наступает при наличии его вины.

В связи с этим выводом возникает коллизия между ст.237 ТК (с учетом ст.233 ТК) и абзацем вторым ст.1100 ГК, в соответствии с которым моральный вред, причиненный источником повышенной опасности, компенсируется независимо от вины. Эта коллизия сама по себе относится к числу логически неразрешимых коллизий. А разрешается она путем обращения к ст.2 Конституции, признающей человека, его права и свободы высшей ценностью, в пользу работника. Это означает, что преимущественному применению подлежит ст.1100 ГК, поскольку она устанавливает более благоприятные для потерпевшего (работника) условия возмещения морального вреда.

В связи с причинением смерти кормильцу право на возмещение имущественного вреда получают нетрудоспособные лица, состоявшие на иждивении умершего или имевшие ко дню его смерти право на получение от него содержания» (п.1 ст.1088 ГК), а также иные лица, указанные в этом пункте. Каждому из этих лиц вред возмещается «в размере той доли заработка (дохода) умершего ... которую они получали или имели право получать на свое содержание при его жизни» (п.1 ст.1089 ГК). Однако среди лиц, имеющих право на возмещение вреда, есть и такие, которые при жизни потерпевшего не получали от него содержания и не имели права на его получение (эти лица перечислены в абзацах третьем – шестом п.1 ст.1088 ГК). К ним приведенное выше положение п.1 ст.1089 ГК применяется по аналогии. Законодателю следовало бы дополнить п.1 ст.1089 ГК таким образом, чтобы восполнить указанный пробел и исключить необходимость применения аналогии закона. Однако к аналогии проблемы применения п.1 ст.1089 ГК не сводятся. Основная проблема заключается в том, что это весьма общее положение теперь необходимо истолковать до такой стадии подробно, чтобы его можно было непосредственно применить к общественным отношениям, которые в отдельных случаях могут представлять собой сложный комплекс. Эта проблема су-

ществовала в Гражданском кодексе всегда. Но раньше и был способ ее решения. Еще в 1963 г. Пленум Верховного Суда Союза ССР разъяснил, что Правила возмещения предприятиями, учреждениями, организациями ущерба, причиненного рабочим и служащим повреждением здоровья, связанного с их работой [3], применяются к отношениям по поводу возмещения вреда лицами, не являющимися страхователями потерпевших, то есть лицами, в отношении которых потерпевшие не являются рабочими и служащими [4]. Эта практика была продолжена и после утверждения Постановлением Верховного Совета РФ новых Правил возмещения работодателем вреда, причиненного работникам увечьем, профессиональным заболеванием либо иным повреждением здоровья, связанным с исполнением ими трудовых обязанностей [5], и принятия Гражданского кодекса 1994 г. То есть, несмотря на четкое указание в названиях Правил 1961 г. и Правил 1992 г. на их трудо-правовой характер, судебная практика признала их источниками гражданского права, и стала применять их к отношениям, не связанным с повреждением здоровья или причинением смерти при исполнении трудовых обязанностей.

Поэтому судья Верховного Суда РФ В.В. Глянец (в издании 1998 г.) писал, что положение предложения первого п.1 ст.1089 ГК устанавливает «лишь общий принцип», а расчет размера возмещения должен осуществляться в соответствии с упомянутыми Правилами [6, с.703]. Но вскоре Правила были отменены (абзац четвертый ст.29 Федерального закона «Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний»). При таких условиях упомянутый «принцип» следует применять как норму прямого действия.

Внимание привлекает прежде всего альтернатива, содержащаяся в п.1 ст.1089 ГК («получали или имели право получать»). Сложность толкования приведенного словосочетания обусловлена тем, что оно предусматривает два варианта. Если нетрудоспособное лицо фактически получало содержание от потерпевшего (умершего), хотя и не имело права на его получение, размер возмещения будет определяться размером доли, которую это лицо фактически получало при жизни кормильца. Если нетрудоспособное лицо имело право получать содержание от потерпевшего, но фактически его не получало, размер возмещения определяется той долей заработка (дохода) умершего, на которую лицо имело право при жизни потерпевшего (умершего). Если же лицо и фактически получало содержание от потерпевшего (умершего) и имело право его получать, то очевидно, тот выбор, ко-

торый лицо имело при жизни потерпевшего (получать содержание в фактически получаемом размере или требовать изменения этого размера, приведения его в соответствие с законом), оно должно сохранить и после смерти потерпевшего (кормильца).

Из п.1 ст.1089 ГК можно сделать вывод о том, что лица, имеющие право на возмещение вреда в связи со смертью кормильца, делятся на две категории: 1) лица, которые получали от потерпевшего (умершего) средства на содержание в соответствии с договором или на основании решения суда в процентах от заработка (дохода) потерпевшего в соответствии с семейным (ст.85, 87, 89, 90, 93, 94, 95, 96, 97 СК) или гражданским (ст.1084 ГК) законодательством; 2) лица, которые входили в состав семьи потерпевшего (умершего) и находились фактически на его содержании, хотя юридически размер доли заработка (дохода) потерпевшего (умершего), которую они получали, никогда не определялся. Размеры долей таких лиц, как и доли, приходившейся на самого кормильца, разумно признать равными. Отсюда следует, что после определения размера заработка (дохода) потерпевшего (умершего) в соответствии со ст.1086 ГК и прибавления к нему доходов, указанных в положении предложения второго п.1 ст.1089 ГК («при определении возмещения вреда этим лицам в состав доходов умершего наряду с заработком (доходом) включаются получаемые им при жизни пенсия, пожизненное содержание и другие подобные выплаты») из полученной суммы следует вычесть доли тех лиц, которые получали средства от потерпевшего (умершего) при его жизни на основании ст.85, 87, 89, 90, 93-97 СК и ст.1084 ГК или имели право на их получение. Остаток указанной суммы следует разделить на число, в которое входят сам потерпевший (умерший), нетрудоспособные лица, которые находились на его иждивении и имели право на получение от него содержания, нетрудоспособные лица, которые не находились на иждивении потерпевшего (умершего), но имели право на получение от него содержания, нетрудоспособные лица, которые находились на иждивении потерпевшего (умершего), но не имели права на получение от него содержания, трудоспособные лица, находившиеся на его иждивении потерпевшего (умершего) и, естественно, не имевшие права на получение от него содержания. Частное от деления составляет сумму ежемесячного возмещения вреда на каждого из иждивенцев, указанных в п.1 ст.1088 ГК. Если возмещение должно начаться выплачиваться ребенку умершего, родившемуся после его смерти, и (или) лицам, занятым уходом за находившимися на иждивении потерпевшего (умершего) детьми, внуками,

братьями и сестрами умершего, то перерасчет размера возмещения производится исходя из того заработка (дохода), который использовался для первоначального расчета, а количество лиц (знаменатель дроби) увеличивается на количество новых лиц, которым будет производится возмещение (родившийся ребенок и лицо, занятое уходом).

В тех случаях, когда возмещение вреда назначается лицам, которые были трудоспособными, но состояли на иждивении умершего, а потом стали нетрудоспособными в течение срока, не превышающего пяти лет после смерти потерпевшего (умершего), как это предусмотрено абзацем пятым п.1 ст.1088 ГК, перерасчет размера возмещения на каждого иждивенца не производится.

Изложенное показывает, что толкование положений главы 59 Гражданского кодекса представляет сложность и порождает при применении проблемы, разрешение которых является затруднительным. Поэтому представляются необходимыми: 1) изложение главы 59 Гражданского кодекса в новой редакции; 2) разъяснение наиболее сложных вопросов толкования положений этой главы Пленумом Верховного Суда (в дополнение к Постановлениям Пленума Верховного Суда от 26 января 2010 г. №3 «О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни и здоровью гражданина» и от 10 марта 2011 г. №2 «О применении судами законодательства об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний»); 3) начать хотя бы подготовку к освоению практикующими юристами учения о правотолковании.

Литература

1. Иеринг Р.ф. Избранные труды. В 2 т. Т.II. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2006. – 547 с.

2. Белов В.А. Гражданское право. Т.IV. Особенная часть. Относительные гражданско-правовые формы: учебник для бакалавров. – М.: Юрайт, 2013. – 1085 с.

3. Правила возмещения предприятиями, учреждениями, организациями ущерба, причиненного рабочим и служащим увечьем либо иным повреждением здоровья, связанного с их работой, утвержденные постановлением Государственного комитета Совета Министров СССР по вопросам труда и заработной платы и Президиума ВЦСПС от 22 декабря 1961 г. №483/25 // Бюллетень Государственного комитета Совета Министров СССР по вопросам труда и заработной платы. – 1962. – №1. – С.8-25.

4. Постановление Пленума Верховного Суда СССР «О судебной практики по искам о возмещении вреда» // Бюллетень Верховного Суда СССР. – 1963. – №6. – С.13-22.

5. Правила возмещения работодателями вреда, причиненного работником увечьем, профессиональным заболеванием либо иным повреждением здоровья, связанным с исполнением ими трудовых обязанностей, утвержденные Постановлением Верховного Совета РФ от 24 декабря 1992 г. // Ведомости РФ. – 1993. – №2. – Ст.71.

6. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части второй (постатейный) / Под ред. О.Н. Садикова. – М.: Контракт; ИН-ФРА.М, 1998. – 799 с.

Самсонов Николай Владимирович,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры гражданского процессуального права
Ростовского филиала Российского государственного
университета правосудия,

Некоторые вопросы источников гражданского процессуального права

Проблема источников права всегда представляла повышенный интерес и имела значение не только для российских юристов, но и для всех представителей континентальной правовой системы. В настоящее время, как отмечает проф. Улетова Г.Д., в период качественного преобразования всей системы российского права проблемы его источников заметно актуализировались¹.

Дискуссионность вопроса об источниках права проявляется даже в том, что сам термин «источник права» является многозначным, применительно к различным целям исследования наполняется различным смыслом и в связи с этим используется юридической наукой в нескольких потенциальных значениях:

1) силы, творящие право (в данном контексте источником права в зависимости от мировоззренческой концепции можно считать волю Бога, волю господствующего класса, народную волю, правосознание общества, государственную власть и т. д.);

---

¹ Улетова Г.Д. Источники исполнительного права Российской Федерации. Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2007. С. 3.

2) материалы, послужившие основой для того или иного законодательства (например, Литовский статут выступил в качестве источника для Соборного Уложения Алексея Михайловича, научные исследования Эжена Потье – для гражданского кодекса Наполеона и т. д.);

3) источник знаний о праве – исторические памятники, позволяющие познать сущность и основные черты правовой системы государства в ту или иную историческую эпоху (например, тексты законов, зафиксированные в письменном виде правовые обычаи, судебные акты, археологические памятники юридической мысли и т. д.)¹, одновременно являющиеся основой для дальнейшего развития права (так, летописи, содержащие статьи Русской Правды, являются не только источником знаний о праве Киевской Руси, но и источником, из которого заимствовались некоторые нормы древнерусского права периода феодальной раздробленности);

4) средства внешнего выражения действующего права, конкретные акты, тексты, в которых оно закреплено.

Однако наиболее часто в юридической науке выделяют материальные и формальные источники права. Говоря о материальных источниках права, исследователи, как правило, понимают под ними причины, вызвавшие появление норм права и определившие их содержание. К таковым относятся поименованные в предыдущем перечне силы, творящие право. Под формальными источниками права подразумевают внешнюю форму выражения права, способ существования правовой нормы, что может воплощаться в законах и иных нормативных правовых актах, международных договорах, нормативных договорах, правовых обычаях, актах судебной власти (судебном прецеденте, руководящих разъяснениях высших судебных органов, актах толкования права и судебной практике в целом) и т. д.

Еще в начале XX века ученый-цивилист Г.Ф. Шершеневич отмечал, что такое разнообразие значений, придаваемых термину «источники права» в правовой науке, делает его «малопригодным ввиду своей многозначности», вследствие чего возникает необходимость заменить его другим выражением – «формы права», под которыми следует понимать различные виды права, отличающиеся по способу выработки (происхождению) содержания норм: государственная власть может выработать содержание норм сама и объявить их обществу уже в форме закона, а может делегировать полномочия по выработке таких норм иным органам и лицам и лишь скрепить своей санк-

---

¹ Шебанов А.Ф. О понятиях источника права и формы права // Правоведение. 1965. № 4. С. 23–33.

цией результат такой работы, придав созданным правилам обязательный юридический характер¹. Следует отметить, что в советской юридической науке были предприняты попытки развить данный подход, заменив термин «источники права» термином «формы права», однако такие попытки пока не увенчались успехом², и категория «источник права» на сегодняшний день продолжает активно использоваться в разных значениях.

Нам представляется, что многозначность термина «источник права» не препятствует его употреблению, если из контекста видно в каком смысле он применен. В противном случае следует четко фиксировать то значение, в котором используется данный термин: сила творящая право, ресурс заимствования, источник знаний о праве или форма права.

Для нас представляет научный интерес, прежде всего, исследование источников гражданского процессуального права в значении формы права, поскольку правильное понимание того, относится ли тот или иной феномен к источникам права, позволяет практикующим юристам верно оценивать правовую ситуацию, искать надлежащие пути разрешения юридического конфликта, а судам принимать правильные решения.

Анализ правовой доктрины, высказанных учеными-юристами точек зрения, действующего законодательства, актов высших судебных органов позволяет выделить несколько типов явлений правовой действительности, которые с разной степенью обоснованности и убедительности можно отнести к источникам права (в значении форм права) и следующим образом сгруппировать их по характеру происхождения:

- федеральное законодательство (Конституция Российской Федерации (далее Конституция), федеральные конституционные законы, иные федеральные законы);
- международные договоры Российской Федерации, а также общепризнанные нормы и принципы международного права;
- законодательство субъектов федерации;
- акты судебных органов (постановления Конституционного Суда Российской Федерации, решения Европейского Суда по правам че-

---

¹ Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. В 2-х т. Т.2. М.: Издание Братьев Башмаковых. 1910. С. 368–370.

² Муромцев Г.И. Источники права: теоретические аспекты проблемы // Правоведение. 1992. № 2. С. 23–30.

ловека, акты Верховного Суда Российской Федерации и судебная практика);

- подзаконные акты;
- акты органов местного самоуправления;
- правовой обычай, санкционированный либо не санкционированный государством;
- нормативные договоры;
- религиозные догмы;
- положения правовой доктрины и юридической теории.

Не все из перечисленных категорий можно назвать источниками гражданского процессуального права. Статус источника гражданского процессуального права как формы права бесспорно признается только за федеральным законодательством и международными договорами РФ. Вопрос о возможности отнесения иных из вышеперечисленных явлений к исследуемой категории продолжает вызывать дискуссии в современной юридической науке.

Однако в настоящее время уже не является аксиомой утверждение о том, что система источников отечественного гражданского процессуального права включает только Конституцию, международные договоры и федеральные (федеральные конституционные) законы. Ведь зачастую в судебной практике, особенно в практике низовых судов, мотивом принятия того или иного процессуального решения является ссылка на сложившуюся при разрешении аналогичных дел практику или на рекомендации вышестоящего суда. И для того чтобы избежать появления ошибок в правоприменительной деятельности, особенно ошибок при отправлении правосудия, правоприменители должны четко представлять, является ли сложившаяся в конкретном суде практика источником права, и если да, то входит ли она в число источников гражданского процессуального права, как соотносится с другими источниками. Аналогичные мысли возникают и при оценке постановлений вышестоящих судов – это акт толкования права? руководящее разъяснение? или судебный прецедент? и каково соотношение данного феномена с источниками гражданского процессуального права? Эти вопросы являются предметом достаточно активной дискуссии в юридической науке, однако проблемы источников ими не исчерпываются.

По нашему мнению, не все так просто и с нормативными правовыми актами как источниками гражданского процессуального права. Нормативные правовые акты представляют собой сложную иерархическую систему. Высшую юридическую силу среди них имеет Кон-

ституция, которой не должны противоречить все принимаемые в Российской Федерации законы и иные правовые акты. Затем по степени убывания юридической силы и в порядке соподчиненности идут федеральные конституционные законы, федеральные законы (кодифицированные, каковыми являются ГПК и АПК, и некодифицированные, например Федеральный закон от 17 декабря 1998 г. № 188-ФЗ «О мировых судьях в Российской Федерации»), указы Президента РФ, постановления Правительства РФ, нормативные правовые акты иных федеральных органов государственной власти¹.

Как отмечалось выше, статус источника гражданского процессуального права как формы права бесспорно признается только за федеральными (федеральными конституционными) законами и международными договорами. Что же касается возможности признания источниками гражданского процессуального права таких нормативных правовых актов как Указы Президента РФ, Постановления Правительства РФ и акты более низкого иерархического уровня, то мы полагаем, что современное правовое регулирование отрицает такую возможность. Эта позиция основывается на положениях п. «о» ст. 71, ч. 1 ст. 120 Конституции и ст. 1 ГПК, совокупное толкование которых приводит к однозначному выводу о невозможности регулирования порядка гражданского судопроизводства нормативными правовыми актами, находящимися в иерархии на более низких чем федеральный закон уровнях. Ни Президент РФ, ни Правительство РФ, ни Федеральное Собрание РФ (кроме случаев принятия законов), ни федеральные органы исполнительной власти, а тем более иные органы и организации не могут устанавливать обязательные для суда правила отправления правосудия, регламентировать порядок судопроизводства, в том числе гражданского. Иной подход подрывал бы независимость судебной власти и принцип разделения властей.

Тем не менее, новейшей истории отечественного процессуального права такие случаи известны и достаточно подробно описаны в специальной литературе². И хотя нормативные правовые акты уровнем ниже федерального закона, приводившиеся в качестве примеров источников процессуального права, либо как Указ Президента РФ

---

¹ Жилин Г.А. Источники гражданского и арбитражного процессуального права // Российский ежегодник гражданского и арбитражного процесса. 2007. № 6 / под ред. В.В. Яркова. СПб.: Юридическая книга, 2008. С. 73–92.

² Удалов Д.Э. Источники процессуального права (общетеоретический аспект): дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. С. 73–129.

«О государственной пошлине»¹ в настоящее время утратили силу, либо как административные регламенты и инструкции по судебному делопроизводству не определяли и не определяют порядок гражданского судопроизводства и, следовательно, не являются источниками (формами) гражданского процессуального права, сама возможность их существования заставляет задуматься о том, чем их появление было вызвано к жизни. Маловероятно, что стремлением иных ветвей власти узурпировать власть судебную, желанием ограничить независимость судей или ликвидировать разделение властей. Такие нормативные правовые акты, мы убеждены, появились в связи с тем, что законодатель, связанный достаточно сложным законодательным процессом, не успевал за насущными нуждами общества в сфере судопроизводства, не мог своевременно реагировать на вновь возникающие и изменяющиеся потребности в правовом регулировании. В настоящее время мы можем назвать среди подзаконных актов, которые, возможно, могут быть отнесены к источникам гражданского процессуального права, такие приказы Судебного департамента при Верховном Суде РФ как «Об утверждении Регламента организации извещения участников судопроизводства посредством СМС-сообщений»², «Об утверждении Порядка подачи в федеральные суды общей юрисдикции документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа»³. Как видно, отрицать существование подзаконных нормативных правовых актов – источников (форм) гражданского процессуального права невозможно. Более того, издания таких документов в качестве временной меры, до принятия надлежащего законодательного регулирования, избежать нельзя, поскольку необходимо каким-то образом срочно модернизировать детали судебной процедуры.

В связи с этим мы предлагаем, как уже было не раз в постсоветской истории, использовать опыт России дореволюционной и закрепить в Общих положениях ГПК РФ в качестве источника (формы) гражданского процессуального права вспомогательный источник,

---

¹ О государственной пошлине: Указ Президента РФ от 17.09.1994 № 1930 // СЗ РФ. 1994. № 22. Ст. 2464.

² Об утверждении Регламента организации извещения участников судопроизводства посредством СМС-сообщений: Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 25.12.2013 № 257// Бюллетень актов по судебной системе. 2014. № 2.

³ Об утверждении Порядка подачи в федеральные суды общей юрисдикции документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа: Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 27.12.2016 № 251 // Бюллетень актов по судебной системе. 2017. № 2.

аналогичный обязательным постановлениям, существовавшим в Российской империи. Обязательные постановления до 1917 года издавались судебным ведомством и/или министром юстиции. К ним относились указы и инструкции, в которых суды самостоятельно устанавливали правила внутреннего распорядка и делопроизводства, которые не могли противоречить закону. Суды принимали указы и инструкции, в которых определяли правила внутреннего распорядка и делопроизводства. Министр юстиции мог в некоторых случаях изменять эти правила, а также вводить отдельные детали судебной процедуры, в первую очередь касающиеся финансовых аспектов судопроизводства (например правил приема, расходования и хранения денежных сумм)¹.

Как нам представляется, при таком подходе издаваемые Судебным департаментом при Верховном Суде РФ, утверждаемые Председателем или Президиумом Верховного Суда РФ, возможно, согласовываемые Министром юстиции «обязательные постановления» (название условное) могли бы, не противореча закону, устанавливать правила внутреннего распорядка судов, их делопроизводства, а так же отдельные детали судебной процедуры. На наш взгляд, такое решение, направленное на расширение состава источников гражданского процессуального права, может быстро и эффективно содействовать достижению четкости требований и определенности процессуальных правил, обеспечению точного и детального закрепления отдельных правовых моментов, имеющих значение для эффективного отправления правосудия.

Литература

1. Васьковский Е.В. Учебник гражданского процесса. М.: Издание Бр. Башмаковых, 1914. 568 с.
2. Жилин Г.А. Источники гражданского и арбитражного процессуального права // Российский ежегодник гражданского и арбитражного процесса. 2007. № 6 / под ред. В.В. Яркова. СПб.: Юридическая книга, 2008. С. 73–92.
3. Муромцев Г.И. Источники права: теоретические аспекты проблемы // Правоведение. 1992. № 2. С. 23–30.
4. Удалов Д.Э. Источники процессуального права (общетеоретический аспект): дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. 204 с.
5. Улетова Г.Д. Источники исполнительного права Российской Федерации. Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2007. 64 с.

---

¹ Васьковский Е.В. Учебник гражданского процесса. М.: Издание Бр. Башмаковых, 1914. С. 17–18.

6. Шебанов А.Ф. О понятиях источника права и формы права // Правоведение. 1965. № 4. С. 23–33.

7. Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. В 2-х т. Т.2. М.: Издание Бр. Башмаковых. 1910. 698 с.

Селиванова Евгения Сергеевна,
кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права
Южного федерального университета

Выселение граждан из единственного жилого помещения без предоставления другого жилого помещения: основания и ограничения

Необходимым атрибутом социально здорового человека является наличие у него дома, места, где он постоянно или преимущественно проживает, удовлетворяя тем самым свою естественную потребность в укрытии, убежище, безопасности, воспитании детей. Нормальный человек в отличие от животных не может жить под открытым небом, не иметь дома. Как дефицит пищи, воды, воздуха приводят к болезни и смерти человека, так и отсутствие у него жилья влечет его деградацию, выпадение из нормальной социальной жизни и социальную смерть. В то же время ст. 40 Конституции РФ не относит право граждан на жилище к естественным правам человека, которые согласно п. 2 ст. 17 Конституции РФ неотчуждаемы и принадлежат каждому от рождения. Право на жилище отнесено к группе социально-экономических прав граждан, которые возникают в силу закона, требуют юридического оформления, порядок которого определен позитивным правом, а также в возможности реализации которых гражданин может быть ограничен, например, не только в силу закона, но и вследствие малоимущности, либо и вовсе лишен возможности его реализовать. Например, гражданин может быть выселен из жилого помещения без предоставления другого жилого помещения в судебном порядке по основаниям, предусмотренным в законе. В действующем российском законодательстве отсутствует эффективный механизм, предотвращающий бездомность граждан. В то же время только наличие сбалансированного, комплексного, межотраслевого законодательства, с одной стороны, регулирующего отношения между субъектами общественных отношений по поводу жилых помещений, как объектов гражданского оборота, товара, а, с другой стороны, как социального

блага, от обладания которым зависит социальное и физическое здоровье граждан, законодательства, в котором найден баланс между принципами свободы договора, доброй воли, разумной осмотрительности и осторожности при совершении сделок и ценности человеческой жизни позволит говорить о том, что в России построено правовое государство, в котором обеспечен достойный для человека уровень жизни. Именно поэтому изучение вопроса об основаниях выселения граждан из жилого помещения без предоставления другого жилого помещения, а также пределах применения такого выселения является важным, направленным на выработку системного подхода к его решению, с использованием норм процессуального законодательства, законодательства об исполнительном производстве, о социальном обеспечении.

Прежде чем перейти к изучению действующего законодательства, регламентирующего порядок выселения граждан из жилого помещения, остановимся на характеристике оснований возникновения у граждан права пользования жилым помещением. Данное право является особым субъективным правом, в процессе реализации которого происходит потребление жилого помещения, выражающееся в специфической форме, а именно, в проживании в нем. Именно пользуясь жилым помещением гражданин удовлетворяет свою потребность в жилье, реализует предоставленное ему Конституцией РФ право на жилище. Основаниями права проживать в жилом помещении могут являться титул собственности на жилое помещение, договор найма жилого помещения или договор безвозмездного пользования жилым помещением, признание гражданина членом семьи собственника жилого помещения, членом семьи нанимателя жилого помещения, членом семьи пайщика жилищного кооператива, завещательный отказ, договор пожизненного содержания с иждивением, судебное решение, вселение гражданина в жилое помещение в качестве временного жильца, поднанимателя по договору социального найма жилого помещения, отнесение гражданина к группе лиц, наделяемых законом ограниченным вещным правом на жилое помещение, а именно к лицам, которые отказались от участия в приватизации жилого помещения, но продолжают проживать в нем. В зависимости от оснований возникновения и содержания право пользования жилым помещением может иметь вещно-правовую или обязательно-правовую природу. Право пользования, возникающее из договора найма жилого помещения, является обязательно-правовым, а право пользования жилым помещением, возникающее на основании иных юридиче-

ских фактов, предусмотренных в законе, носит, как правило, вещно-правовую природу. Соответственно, основания выселения из жилого помещения, а также правовые последствия такого выселения из жилых помещений, пользование которыми осуществляется по различным правовым основаниям, отличаются.

Одним из фундаментальных прав, обеспечивающих проживание в жилом помещении гражданину, является право собственности на жилое помещение. Утрата права собственности влечет и прекращение права пользования жилым помещением, и, как следствие, выселение из него бывшего собственника и всех проживающих с ним в жилом помещении граждан. Право собственности гражданина на жилое помещение может быть прекращено добровольно, а может и принудительно. В случае, когда речь идет о принудительном прекращении права собственности на жилое помещение, то законодатель устанавливает имущественный иммунитет, запрещая обращать взыскание на единственное жилое помещение по обязательствам собственника, за исключением случаев неисполнения обязательств по кредитному договору, обеспеченному залогом жилого помещения. Таким образом, пределом удовлетворения требования кредитора по обязательству собственника жилого помещения об обращении взыскания на жилое помещение и выселении последнего из жилого помещения является то, что оно является для него единственным местом жительства. Только проживая в нем, гражданин и члены его семьи могут удовлетворить свою потребность в жилье и реализовать тем самым конституционное право на жилище. В то же время, когда речь идет о добровольном прекращении права собственности, законодатель не устанавливает в качестве предела распоряжения жилым помещением, то что оно является единственным для собственника и членов его семьи, то, что в результате такого отчуждения могут быть ухудшены жилищные условия собственника и членов его семьи. Законодателя не интересует где после отчуждения жилого помещения будет проживать бывший собственник и члены его семьи, есть ли у них другое жилое помещение или возможность проживать в другом жилом помещении. Презюмируется то, что субъекты гражданских правоотношений являются дееспособными, т. е. способными понимать значение своих действий и прогнозировать их последствия. Они несут имущественные и не имущественные риски, связанные с принимаемыми ими решениями, самостоятельно, в том числе и риск остаться бездомным, без крыши над головой. В гражданском законодательстве важнейшим является принцип свободы договора. Только в одном случае законодатель об-

ращает внимание на ситуацию добровольного отчуждения жилого помещения собственником, когда такая сделка была совершена с нарушением интересов несовершеннолетнего гражданина, проживавшего вместе с собственником в жилом помещении, т. е. жилищные условия несовершеннолетнего значительно ухудшились, либо он и вовсе лишился возможности проживать на постоянной основе в жилом помещении. Несмотря на то, что основная ответственность законом за воспитание и обеспечение достойного уровня жизни детей возложена на родителей и то, что установлена презумпция добросовестности родителей, тем не менее, не всегда родители добросовестно исполняют свои обязанности. Российская Федерация, являясь социальным государством должна создавать условия, позволяющие избежать дискриминации несовершеннолетних, ограничения их прав и свобод, их нарушения, в том числе и со стороны родителей несовершеннолетних. В Постановлении Конституционного Суда РФ от 8.06.2010 г. № 13-П «По делу о проверке конституционности п. 4 ст. 292 ГК РФ в связи с жалобой гражданки В.В. Чадаевой сформулирована позиция о том, что «обязанность государства обеспечивать условия для соблюдения в каждом конкретном случае баланса между интересами детей и их родителей – с учетом комплексного характера правоотношений, в которых находятся несовершеннолетние в связи с реализацией ими права пользования жилыми помещениями, принадлежащими на праве собственности их родителям, – предопределяет необходимость действенного механизма защиты жилищных прав несовершеннолетних и восстановления этих прав в случае их нарушения при отчуждении собственниками жилого помещения, в котором проживают их несовершеннолетние дети, приводящего к утрате несовершеннолетними права пользования этими жилыми помещениями.» [1] Сделки по отчуждению жилого помещения, результатом совершения которых является значительное ухудшение жилищных условий несовершеннолетних могут быть признаны в судебном порядке недействительными по искам заинтересованных лиц. Полагаем, что такая позиция должна учитываться не только в отношении признания сделки по отчуждению жилого помещения недействительной в случае нарушения жилищных прав несовершеннолетних граждан, но также и иных граждан, в случае, когда они в результате такой сделки лишились единственного жилья, например, членов семьи собственника, бывших членов семьи собственника. Следует обратить внимание на то, что для защиты права на жилое помещение его бывший собственник также может требовать признания сделки по отчуждению

жилого помещения недействительной, основывая свою позицию, с учетом сложившихся обстоятельств при совершении сделки, одной из таких статей ГК РФ, например, как 177, 178, 179. Однако, как правило, у лиц, лишившихся жилья нет средств для защиты своих прав в судебном порядке, а также для оплаты проживания в жилом помещении. Даже, если такие граждане начнут судебную тяжбу, то на ее период они должны быть обеспечены жильем. Также надо помнить, что Конституционный суд РФ в постановлении от 21.04.2003 г. №6-П «По делу о проверке конституционности п. 1 и 2 ст. 167 ГК РФ в связи с жалобами граждан О. М. Мариничевой, А.В. Немировской, З.А. Склиановой, Р.М. Склиановой и В.М. Ширяева» [2] сформулировал правовую позицию, в соответствии с которой при определенных обстоятельствах даже в случае признания сделки недействительной двухсторонняя реституция будет невозможна. Свою позицию, сформулированную в данном Постановлении, Конституционный Суд РФ поддержал и в Постановлении от 22 июня 2017 года № 16-П «По делу о проверке конституционности положения пункта 1 ст. 302 ГК РФ в связи с жалобой гражданина А.Н. Дубцова». [3]

В Постановлении от 14 мая 2012 года № 11-П Конституционный Суд РФ оперирует категорией разумная потребность человека в жилище. [4] Он говорит о том, что не всякое единственное жилое помещение обладает имущественным иммунитетом. Имущественный иммунитет необходим не для того, чтобы сохранить право собственности на конкретное жилое помещение, а для того, чтобы не нарушить конституционное право на жилище. Главное сохранить для собственников жилого помещения, на которое обращено взыскание, жилищные условия, которые признаются приемлемыми в конкретной социально-экономической ситуации на том или ином этапе развития общества и государства.

Полагаем, что следует вернуть в ст. 292 ГК РФ положение о необходимости получения согласия на отчуждение жилого помещения, в котором проживают несовершеннолетние дети с родителями у органов опеки и попечительства с одновременным возложением имущественной ответственности на должностных лиц таких органов при даче согласия на сделку, приведшую к нарушению жилищных прав несовершеннолетних граждан. Думается, что в случаях, когда жилье является единственным, то можно было бы поставить вопрос об ограничении свободы договора, если, например, государственному регистратору не представлен документ, подтверждающий, что у гражданина и членов его семьи есть возможность пользования иным

жилым помещением взамен отчуждаемого. Хотя, осознаем, что данное предложение спорно и противоречит сложившемуся представлению о свободе договора. Однако применительно к жилым помещениям, следует помнить о том, что они являются благом, без которого здоровой человеческой личности не может существовать.

Анализ действующего гражданского и жилищного законодательства позволяет выделить следующие основания выселения граждан, не являющихся собственниками жилых помещений, из жилых помещений без предоставления другого жилого помещения:

- выселение из жилых помещений, принадлежащих на праве собственности гражданину, лиц, утративших статус члена семьи собственника жилого помещения (п. 4 ст. 31 ЖК РФ);

- выселение из жилого помещения членов семьи собственника жилого помещения, отказополучателей, бывших членов семьи собственника, сохранившими право пользования жилым помещением, которые разрушают и портят жилое помещение, используют его не по назначению, систематически нарушают права и интересы соседей (ст. 35 ЖК РФ);

- выселение из жилого помещения нанимателей и членов их семей по договору социального найма жилого помещения, договору коммерческого найма жилого помещения, договору найма жилого помещения жилищного фонда социального использования в случае нарушения правил пользования жилым помещением (ст. 91 ЖК, ст. 91.10, 91.12 ЖК РФ, ст. 687, 688 ГК РФ);

- выселение из жилого помещения члена жилищного кооператива и членов его семьи (ст. 133 ЖК РФ).

Следует обратить внимание на то обстоятельство, что законодатель пытается решить вопрос о предотвращении ситуации бездомности граждан, выселяемых из жилого помещения без предоставления другого жилого помещения. Так, в п. 4 ст. 31 ЖК РФ предусмотрены основания и порядок сохранения права пользования жилым помещением за бывшими членами семьи собственника жилого помещения. Сказано, что в том случае, когда у гражданина нет другого жилого помещения или возможности пользования другим жилым помещением, то за ним на основании судебного решения может быть сохранено право пользования жилым помещением. Однако данная норма является половинчатой, т.к. в ней не определено на какой срок должно быть сохранено право пользования жилым помещением собственника бывшим членом его семьи, как часто такой гражданин вправе обращаться в суд с требованием о сохранении за ним права пользования

жилым помещением собственника. То же самое можно сказать и о последствиях прекращения договора найма вследствие истечения его срока. С одной стороны, законодатель говорит о предоставлении преимущественного права нанимателю на заключение договора коммерческого найма жилого помещения и договора найма жилого жилищного фонда социального использования, а, с другой стороны, не возлагает на наймодателя обязанность продолжить эксплуатировать жилое помещение как наемное. Собственник может изменить правовой режим его предоставления, принять решение использовать его только для своего проживания и для проживания членов своей семьи.

Применительно к отношениям пользования жилым помещением в доме ЖСК его членом до полной оплаты им стоимости пая, законодатель также допускает ситуацию исключения такого гражданина из кооператива и выселения его из жилого помещения без предоставления другого жилого помещения. Гарантией удовлетворения потребности в жилье бывшего члена кооператива является то, что при исключении его из кооператива ему возвращается сумма паенакопления.

В случае вынесения судебного решения о выселении граждан из жилого помещения вследствие совершения ими правонарушения в законодательстве не предусмотрена необходимость анализа последствий выселения, а именно, то что в результате такового выселяемый гражданин станет бездомным. Хотя суды, как правило, изучают вопрос о том, будет ли нарушено конституционное право гражданина на жилище в случае его выселения, а именно, является ли жилое помещение, из которого гражданин выселяется, для него единственным. Представляется, что применение такой санкции, как выселение из жилого помещения без предоставления другого жилого помещения влечет нарушение конституционного права граждан на жилище.

Бездомность граждан может быть предотвращена не только закреплением правовых механизмов, направленных на сохранение за гражданами права пользования жилым помещением, но и, в том числе, путем изменения подходов к формированию и финансированию специализированного жилищного фонда. В настоящее время в структуре специализированного жилищного фонда отсутствует жилищный фонд для граждан, оказавшихся на улице вследствие применения к ним мер гражданско-правовой или жилищно-правовой ответственности, а также в силу иных оснований. Маневренный жилищный фонд предназначен лишь для одной категории таких лиц, а именно, для должников по ипотеке, да и то только на период расчетов с кредиторами, а также для лиц, лишившихся жилья в результате стихийных

бедствий, и в некоторых иных случаях, предусмотренных законодательством. (ст 95 ЖК РФ.) Вследствие дефицита региональных и муниципальных бюджетов во многих регионах и городах отсутствует маневренный жилищный фонд, либо его недостаточно для удовлетворения потребности в нем. Представляется, что для решения проблемы бездомности, перечисленных выше категорий граждан, наряду с принятием системных поправок в ГК РФ и в ЖК РФ, направленных на жесткую регламентацию сделок по отчуждению единственного жилого помещения гражданами и прекращению права пользования единственным жилым помещением, следует сформировать в структуре специализированного жилищного фонда жилищный фонд для лиц, выселенных из жилых помещений, лишившихся жилья. Привлечь к строительству и содержанию такого жилищного фонда можно предпринимателей в рамках государственно-частного партнерства. Это означает, что вслед за жилищным фондом социального использования следовало бы в структуру специализированного жилищного фонда включить частный жилищный фонд. Проживание в таких жилых помещениях может оформляться как договором найма жилого помещения, так и предоставляться по договору безвозмездного пользования жилым помещением.

Литература

1. Постановление Конституционного Суда РФ от 08.06.2010 № 13-П «По делу о проверке конституционности пункта 4 статьи 292 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки В.В. Чадовой» / «Вестник Конституционного Суда РФ», № 5, 2010
2. Постановление Конституционного Суда РФ от 21.04.2003 № 6-П «По делу о проверке конституционности положений пунктов 1 и 2 статьи 167 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан О.М. Мариничевой, А.В. Немировской, З.А. Скляновой, Р.М. Скляновой и В.М. Ширяева» / «Вестник Конституционного Суда РФ», № 3, 2003
3. Постановление Конституционного Суда РФ от 22.06.2017 № 16-П «По делу о проверке конституционности положения пункта 1 статьи 302 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А.Н. Дубовца» / «Вестник Конституционного Суда РФ», № 5, 2017.
4. Постановление Конституционного Суда РФ от 14.05.2012 № 11-П «По делу о проверке конституционности положения абзаца второй части первой статьи 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Ф.Х. Гумеровой и Ю.А. Шикунова» / «Вестник Конституционного Суда РФ», № 4, 2012

Семенова Екатерина Геннадьевна,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин
Крымского филиала Краснодарского университета МВД России,

Особенности залога имущественных прав в сфере недвижимости

В настоящее время имущественные права составляют столь же неотъемлемую и существенную часть гражданского оборота, как и вещи. Правовой оборот имущественных прав закреплен ст. 128 Гражданского кодекса РФ [1] (далее – ГК РФ) где определено, что наравне с вещами объектами гражданских прав являются и имущественные права. Федеральным законом от 21 декабря 2013 г. № 367-ФЗ [2] были внесены изменения в нормы ч. 1 ГК РФ о залоге, которыми были введены специальные нормы, регулирующие залог имущественных прав, в частности залог обязательствных прав (ст. 358.1- 358.15 ГК РФ).

Законодательство Российской Федерации допускает обеспечение исполнения обязательств посредством передачи в залог такого вида имущественных прав, как имущественные права на недвижимость. При этом допускается передача в залог права аренды и права требования участника долевого строительства.

Так, по общему правилу, установленному в п. 2 ст. 615 ГК РФ предусмотрено, что арендатор вправе с согласия арендодателя отдавать арендные права в залог, если иное не установлено ГК РФ, другим законом или иными правовыми актами. Подобная норма содержится в п. 5 ст. 22 Земельного кодекса РФ. Залог прав арендатора по договору об аренде недвижимого имущества предусмотрен п. 5 ст. 5 Федерального Закона «Об ипотеке (залоге недвижимости)» [3] (далее – Закон об ипотеке), ст. 13 Федерального закона «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» (далее – Закон об участии в долевом строительстве). Кроме того, ст. 5 Закона об ипотеке установлено, что правила об ипотеке недвижимого имущества применяются также к залогоу прав требования участника долевого строительства, вытекающих из договора участия в долевом строительстве, отвечающего требованиям Закона об участии в долевом строительстве.

Поскольку залог имущественных прав на недвижимость является одним из видов залога, то он подчиняется общим положениям о за-

логе, содержащимся в ГК РФ. Специальное регулирование зависит от правовой природы имущественных прав на недвижимость. Обязательственный характер таких прав обуславливает применение в случае их залога норм специальной статьи 358.1 ГК РФ. В то же время на отношения, связанные с залогом имущественных прав на недвижимость распространяют свое действие нормы Закона об ипотеке, которая является видом залога недвижимого имущества (п. 1 ст. 5 Закона об ипотеке). Так, такое имущественное право, как доля в праве на общее имущество отнесено к ипотеке имущества, порядок залога которого предусмотрен ст. 7 Закона об ипотеке.

В связи с этим возникает вопрос о правовой природе залога имущественных прав на недвижимость. Из данного вопроса вытекают следующие: какие имущественные права на недвижимость могут использоваться как предмет залога; какими критериями следует руководствоваться, выделяя из массива имущественных прав те, которые могут находиться в залоге; какие нормы следует применять при регулировании залога имущественных прав на недвижимость?

В научной литературе не утихают споры о возможности или невозможности оборота вещных и обязательственных прав, которые в определенной мере касаются и залога таких прав. Учитывая объемность данной проблематики, остановимся только на констатации определенных условий, которые, как мы считаем, влияют на возможность использования разновидностей имущественных прав на недвижимость как предмета залога.

Имущественные права ни в ст. 130 ГК РФ, ни в Законе об ипотеке не относятся к недвижимости. Считаем невозможным и применение широкого доктринального толкования термина «имущество», как совокупности вещей и прав, к имущественным правам на недвижимость – это не недвижимое имущество [4]. В отношении них в Законе об ипотеке указывается на юридическую фикцию, отмечается, что правила об ипотеке недвижимого имущества *применяются* к залогоу прав арендатора по договору об аренде такого имущества (право аренды), к залогоу прав требования участника долевого строительства, вытекающих из договора участия в долевом строительстве, отвечающего требованиям Закона об участии в долевом строительстве. Это возможно в той мере, в какой залог имущественных прав на недвижимость не попадает под действие ст. 358.1 ГК РФ.

Из содержания ст. ст. 358.2 ГК РФ следует, что предметом залога может быть только такое право, которое может быть уступлено другому лицу, поскольку именно посредством уступки это право пе-

редается при обращении на него взыскания. Кроме возможности отчуждения и обращения взыскания на право, критериями его оборотоспособности является также принадлежность такого права залогодателю на законных основаниях, имущественная ценность такого права [5].

Учитывая данные критерии, считаем невозможным (несмотря на существующие в науке гражданского права концепции, утверждающие обратное [6; 7]) использование в качестве предмета залога такого основного вещного права как право собственности, поскольку объектом такого права являются сами вещи и собственник вправе передавать в залог вещь, а не права на нее. Кроме того, в случае ненадлежащего исполнения обеспеченного залогом обязательства обращение взыскания на право собственности осуществить будет невозможно.

Касательно возможности залога обязательственных прав, здесь доктринальные споры уже не такие острые, и большинство ученых признают их оборот. Кроме того, такой вид залога, как залог обязательственных прав, предусмотрен и законодательством. Исходя из толкования норм ГК РФ, регулирующих залог обязательственных прав, можно сделать вывод, что залог прав арендатора по договору об аренде недвижимого имущества, а также залог прав требования участника долевого строительства, вытекающих из договора участия в долевом строительстве являются залогом обязательственных прав. Первая категория прав возникает из обязательств между арендатором и арендодателем и потому попадает под действие п. 1 ст. 358.1 ГК РФ. Вторая категория прав попадает под действие п. 2 ст. 358.1 ГК РФ, поскольку права требования участника долевого строительства могут возникнуть в будущем при исполнении обязательств, вытекающих из договора участия в долевом строительстве. Однако такие выводы являются поспешными и недостаточно обоснованными.

Перед тем как утверждать, что арендные права на недвижимость и права требования участника долевого строительства являются обязательственными правами и их залог возможен на основании ст. 358.1 ГК РФ, следует установить, какие именно права сторон по договору аренды и договору участия в долевом строительстве можно использовать как предмет залога.

Учитывая положения ст. 358.1 ГК РФ, устанавливающие, что предметом залога могут быть имущественные права (требования), вытекающие из обязательства залогодателя, являющегося кредитором в обязательстве, из которого вытекает закладываемое право, можем сделать следующий вывод о возможности залога арендных прав на недвижимость. В договоре аренды у арендатора есть только одно пра-

во – право требования передачи ему такого недвижимого имущества (ст. 606 ГК РФ). Теоретически это право отвечает природе обязательственного права и может быть предметом залога. Однако после выполнения арендодателем своей обязанности по передачи имущества такого права требования уже не существует. Поэтому применение ст. 358.1 ГК РФ находится под большим вопросом.

Подобные проблемы могут возникать и при залоге имущественных прав дольщиков по договору о долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости. Так, дольщики, исполнив свои денежные обязательства по договору, имеют права требования, в частности на получение недвижимости в собственность и регистрацию права собственности, которые носят обязательственный характер, а значит, могут быть предметом залога. В то же время такие права возникают только в случае если строительство объекта было завершено и право собственности застройщика на уже возведенный объект зарегистрировано [8]. В связи с этим право требования на получение недвижимости в собственность может быть заложено только с момента регистрации права собственности застройщика на уже возведенный объект до вступления в право собственности залогодателем. Однако до указанного момента такое право требования может быть предметом залога как право, которое возникнет в будущем из существующего или будущего обязательства (п. 2 ст. ст. 358.1 ГК РФ).

Таким образом, проанализировав некоторые аспекты залога имущественных прав на недвижимость, можем прийти к выводу, что залог таких прав, хотя и предусмотрен законодательством, требует более детального правового регулирования. Отсутствие такого регулирования обусловлено отсутствием единого понимания правовой природы имущественных прав на недвижимость, в частности возникающих из договора аренды и долевого участия в строительстве.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.01.2016) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>

2. Федеральный закон от 21.12.2013 № 367-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>

3. Федеральный закон от 16.07.1998 № 102-ФЗ (ред. от 05.10.2015) «Об ипотеке (залоге недвижимости)» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>

4. Семенова Е.Г. О соотношении терминов «недвижимость», «недвижимое имущество», «недвижимая вещь» в ст. 130 ГК РФ // Вестник КрУ МВД России. – 2015. – №4. – С. 36-41.

5. Федоренко Н.В., Лапач Л.В. Особенности оборота имущественных прав // Хозяйство и право. – 2001. – №11.

6. Красавчиков О.А. Советский гражданский оборот // Вопросы гражданского, трудового права и гражданского процесса: Ученые записки Свердловск. юрид. ин-та. – 1957. – Т. 5.

7. Рыбалов А. О. Экономические блага и гражданский оборот // Объекты гражданского оборота: сборник статей / отв. ред.: Рожкова М.А. М.: Статут, 2007.

8. Постановление Пленума ВАС РФ от 11.07.2011 № 54 «О некоторых вопросах разрешения споров, возникающих из договоров по поводу недвижимости, которая будет создана или приобретена в будущем» Электронный ресурс. – Режим доступа: http://www.arbitr.ru/as/pract/post_plenum/37821.html

Симатова Елена Львовна,

кандидат юридических наук, доцент,

начальник научного отдела

Южного института менеджмента

Перспективы унификации договорных правоотношений на территории стран – участниц Шанхайской организации сотрудничества¹

Современная геополитическая ситуация, введение экономических санкций в отношении нашей страны и создание препятствий во взаимодействии с западноевропейскими странами требует качественно иного подхода в организации бизнес-сотрудничества с зарубежными партнерами. Сегодня развитие экономического сотрудничества

---

¹ Данная статья выполнена в рамках поддержанного Российским фондом фундаментальных исследований и администрацией Краснодарского края научного проекта № 17-13-23017 а(р) «Проблемы и перспективы правового регулирования регионального торгово-экономического сотрудничества в рамках деятельности Шанхайской организации сотрудничества (на примере Краснодарского края)»

между государствами-членами Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) занимает лидирующее положение среди ее основных задач.

Так, на юбилейном саммите ШОС в 2016г. главы государств-членов, обсуждая современные вызовы и меры противодействия, признали, что восстановление мировой экономики идет вяло, нарастают актуальные международные и региональные проблемы, возникают новые угрозы безопасности. О перспективах сотрудничества в рамках ШОС говорил и президент РФ В.В. Путин [7]. Затрагивая аспекты тесного экономического взаимодействия, глава российского государства отметил необходимость снимать барьеры на пути торговли, движения капиталов и рабочей силы, углублять промышленную и технологическую кооперацию, выстраивать производственные цепочки, общую транспортную инфраструктуру.

9 июня 2017г. по итогам заседания Совета глав государств-членов ШОС в Астане была принята декларация [1], закрепившая активную политику государств-членов ШОС, направленную на усиление собственного экономического потенциала и реализацию долгосрочной стратегии развития., несмотря на вызовы и тенденции последнего времени. В этом документе подчеркивается необходимость строительства системы регионального торгово-экономического сотрудничества, принятия дополнительных мер в целях создания благоприятных условий для развития торговли и содействия инвестиционной деятельности. Более того, в Стратегии развития ШОС до 2025г. (принятой в г.Уфа 9-10.07.2015г.) среди первостепенных задач организации значится создание благоприятных условий для устойчивого роста торгового и инвестиционного взаимодействия, разработки и реализации совместных инфраструктурных проектов, укрепления делового сотрудничества, а также совершенствование нормативно-правовой базы и последовательное повышение эффективности деятельности механизмов взаимодействия [2].

Актуальность рассматриваемых процессов для нашей страны подкрепляется и официальными цифрами. Так, по данным Федеральной таможенной службы РФ по внешней торговле России за 2015-2017гг. темпы роста товарооборота со странами-участницами ШОС за 1 пол.2017г. (по сравнению с аналогичными показателями за 1 пол. 2016 г.) составили 35,1%, увеличившись с 36 319,9 млрд долл. США до 49076,4 млрд.долл. США [4].

На недавнем выступлении на круглом столе, посвященном взаимодействию стран ШОС и Чунцина генеральный секретарь ШОС Р.Алимов отметил, что: «Ареал ШОС сегодня — это пространство

динамично развивающихся экономик: строительство инфраструктуры, автомобильных и железных дорог, транспортных хабов и логистических центров, совместных промышленно-производственных комплексов, основанных на принципах международной кооперации [6].

Сказанное невозможно обеспечить без надлежащего правового регулирования как внешнеэкономического сотрудничества стран ШОС в целом, так и договорных правоотношений между субъектами предпринимательской деятельности в частности. Такое регулирование должно представлять собой концептуальную систему правовых норм, составляющих базовую, общую часть договорного права, единую для всех стран-участниц ШОС. Внедрение системы унифицированных правовых норм, приводящих к «единому знаменателю» ключевые моменты регламентации договорных отношений, в значительной мере упростит их реализацию на практике, а выдвижение подобных концептуальных предложений с российской стороны позволит укрепить лидирующие позиции нашей страны в рамках деятельности ШОС.

В отдельных видах экономического сотрудничества подобные меры по разработке соответствующего правового регулирования, направленного на упрощение и гармонизацию внутринациональных процедур и требований, уже предпринимаются. Речь идет о международных автомобильных перевозках, в рамках которых принято Соглашение между правительствами государств-членов ШОС о создании благоприятных условий для международных автомобильных перевозок [3]. Данный документ определил условия осуществления международных автомобильных перевозок пассажиров и грузов между соответствующими странами, а в качестве одной из основных задач, в том числе, определил развитие евро-азиатских наземных транспортных связей.

Вместе с тем, нельзя признать, что принятие рассматриваемого документа поставленные задачи решило. По оценкам специалистов, данный документ выступает лишь «фундаментом осуществления крупного многостороннего трансрегионального транспортного проекта» [5].

Кроме того, в расширении транспортно-коммуникационных возможностей стран-участниц ШОС нельзя останавливаться только на автомобильных перевозках, учитывая значение и роль и других видов транспорта: железнодорожных и воздушных, в частности. Существующее правовое регулирование железнодорожных перевозок (речь идет о действующих многосторонних соглашениях с участием

стран ШОС) по многим вопросам безнадежно устарело и требует серьезного пересмотра. Учитывая долгожданное присоединение РФ к Монреальской конвенции для унификации некоторых правил международных воздушных перевозок 1999г., вопрос регламентации и этого вида перевозок также нуждается в обновленном подходе.

Несмотря на очевидный акцент на развитие экономического сотрудничества именно в контексте транспортных коммуникации, нужно признать, что перевозка грузов и пассажиров – лишь часть тех договорных правоотношений, которые складываются между субъектами предпринимательской деятельности стран ШОС. Отсутствие концептуального, системного подхода к унификации правового регулирования договорных правоотношений, точечная, если не сказать, фрагментарная регламентация отдельных аспектов экономического сотрудничества едва ли способствуют решению поставленных стратегических целей и задач организации. Перед правовой наукой, таким образом, со всей очевидностью возникает необходимость разрешения этой проблемы, без чего невозможно представить создание по-настоящему благоприятных условий для дальнейшего взаимодействия стран ШОС в сфере торговли и экономики.

Литература

1. Астанинская декларация глав государств-членов Шанхайской организации сотрудничества от 09.06.2017г.//Электронный ресурс URL: <http://rus.sectsco.org/documents/> (дата обращения 10.02.2018)
2. Стратегия развития Шанхайской организации сотрудничества до 2025г. (Уфа, 9-10.07.2015г.)//Электронный ресурс. URL: <http://rus.sectsco.org/documents/> (дата обращения 10.02.2018)
3. Соглашение между правительствами государств – членов Шанхайской организации сотрудничества о создании благоприятных условий для международных автомобильных перевозок (Вместе с «Маршрутами и пунктами пропуска через государственные границы...», «Разрешениями...», «Кругом ведения Совместной комиссии...») (Заключено в г. Душанбе 12.09.2014)// Собрание законодательства РФ. 6 марта 2017 г. № 10. Ст. 1423.
4. Статистика внешней торговли Российской Федерации. Данные официального сайта ФТС РФ (Электронный ресурс) // URL:http://www.customs.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=26274:2018-02-12-11-28-37&catid=40:2011-01-24-15-02-45 (дата обращения 12.02.2018)
5. Р.Алимов: «Экономическое сотрудничество – один из главных приоритетов ШОС на новом этапе развития» Электронный ресурс// URL: <http://rus.sectsco.org/news/20171123/354709.html> (дата обращения 25.11.2017г.)

6. «Страны ШОС и Чунцин» за круглым столом обсудили торгово-экономическое и гуманитарное сотрудничество Электронный ресурс// URL: <http://rus.sectesco.org/news/20180224/388310.html> (дата обращения 14.03.2018)

7. Юбилейный саммит ШОС (Электронный ресурс) // URL:<http://www.kremlin.ru/events/president/news/52257> (дата обращения 15.02.2018).

Скрябина Марина Викторовна,
кандидат юридических наук,
старший преподаватель
кафедры гражданского права и процесса
Юридического института
Северо-Кавказского федерального университета

Свобода договора как основа предпринимательской деятельности

Одним из основных начал развития рыночной экономики страны является предпринимательская деятельность. В свою очередь государство посредством права устанавливает правила ведения (осуществления) предпринимательской деятельности. Наиболее универсальной правовой конструкцией осуществления предпринимательской деятельности является возможность установления договорных правоотношений. Договорные отношения между субъектами предпринимательской деятельности строятся в соответствии с определенными исходными принципами гражданского законодательства.

Одним из таких основополагающих начал является свобода в установлении своих прав и обязанностей на основе договора и в определении любых не противоречащих законодательству условий договора, то есть принцип свободы договора.

Относительно понятия принципа свободы договора существует плюрализм мнений ученых, в тоже время следует отметить единство мнений тех же ученых в части понимания содержания указанного принципа. Традиционно содержание свободы договора включают в себя следующие элементы: свободу заключения договора, свободу выбора вида договора, свободу определения условий договора [1].

Рассмотрим реализацию принципа свободы договора субъектами предпринимательской деятельности, через его содержание, то есть при реализации правомочий на заключение договора (свобода

заключения договора), свободу выбора договора, свободу определения условий договора.

Первым и наиболее важным элементом содержания принципа свободы договора является свобода заключения договора.

Согласно ч. 1 ст. 421 ГК РФ, граждане и юридические лица свободны в заключении договора, понуждение к заключению договора не допускается, за исключением случаев, когда обязанность заключить договор предусмотрена настоящим Кодексом, законом или добровольно принятым обязательством.

Толкование норм гражданского законодательства приводит к выводу, что свобода заключения договора включает в себя как свободу (самостоятельность) лица в решении вопроса о заключении или не заключении договора, так и отказ от понуждения к заключению договора.

Свобода в решении вопроса о заключении или незаключении договора означает, что стороны сами, независимо друг от друга и от государства, вправе решать вопрос о вступлении между собой в договорные отношения [2, с. 153]. Самостоятельность же в решении вопроса «вступать или не вступать в договор» сводится в основном к свободе воли, к свободе выбора лица и к возможности заключения договоров по своей воле [3, с. 39]. Свобода заключения договора проявляется в автономии, независимости воли граждан и юридических лиц.

По мнению В.Ф. Попондопуло, свобода выбора вида договора заключается в следующем: 1) стороны могут сами конструировать свои взаимоотношения и руководствоваться правилами, установленными в договоре, 2) современное договорное право не знает замкнутого перечня договорных институтов, 3) нельзя все же, чтобы договор не соответствовал императивным нормам, действующим в момент заключения договора [4, с. 184-185]. Свобода выбора договора означает право субъекта предпринимательской деятельности определить намерен ли он заключать договор поименованный в ГК РФ, смешанный договор, либо непоименованный договор.

Свобода определения условий договора предполагает самостоятельное определение контрагентами его условий. Свободой определения условий в ее нормативном смысле является объективная допускаемая законом возможность лиц самоопределять содержание будущего взаимоотношения.

Согласно устоявшемуся в цивилистике мнению, принято считать, что существует три вида договорных условий: существенные, обычные и случайные.

Исходя из вышеизложенного, субъекты предпринимательской деятельности свободны в заключение любых договоров, в том числе и непоименованных в гражданском законодательстве, свободны в определении условий заключаемого договора.

Следует отметить, что принцип свободы договора имманентно связан с методом гражданско-правового регулирования «разрешено все, что не запрещено».

С другой стороны свобода договора не является безграничной. Исходя из толкования правоприменительной практики, в частности Постановления Пленума ВАС от 14.03.2014 № 16 «О свободе договора и его пределах», следует, что свобода договора может быть ограничена в следующих случаях:

- если договорные установления нарушают публичные интересы;
- если договорные установления нарушают права, свободы и законные интересы третьих лиц;
- если договорные установления нарушают баланс интересов [5].

Таким образом, ограничения принципа свободы договора детерминированы охраной публичных интересов и третьих лиц, не являющихся участниками договорных правоотношений, а также соблюдением баланса интересов участников предпринимательской деятельности.

Литература

1. См.: Гражданское право. Т. 1. Учебник / Под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. – М.: ТК Велби, изд-во «Проспект», 2001. – С. 480. – 776 с.; Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Книга первая: Общие положения. – М.: Статут, 2011. – С. 153. – 847 с.; Танага А.Н. Принцип свободы договора в гражданском праве России. – СПб.: Из-во «Юридический Центр Пресс», 2003. – С. 93. – 211 с.

2. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Книга первая: Общие положения. – М.: Статут, 2011. – 847 с.

3. Маркова М.Г. Гражданское право: Конспект лекций. – СПб.: Альфа, 2000. С. 39.

4. Коммерческое (предпринимательское) право: Учебник / В.Ф. Попондопуло. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма: НИЦ ИНФРА-М, 2015. – 608 с.

5. О свободе договора и ее пределах: Постановление Пленума ВАС РФ [от 14.03.2014 № 16] // Вестник ВАС РФ. – № 5, май. – 2014.

Слюсарев Андрей Иванович,
аспирант юридического факультета
Кубанского государственного аграрного
университета им. И. Т. Трубилина

Особенности развития авторского права в дореволюционный период

В России было изобретено печатание книг знаменитым немецким ювелиром, а также изобретателем Иоганном Гутенбергом в 1453 году. А введено в производство спустя сто лет – при царе Иване IV. И в 1564 году была отпечатана первая книга «Диянія Апостольска и посланія соборная и святаго Апостола Павла посланія».

В целом, возникновение, а так же дальнейшее развитие авторского права в нашей стране отличается определенным своеобразием по сравнению с историей зарубежных стран. При этом первые нормативные акты, которые регулирующие авторские отношения, были приняты в России только в XX век.

Возникшая в Западной Европе наряду с изобретением книгопечатания необходимость для издателей в ходатайстве привилегий на право издания не существовала в России, так как при полном отсутствии частной деятельности не существовало по изданию книг не было конкуренции. Общее нормативное разрешение на устройство частных или, как они в то время назывались – вольные типографии во всех городах государства появились только благодаря Указу от 15 января 1783 г. Однако в скором времени его посчитали излишне либеральным и в 1796 года был отменен [4, с. 34]. Однако, уже в 1801 году новый император Александр I решил предоставить право на частные типографии. Вместе с тем, доминирующее положение государства в сфере издательского дела сохранялось непосредственно до середины 19 века.

Впервые понимание злоупотребление авторским правом и появление контрафакта связано из обозначенных привилегий. Возникли споры по поводу нарушений данных прав частными лицами. Вместе с тем, из-за слабого развития книжного дела, а так же отсутствия читающей аудитории практически полностью отсутствовала экономическая основа для возможного появления контрафактной продукции, а так же не было потребности в правовых постановлениях была создана правительством только по истечении в первой четверти 19 века.

На начальном этапе отношения авторов с издателями никаким образом правовым образом не регулировались. Вместе с тем отечественному законодательству не было известно весьма распространенное на Западе представление об авторском праве как об определенной частной привилегии, которая предоставляется создателю произведения [2, с. 12].

Считается, что непосредственно с А. С. Пушкиным связывается большая победа всех авторов и работников интеллектуального труда в России, а именно принятием первого Закона Российской империи об авторском праве, а именно «Положения о правах сочинителей». Таким образом, с 1828 года работа писателей, поэтов, а так же переводчиков стало являться профессией, которая получило правовое признание.

До времен появления Пушкина А. С. на литературу, а тем более на художественную в обществе рассматривали как развлечение. Пушкиным была раскрыто самостоятельное значение литературы как особой формы отражения и отражения реальности. Благодаря его работе труд отечественных авторов законодательно был признан профессией [3, с. 13].

22 апреля 1828 г. увидел свет утвержденный Устав о цензуре. При этом вторая часть его называлась «О сочинителях и издателях книг». Это и есть первый закон России об авторском праве. Данная часть состояла всего из пяти статей, которая была дополнена Положением о правах сочинителей. В рамках этого Закона, который относился только к литературным произведениям, сочинитель и переводчик книги мог исключительно пользоваться всю жизнь свою изданием и ее продажей по своему усмотрению как имуществом. Срок авторского права был устанавливался в 25 лет со дня смерти автора и после чего данное произведение становилось общественной собственностью. При этом регистрация данного права осуществлялась в форме разрешения органа цензуры на выпуск произведения. Несоблюдение правил цензуры влекло потерю авторского права.

В 1830 г. свет увидело Положение о правах сочинителей, переводчиков и издателей.

Выплата гонораров начиная с 1830-х гг. стала явлением массовым и постоянным. Буржуазные отношения проникли в издательское дело, а также предопределило профессионализм литературного труда.

В 1845 году был принят Закон, который охранял авторские права композиторов (Постановление о музыкальной собственности). А

уже в 1846 году авторские права художников и архитекторов были так же закреплены в нормативном акте.

В 1857 г. действовавшие с 1830 года положения были дополнены постановлениями о музыкальном и художественном авторском праве и в совокупности они были включены в Свод законов Российской Империи. А. Ф. Кони высказал мысль о том, что вплоть до 1857 г. существовал общий 25-летний и условный 35-летний посмертный срок. Вместе с тем, в это время создавали свои творения такие литераторы как Лермонтов и Гоголь, производил научные изыскания Грановский. В дальнейшем в 1857 году, по ходатайству жены генерала Ланского – по первому мужу Пушкиной, – данный срок, как в противовес нравственным интересам и Пушкину, а также всему русскому обществу, был увеличен вдвое [1, с. 135].

Начиная с 1870 г. происходит становление организаций по коллективному управлению правами авторов. Данный процесс связан с именем знаменитого писателя Александра Николаевича Островского. При этом самым первым обществом являлось «Общество русских драматических писателей». Мы вновь наблюдаем существенное отставание нашей страны от европейских государств.

В Свод законов Российской Империи все нормы законов касательно авторского права были перенесены в 1887 году. В них входило Постановление о праве собственности наук и словесности, о праве художественной собственности, а также о праве музыкальной собственности, но с определенными поправками. А именно оно защищало авторское право исключительно на те произведения, которые были изданы в Российской империи. Система доказательств являлась формальной, что проявлялось в воспроизводителя труда «слово в слово», а так же признавало публичные речи, а в том числе и частные письма, дневники предметом авторского права.

В 1898 г. был выработан проект нового закона об авторском праве. Однако лишь только в 1908 г. он заново был переработан и под названием «Проекта министра юстиции об авторском праве на литературные, музыкальные, художественные и фотографические произведения» внесен в Государственную Думу.

В окончательном виде законопроект был принят в заседании Государственного Совета 11 марта 1911 г. и высочайше утвержден 15 марта 1911 г. Он назывался «Положение об авторском праве» и был составлен на основе лучших образцов западноевропейских законодательств того времени, а именно, образцом и источником для проекта министра юстиции служил новый Германский закон от 19 июня 1901 г. Этот Закон распространил авторское право на географические, топо-

логические, астрономические и иного рода карты, глобусы, атласы, рисунки по естествознанию, строительные и другие технические планы, рисунки, чертежи, драматические, музыкально-драматические и фотографические и подобные им произведения. В особой главе регламентировались основные правила и условия издательского договора. Следует подчеркнуть, что многие положения Закона 1911 г. носили весьма прогрессивный характер. Законодатель отказался от конструкции «литературная и художественная собственность», заменив ее понятием «исключительные права». Впервые было законодательно закреплено право авторов на перевод их произведений. Это право действовало в течение десяти лет со дня издания произведения при условии подготовки автором перевода в течение пяти лет со дня издания оригинала. Указывалось, что договоры об отчуждении авторского права относительно будущих произведений автора сохраняют силу на срок не свыше пяти лет, хотя бы в договоре была установлена большая его продолжительность или бессрочность.

В целом это был прогрессивный Закон, который явился значительным шагом в развитии авторского права России. Хотя он в некоторых отношениях не следовал международной практике, в частности, он допускал свободный перевод зарубежных произведений, не ставил под охрану кинематографические произведения и т. д. Эти и другие особенности Закона не соответствовали некоторым принципам Бернской конвенции об охране литературных и художественных произведений от 9 сентября 1886 г., к которой большинство интеллектуальной элиты России и не считало необходимым присоединяться: выгоды такого членства в Бернском союзе были не ясны, а потери для переводчиков и просветителей – понятны. Многие именитые литераторы, выступая против членства в Бернском союзе, успешно применяли принципы двойного стандарта и охраняли свои авторские права, используя зарубежное законодательство и зарубежную издательскую и судебную практику.

Литература

1. Кони А.Ф. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 7. – М., 1969. – 486 с.
2. Отрохова Е.Ф. Люди мысли и добра (к вопросу о правовом положении авторов и издателей в России в XIX в.) // История государства и права. – 2007. № 8. – С. 12 – 18.
3. Пашин В.П., Отрохова Е.Ф. Развитие цензурного законодательства и его влияние на формирование авторского права в России // История государства и права. -2007. №. 19.- С. 10-17.
4. Сергеев А.П. Право интеллектуальной собственности в Российской Федерации: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. – М., 2001. – 188 с.

Смагина Елена Сергеевна,
кандидат юридических наук, доцент,
заведующая кафедрой гражданского процессуального
и трудового права
Южного федерального университета

Упрощенное производство в гражданских делах с участием государства

Одной из основных тенденций современного гражданского судопроизводства является его упрощение и ускорение, предполагающее повышение эффективности судебной защиты за счет создания емких, несложных процедур, сокращения сроков и снижения затрат на рассмотрение и разрешение дела.

Указанная тенденция отражает выработанные Советом Европы основные модели совершенствования судопроизводства. Так, в Рекомендации от 14 мая 1981 года № R (81) 7 «Комитет министров – государствам-членам относительно путей облегчения доступа к правосудию» указывается, что судопроизводство нередко носит настолько сложный, длительный и дорогостоящий характер, что частные лица, особенно находящиеся в экономически неблагоприятном положении, испытывают трудности в осуществлении своих прав; желательно принять все необходимые меры по упрощению процедуры во всех возможных случаях в целях облегчения доступа частных лиц к судам при одновременном соблюдении должного порядка отправления правосудия¹. Данная процедура также учитывает положения постановления Европейского парламента и Совета от 11 июля 2007 года № 861/2007 «Об учреждении европейской процедуры рассмотрения исков малой стоимости», вступившего в действие 1 января 2009 года.

Учеными поддерживается развитие процесса в направлении упрощения производства. Так, Н.В. Сивак полагает, что гражданский процесс государств с рыночной экономикой не может позволить себе проведение судебного заседания по всем делам для выяснения истинных причин, например, уклонения одной из сторон от исполнения обязательств, что обусловлено как существенно большим числом дел,

---

¹ Рекомендации R (81) 7 Комитета министров Совета Европы государствам-членам относительно путей облегчения доступа к правосудию от 14.05.1981 // СПС Гарант.

поступающих на рассмотрение судов, так и чрезмерной их загруженностью¹.

Федеральный закон от 02.03.2016 № 45-ФЗ «О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации и Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации» (далее – ФЗ № 45) и Федеральный закон от 02.03.2016 № 47-ФЗ «О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации» (далее – ФЗ № 47) предусмотрели введение упрощенного производства в гражданский процесс, приказного производства – в арбитражный процесс, изменение процедур приказного производства в гражданском процессе и упрощенного – в арбитражном.

Приоритет сохранения базовых начал гражданского судопроизводства при внедрении упрощенных производств обуславливает необходимость сопоставления новелл с действующим правовым регулированием, как совершенно точно отмечает Н.А. Громошина: «упрощать явление возможно в любых объемах, но при неременном сохранении сущности упрощаемого явления»². Гармоничное включение изменений в систему процесса, обеспечение соответствия их принципам процесса, основным его институтам, сохранение и развитие гарантий судебной защиты – непростая задача, решение которой связано не только с наработкой практического опыта применения упрощенных процедур, но и с их теоретическим осмыслением.

Анализ новых норм в обозначенном ключе, полагаем, должен включать оценку применимости упрощенного производства при рассмотрении отдельных категорий дел, в частности, дел с участием публично-правовых образований (далее также – государство).

Основная идея, заложенная в изменения, – это введение в гражданский процесс упрощенной процедуры рассмотрения так называемых «малых исков», то есть дел с небольшой ценой иска и бесспорных требований. Главным отличием упрощенного производства от искового производства является рассмотрение дел без вызова сторон по представленным сторонами документам в строго определенных законом случаях, а также, по желанию сторон в иных случаях. При этом, в отличие от приказного производства, процедура упрощенного производства предполагает рассмотрение дел по существу заявленных требований в состязательном процессе с учетом позиции обеих

---

¹ См.: Сивак Н.В. Упрощенное производство в арбитражном процессе. М., 2011.

² Громошина Н.А. О процессуальной форме и принципах упрощения гражданского судопроизводства // Lex Russica: научные труды Московской государственной юридической академии. 2010. № 4. С. 770.

сторон спора, но с сокращенными временными и финансовыми затратами сторон и суда.

В теории к преимуществам упрощенных производств относят удобство и доступность разрешения дел в судах, что проявляется в уменьшении материальных затрат, исключении формализма, пустых, ненужных стадий, оптимальных сроках рассмотрения¹.

Приведенные доводы, безусловно, имеют под собой серьезные основания. Чрезвычайную загруженность судов, наличие однотипных, несложных дел, не требующих развернутых процедур рассмотрения, необходимость создания простых и доступных форм защиты права при современном состоянии судебной системы не представляется возможным отрицать. Однако полагаем, что правоприменительная эффективность, достижение целей изменений и обоснование, в конечном счете, их необходимости связаны также с четкой правовой регламентацией соответствующих процедур, которая, в свою очередь, во многом определяется критериями отнесения дел к рассматриваемым в порядке упрощенного производства.

Из положений ст. 232.2 ГПК РФ следует, что используются три вида критериев отнесения дел к рассматриваемым в упрощенном производстве (характер дела, волеизъявление сторон и стоимость имущества или цена иска). При этом категория стоимости или цены иска носит характер основной, что прямо следует из пояснительной записки² к проекту федерального закона, предусмотревшего соответствующие изменения. Использование стоимостного критерия как основного может быть обосновано невозможностью казуального регулирования, предусматривающего все виды требований, подлежащих рассмотрению в упрощенном производстве, в зависимости от предмета.

Однако полностью отойти от предметного критерия в определении малоценных исков не представляется возможным. Давно отмечено, что сложность и «ценность» иска определяется далеко не только стоимостью имущества³ и зависит от целого ряда факторов: характер спорного материального правоотношения, значимость дела для участников, имущественное, социальное положение участников. Учи-

---

¹ Шадловская О.Д. Упрощенная гражданская процессуальная форма в гражданском судопроизводстве: понятие и признаки // Арбитражный и гражданский процесс. 2015. № 8.

² См.: [http://asozd.duma.gov.ru/main.nsf/\(Spravka\)?OpenAgent&RN=725381-6](http://asozd.duma.gov.ru/main.nsf/(Spravka)?OpenAgent&RN=725381-6) (дата обращения 19.07.2016).

³ См. например: Шеменова О.Н. Рассмотрение гражданских дел мировыми судьями: проблемы совершенствования процессуальной формы. Автореф....канд. юрид. наук. Саратов, 2005. С. 14.

тывая оба этих фактора, представляется целесообразным установление полного перечня исключений – тех категорий дел, которые не могут рассматриваться в упрощенном порядке, даже если формально соответствуют предусмотренным критериям. И здесь основным будет определение характера правоотношения, лежащего в основе требования, исходя из которого использование упрощенных процедур не позволит достичь целей и задач правосудия.

Достаточно ярким примером таких категорий дел являются, на наш взгляд, дела с участием публично-правовых образований в лице их органов. Еще авторы Устава гражданского судопроизводства 1864 года видели принципиальную неприменимость сокращенного порядка рассмотрения к делам казенных управлений (ст. 1289), обосновывая это необходимостью контроля за представителями казны и предотвращением произвола с их стороны¹. Ст. 211 ГПК РСФСР 1923 г. устанавливалось, что судебный приказ не выдается, если требование было обращено к государственному учреждению или государственному предприятию. Соответственно, исторически первым «противопоказанием» для использования упрощенных производств в спорах с участием государства было обеспечение надлежащей защиты самого государства, что нельзя сбрасывать со счетов и сейчас, учитывая публичные интересы, которые оно призвано отстаивать.

Однако запрет на использование упрощенных производств в делах с участием публично-правовых образований в современных условиях связан не только с необходимостью защиты публичных интересов. Неравное положение субъектов спорных материальных правоотношений создает серьезные препятствия реальной реализации принципа состязательности в таких процессах. В этих условиях применение упрощенного порядка, который сам по себе серьезно ограничивает состязательные начала за счет использования только письменных доказательств, отсутствие очного судебного разбирательства, означает фактически лишение слабой стороны возможностей эффективной защиты. Обладающая по сравнению с представителями власти явно меньшими возможностями в получении информации по делу, доказательств сторона лишается и возможности лично предстать перед судом и устно отстоять свою правовую позицию.

Характерно, что в Уставе гражданского судопроизводства 1864 года и сокращенный, и собственно упрощенный порядок рассмотре-

---

¹ Устав гражданского судопроизводства с изложением рассуждений, на коих они основаны. Книга третья // Электронный ресурс: http://psh.spb.sudrf.ru/modules.php?name=norm_akt&id=77(дата обращения 17.09.2016).

ния дела предполагали отказ от предварительных письменных стадий и скорейший переход к очному слушанию дела. Концептуальным отличием от обычного порядка было то, что письменная стадия, заключающаяся в предварительном обмене состязательными бумагами между сторонами, не проводилась, а сразу начиналось устное слушание, которое назначалось не ранее семи дней и не позднее одного месяца со дня вручения повестки, включая поверстный срок¹. З.А. Папулова пишет, что сокращенное производство являлось действенным механизмом ускорения гражданского процесса, выступало понятной и достаточно простой процедурой для всех сторон по делу, повышало эффективность судебной защиты². Соответственно, в качестве более простого порядка дореволюционные законодательцы рассматривали именно устный, а не письменный процесс, что в силу доступности, универсальности, демократичности устной формы нельзя не признать оправданным.

Кроме того, письменная форма общения с судом, в недостаточной степени обеспеченная в рамках гражданского процесса необходимыми средствами своевременного ознакомления сторон с материалами дела, а также сокращенные сроки рассмотрения затрудняют реализацию и всех иных доступных в упрощенном производстве прав. К примеру, как совершенно справедливо отмечает Е.А. Борисова, у стороны, не обладающей соответствующими знаниями и навыками, может вызвать значительные затруднения именно письменное изложение позиции. Это обстоятельство, пожалуй, в самой большей степени скажется на состязательности в случае спора двух изначально неравных субъектов.

Иными словами, дела с участием публично-правовых образований по сути своей не могут быть простыми, малоценными и незначительными. Их значимость и сложность определяются характером сталкивающихся интересов, априори неравными возможностями сторон в материальных правоотношениях, отражающимися и на реализации процессуальных правомочий, и требующимся существенным вмешательством, контролем суда за реализацией сторонами их процессуальных прав и обязанностей в ходе очного рассмотрения дела для обеспечения реальной состязательности.

---

¹ Солохин А.Е. Упрощенные (ускоренные) процедуры рассмотрения дел в гражданском и арбитражном процессе: история, проблемы, перспективы // Вестник экономического правосудия. 2015. № 8.

² Папулова З.А. Ускоренные формы рассмотрения дел в гражданском судопроизводстве. М., 2014. Кн. 11.

Еще одной особенностью упрощенного производства, не позволяющей, на наш взгляд, применять его в делах с участием публично-правовых образований, является принятие по ним решений путем вынесения судом резолютивной части решения (ч. 1 ст. 232.4 ГПК РФ).

Еще при анализе аналогичного права мирового судьи в литературе со ссылкой на позицию ЕСПЧ, согласно которой справедливое судебное разбирательство предполагает публичный характер рассмотрения дела, обеспечивающий контроль со стороны общественности за деятельностью судебных органов, высказывалось заслуживающее внимания суждение о том, что «осуществление такого контроля становится проблематичным»¹.

В делах с участием государства гласность, открытость правосудия, доступность информации о его ходе и результатах приобретает особое значение. Общественный, публичный контроль за осуществлением властных полномочий является одним из главных принципов правового, демократического государства², действенным средством предотвращения злоупотреблений и правонарушений в этой сфере. Судебная власть в лице ее органа – суда, учитывая характер полномочий и юридическую силу решений, не может являться исключением, особенно, когда речь идет о рассмотрении дел с участием другого органа власти или иного органа, наделенного публичными полномочиями. Убеждены, что в данном случае средства контроля должны быть обеспечены в полной мере, в противном случае говорить о надлежащих гарантиях принципа независимости судей не приходится. Необходимость публичного контроля диктуется и характером защищаемых в суде интересов, один из которых – публичный. Очевидно, что общество должно иметь доступ к информации по тем вопросам, которые касаются каждого его члена.

Мотивированное решение суда, дающее полное представление о фактических и правовых основаниях выводов суда, являющееся квинтэссенцией и результатом процесса, является наиболее информативным, репрезентативным, востребованным и, что наиболее важно, доступным средством публичного контроля. Принятие решений по делам, рассмотренным в упрощенном производстве, путем вынесения лишь резолютивной части решения, таким образом, является серьезным препятствием для применения этого производства в делах с участием публично-правовых образований.

---

¹ Тетерина Т.В. Право мирового судьи не составлять мотивированное решение: проблемы реализации // Мировой судья. 2015. № 1.

² См. Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права: Учебник. М., 2014. С. 68.

Старостина Екатерина Сергеевна,
аспирантка кафедры предпринимательского
и энергетического права
Казанского (Приволжского) Федерального университета

Интеллектуальный анализ текста и данных: понятие, преимущества и препятствия для использования

Текстовый анализ относится к процессу автоматического (то с использованием программного обеспечения) извлечения информации из текста с целью получения новых знаний. Он делает это, структурируя входной текст таким образом, что компьютеры могут его анализировать и выявлять взаимосвязи в структурированных данных. Интеллектуальный анализ текста похож на интеллектуальный анализ данных, но используется в текстах, написанных человеком и для людей. Тогда как интеллектуальный анализ данных изучает уже структурированную информацию, обычно находящуюся в базе данных и не обязательно генерируемую людьми (это могут быть данные, полученные в результате исследования). Интеллектуальный анализ текста имеет гораздо больше возможностей, чем просто полнотекстовый поиск по документу, а также выходит за рамки обычного веб-поиска, поскольку он используется не только для поиска документа или отдельного параграфа, но и для поиска взаимосвязей и создания новых знаний из них. [1]

Несмотря на явные преимущества, интеллектуальный анализ текстов имеет свои минусы. Некоторые из них являются техническими (не все форматы файлов одинаково подходят для использования). В то время как другие относятся к отсутствию поддержки исследователей в применении данного инструмента. Наиболее серьезным препятствием может быть авторское право. Чтобы анализировать публикации, необходимо сделать цифровую копию целого документа, а затем обработать ее, и для этого требуется разрешение правообладателя. Теоретически это возможно, но как это сделать, например, с огромным количеством статей по определенной тематике.

Даже если исследователи могут законным образом получить доступ и прочитать материал, например, через свою университетскую библиотеку, копирование значительной части работ может нарушить авторское право на эти произведения. [2]

В связи с назревшей проблемой было проведено углубленное исследование, подготовленное Департаментом политики Европейско-

го парламента по правам граждан и конституционным вопросам по просьбе Комитета по правовым вопросам. Данное исследование представляет собой вклад в рабочее совещание по теме «Анализ текста и данных», проведенное по 22 февраля 2018 года в Брюсселе. В нем представлен анализ предложения Комиссии (который вводит в статью 3 обязательное исключение из авторских прав, позволяющее осуществлять интеллектуальный анализ текста и данных защищенных произведений), оценивает его положительные и отрицательные последствия и дает некоторые предложения относительно возможных улучшений. [3]

Великобритания стала первым государством-членом Европейского Союза, которое приняло исключение в авторском праве для проведения интеллектуального анализа текста и данных 19 мая 2014 года. В Законе «Об авторском праве, промышленных образцах и патентах» Великобритании от 1988 года предусматривается исключение для текстового анализа данных для некоммерческих исследований. [4]

7 октября 2016 года, в соответствии с Законом № 2016-1231 для Цифровой Республики (*Loi pour une République numérique*), Франция также внесла подобное исключения. [5]

Эстонское исключение для интеллектуального анализа текста и данных вступило в силу 1 января 2017 года. Что касается работ, охраняемых авторским правом, эстонское право (*Autoriõiguse seadus*) позволяет: обрабатывать материалы, охватываемые исключительными правами, «для целей интеллектуального анализа текста и данных, при условии, что такое использование не имеет коммерческой цели». [6]

Германия приняла данное исключение 30 июня 2017 года. Эта поправка к Закону об авторском праве и смежных правах (*Urheberrechtsgesetz*) вступила в силу 1 марта 2018 года. Статья 60d позволяет интеллектуальный анализ текста и данных для научных исследований в некоммерческих целях.

Таким образом, многие европейские страны предприняли попытку урегулировать имеющиеся проблемы, возникающие на пути применения нового академического метода исследования: интеллектуального анализа текста и данных.

Литература

1. Reimer, T. Key Issue: Text mining, copyright and the benefits and barriers to innovation. Insights. // URL: <http://doi.org/10.1629/2048-7754.25.2.212>
2. Maurizio Borghi Text and data mining // URL: <http://www.copyrightuser.org/understand/exceptions/text-data-mining/>

3. The Exception for Text and Data Mining (TDM) in the Proposed Directive on Copyright in the Digital Single Market – Legal Aspects // URL: [http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/IDAN/2018/604941/IPOL_IDA\(2018\)604941_EN.pdf](http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/IDAN/2018/604941/IPOL_IDA(2018)604941_EN.pdf)

4. Copyright, Designs and Patents Act 1988 // URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1988/48/introduction>

5. Intellectual Property Code (Code de la propriété intellectuelle) // URL: http://www.wipo.int/wipolex/en/text.jsp?file_id=420574

6. Estonian Copyright Act // URL: http://www.wipo.int/wipolex/en/text.jsp?file_id=429284

Углов Федор Григорьевич,
курсант 5 курса факультета подготовки сотрудников полиции
для подразделений по охране общественного порядка
Санкт-Петербургского университета
МВД России
Научный руководитель:
Максимов Виталий Алексеевич,
кандидат юридических наук,
старший преподаватель кафедры гражданского права
и гражданского процесса Санкт-Петербургского университета
МВД России

Центральный Банк Российской Федерации (Банк России) как субъект гражданских правоотношений

Не редко мы слышим критику в отношении работы Банка России. Сейчас проблемные вопросы законодательной базы в отношении Центрального Банка Российской Федерации поднимаются все чаще. В данной статье, мы попробуем разобрать спорные ситуации в законодательстве в отношении Банка России.

Для начала обратимся к ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)»¹. В 1 статье данного ФЗ указано, что Банк России является юридическим лицом. Хотя по правовой сущности Центральный Банк Российской Федерации больше напоминает государственный орган. В части 2 статьи 75 Конституции Российской Фе-

---

¹ Федеральный закон от 10.07.2002 № 86-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» // «Российская газета», № 127, 13.07.2002

дерации указано: «Защита и обеспечение устойчивости рубля – основная функция Центрального банка Российской Федерации, которую он осуществляет независимо от других органов государственной власти»¹. Словосочетание «других органов государственной власти» уже заставляет сомневаться в том, что этот банк действительно является юридическим лицом.

Банк России подотчетен Государственной Думе Российской Федерации. Так же заставляет задуматься и то, что Председатель Банка России назначается на должность и освобождается от нее Государственной Думой Российской Федерации по представлению Президента России. Эта процедура очень похожа на назначение, какого либо должностного лица, в один из органов государственной власти.

Теперь обратимся к статье 7 ФЗ «О центральном Банке Российской Федерации (Банке России). «Банк России по вопросам, отнесенным к его компетенции настоящим Федеральным законом и другими федеральными законами, издает в форме указаний, положений и инструкций нормативные акты, обязательные для федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления, всех юридических и физических лиц.

Правила подготовки нормативных актов Банка России устанавливаются Банком России самостоятельно»². Проанализировав, мы видим сходство Банка России и органа государственной власти. Банк, как и орган власти, может издавать нормативные акты, обязательные для исполнения. В дополнение мы видим, что Банк России не только не подчиняется органам государственной власти, но и сам может давать им распоряжения, которые они обязаны выполнять в соответствии с данным ФЗ.

Банк России в соответствии с законодательством Российской Федерации все же является юридическим лицом. Рассмотрим понятие юридического лица. Данный термин закреплен в статье 48 Гражданского кодекса Российской Федерации. «Юридическим лицом признается организация, которая имеет обособленное имущество и отвечает им по своим обязательствам, может от своего имени приобретать и

---

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ)

² Федеральный закон от 10.07.2002 № 86-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» // «Российская газета», № 127, 13.07.2002

осуществлять гражданские права и нести гражданские обязанности, быть истцом и ответчиком в суде»¹.

Хотя Банк России и наделен имущественной и финансовой самостоятельностью, уставный капитал и другое имущество Банка России являются федеральной собственностью. Банк России правомочен владеть, пользоваться и распоряжаться собственным имуществом. Так же Центральный Банк Российской Федерации может распоряжаться и золотовалютными резервами в соответствии с Федеральным законом «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)»².

Интересен и тот факт, что Банк России не подчиняется и Правительству Российской Федерации, которое разрабатывает федеральный бюджет ежегодно. А Постановления Правительства Российской Федерации могут быть не выполнены банком.

Изъятие и обременение обязательствами имущества Банка России без его согласия не допускаются, если иное не предусмотрено федеральным законом. Финансовая независимость Банка России выражается в том, что он осуществляет свои расходы за счет собственных доходов. Банк России вправе защищать интересы в судебном порядке, в том числе в международных судах, судах иностранных государств и третейских судах.

Банк России не редко подвергается резкой критики со стороны политических деятелей, ученых, журналистов. Многие требовали отставки Председателя банка. Но в соответствии со статьей 14 рассматриваемого Федерального закона, снять с должности Председателя Банка России почти невозможно. Председателя Центрального Банка может освободить от должности только Государственная Дума по представлению Президента Российской Федерации. К тому же в данной статье перечислены основания для освобождения Председателя Банка России от занимаемой им должности. Государственная Дума вправе освободить от должности Председателя Банка России по представлению Президента Российской Федерации.

«Председатель Банка России может быть освобожден от должности только в случаях:

истечения срока полномочий;

---

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 07.02.2017) //»Собрание законодательства РФ», 05.12.1994, № 32, ст. 3301

² Федеральный закон от 10.07.2002 № 86-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» // «Российская газета», № 127, 13.07.2002

невозможности исполнения служебных обязанностей, подтвержденной заключением государственной медицинской комиссии;
подачи личного заявления об отставке;
совершения уголовно наказуемого деяния, установленного вступившим в законную силу приговором суда;
нарушения федеральных законов, которые регулируют вопросы, связанные с деятельностью Банка России»¹.

Соответственно мы видим, что снять Председателя Центрального Банка с должности практически невозможно, даже если он не качественно выполняет свою работу.

Получение прибыли не является целью деятельности Центробанка, но надо понимать, что банк России управляет всей финансовой системой страны. Значит человек, который может влиять на решение Центрального Банка и осведомлен о планах банка на повышение или понижение ключевых ставок может на этом зарабатывать миллиарды. Ему не нужно получать прибыль непосредственно из кассы банка. В своих интересах он может разорять целые отрасли. Фактически этот человек уязвим для коррупции.

Подведем краткий итог. Банк России – это отдельное юридическое лицо. Он не является органом государственной власти, не подчиняется Президенту РФ и Правительству РФ, но при этом обладает полномочиями государственного органа. Центробанк полностью контролирует всю денежно-кредитную политику государства. Устанавливает курс валют. Но в случае чего, по обязательствам государства не отвечает. Без разрешения банка России государство не может распоряжаться золотовалютными резервами страны. Банк России вправе обращаться за защитой своих интересов в международные суды. В финансовой сфере банк России может давать указания, положения, инструкции, что нужно делать государственным органам правления, юридическим и физическим лицам, и каждый должен их выполнять. Фактически, мы видим как юридическое лицо, банк, имеет практически не ограниченную власть, которая законодательно закреплена.

Для решения данных проблем можно предложить изменение законодательства и введение Банка России в систему государственных органов. Так же необходимо рассмотреть вариант и с органами контроля банка. Таким образом, функционирование банка будет более прозрачным и эффективным.

---

¹ Федеральный закон от 10.07.2002 № 86-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» // «Российская газета», № 127, 13.07.2002

Литература

1. Максимов В.А. Защита гражданских интересов//Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2016. – № 3 (71). – С. 71-79.
2. Максимов В.А. Охрана и защита субъективных гражданских прав, юридическая природа права на защиту//Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2016. – № 2 (70). – С. 86-92.
3. Максимов В.А., Налимов А.А. Развитие понятия «способ защиты гражданского права» в современной российской юридической науке// Вопросы эволюции правовой мысли человечества : Сборник статей международной научно-практической конференции (10 ноября 2015 г., г. Челябинск) Уфа: Аэтерна, 2015. С. 82 -86.
4. Молчанов А.А. Нововведения главы 4 «юридические лица» ГК РФ в редакции ФЗ от 5 мая 2014 г. № 99-ФЗ//Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России.- 2016. -№ 3 (71). – С. 79-82
5. Молчанов А.А. Правовое положение юридических лиц / СПБУМВД России. – 2002.
6. Молчанов А.А., Желонкин С.С. Гражданское право (общая часть) учебное наглядное пособие / Санкт-Петербург. – 2016.

Хисматуллин Оливер Юрьевич,
кандидат юридических наук, доцент,
начальник кафедры
гражданско-правовых дисциплин
Уфимского юридического института МВД России

Совершенствование порядка признания гражданина ограниченно дееспособным

Процесс совершенствования Гражданского Кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), направленный на дальнейшее развитие основных принципов гражданского законодательства в соответствии с уровнем развития рыночных отношений, сближение положений ГК РФ законодательству стран Европейского союза, поддержания единого образа регулирования гражданско-правовых отношений в государствах – участников Содружества Независимых Государств¹ обусловил изменения в правовом регулировании различных гражданско-

---

¹ Указ Президента РФ от 18.07.2008 № 1108 (ред. от 29.07.2014) «О совершенствовании Гражданского кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2008. № 29 (ч. 1). Ст. 3482.

правовых институтов. Так, со 2 марта 2015 года вступили в силу изменения к ГК РФ, устанавливающие возможность ограничения в дееспособности лица, ранее признанного судом недееспособным, при развитии способности гражданина понимать значение своих действий или руководить ими лишь при помощи других лиц судом по заявлению третьих лиц.

В Концепции единого Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее – Концепция) указано на произошедшие изменения ГК РФ, предусматривающие возможность ограничения дееспособности гражданина, у которого развилась способность понимать и руководить своими действиями при помощи других лиц¹. Прежде такое основание ограничения дееспособности граждан не было известно российскому правопорядку ни с материально-правовой, ни с процессуальных позиций. Необходимость последующих соответствующих изменений положений Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее – ГПК РФ) также была оговорена в Концепции.

Действительно, п. 2 ст. 30 ГК РФ устанавливает, что гражданин, который вследствие психического расстройства может понимать значение своих действий или руководить ими лишь при помощи других лиц, может быть ограничен судом в дееспособности в порядке, установленном гражданским процессуальным законодательством. Над ним устанавливается попечительство.

Предпосылкой установления данного правила ограничения дееспособности явилось признание Конституционным судом Российской Федерации противоречащей положениям Конституции Российской Федерации невозможность дифференциации правовых последствий в зависимости от степени снижения способности гражданина понимать значение своих действий или руководить ими. Как указал суд, неспособность при осуществлении определенных прав и обязанностей в полной мере понимать значение своих действий или руководить ими, обусловленная тем или иным психическим нарушением. Однако, далеко не всегда такое состояние здоровья влечет невозможность гражданина принимать осознанные самостоятельные решения во всех сферах социальной жизни и совершать юридически значимые действия, направленные на удовлетворение собственных разумных по-

---

¹ Концепция единого Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации» (одобрена решением Комитета по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству ГД ФС РФ от 08.12.2014 № 124(1)) // СПС «КонсультантПлюс».

требностей и не нарушающие права и законные интересы других лиц¹.

По мнению ряда исследователей, включение правовых норм об ограниченной дееспособности по признаку психического дефекта в восприятии совершаемых действий и (или) возможности осуществлять ими руководство в гражданское законодательство России согласуется с международными нормами. В частности, Декларация о правах умственно отсталых лиц требует при решении вопроса об ограничении дееспособности основываться на оценке квалифицированными специалистами общественно полезных возможностей умственно отсталого лица, а также предусматривать периодический пересмотр дела и право апелляции в высшие инстанции².

При этом, правовые последствия ограничения дееспособности гражданина вследствие психического заболевания, по нашему мнению, не совсем однозначны. Такой гражданин имеет право совершать сделки лишь с согласия попечителя, за исключением сделок, предусмотренных подпунктами 1 и 4 пункта 2 статьи 26 ГК РФ. К исключительным сделкам, совершать которые ограниченно дееспособный вправе самостоятельно, относятся сделки: направленных на распоряжение своими заработком, стипендией и иными доходами; по осуществлению прав автора произведения науки, литературы или искусства, изобретения или иного охраняемого законом результата своей интеллектуальной деятельности; по внесению вкладов в кредитные организации и распоряжению ими, а также мелкие бытовые сделки и иные, допустимые к совершению малолетними гражданами (сделки, направленные на безвозмездное получение выгоды, не требующие нотариального удостоверения либо государственной регистрации; сделки по распоряжению средствами, предоставленными законным представителем или с согласия последнего третьим лицом для определенной цели или для свободного распоряжения)³. По видимому, для совершения таких сделок наличие способности понимать значение совершаемых действий или возможности руководить ими не требует-

---

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 27.06.2012 № 15-П «По делу о проверке конституционности пунктов 1 и 2 статьи 29, пункта 2 статьи 31 и статьи 32 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки И.Б. Доловой» // Собрание законодательства РФ. 2012. № 29. Ст. 4167.

² Нестерова М.С. Особенности совершения сделок, совершенных ограниченно дееспособным лицом // Власть Закона. 2016. № 3. С. 169 - 175.

³ Пояснительная записка «К проекту Федерального закона «О внесении изменения в статью 30 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс] // <https://www.lawmix.ru/lawprojects/34617>.

ся, так как судом, вынесшим решение об ограничении дееспособности лица установлено, что гражданин способен понимать значение своих действий или руководить ими не самостоятельно, а лишь при помощи других лиц ввиду имеющегося у него психического расстройства. В то же время, общеизвестно, что сделками признаются осознанные волевые действия лиц. Более того, в силу п. 1 ст. 177 ГК РФ неспособность понимать значение своих действий или руководить ими в момент совершения сделки лицом, хотя и полностью дееспособным, является основанием для признания судом такой сделки недействительной.

По видимому, целью легального закрепления возможности ограничения дееспособности данной категории граждан явилась необходимость защиты прав и законных интересов лиц, страдающих психическими расстройствами. Предполагалось, что сделки, которые способны совершать самостоятельно ограниченные в дееспособности лица направлены на удовлетворение собственных разумных потребностей и не нарушают права и законные интересы других лиц, и в этой связи могут быть совершены ими самостоятельно.¹

Рассмотренные изменения оснований ограничения дееспособности гражданина не являются единственными для данного института. Возможность ограничения гражданина в дееспособности в первоначальной редакции ГК РФ была установлена в отношении лиц, злоупотребляющих спиртными напитками или наркотическими средствами. В соответствии с такой конструкцией и были разработаны нормы ГПК РФ. Федеральным законом от 30 декабря 2012 г. № 302-ФЗ (ред. от 04.03.2013) «О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»² абзац первый пункта 1 статьи 30 ГК РФ дополнен словами «пристрастия к азартным играм». При этом под пристрастием к азартным играм, которое может служить основанием для ограничения дееспособности гражданина, рекомендовано понимать психологическую зависимость, которая помимо труднопреодолимого влечения к игре характеризуется расстройствами поведения, психического здоровья и самочувствия гражданина, проявляется в патологическом влечении к азартным играм, потере игрового контроля, а также в продолжительном участии в азартных играх вопреки наступлению неблагоприятных последствий для матери-

---

¹ Герасимов А.В., Данилов Д.Б. Заключение эксперта как доказательство в гражданском процессе // Юрист. 2015. № 16. С. 30-33.

² Федеральный закон от 30.12.2012 № 302-ФЗ (ред. от 04.03.2013) «О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2012, № 53 (ч. 1). Ст. 7627.

ального благосостояния членов его семьи¹. Еще в 1994 г. Всемирная организация здравоохранения при ООН объявила о новом психическом заболевании – лудомании (лудомания, игромания и пр.)².

Законодательное закрепление в ГК РФ возможности ограничения дееспособности гражданина, страдающего игроманией явилось результатом длительных научных дискуссий и, несомненно, расценивается положительно с точки зрения охраны прав и интересов членов семьи страдающего чрезмерным увлечением азартными играми гражданина. Общеизвестно, что лудомания – это психическое состояние, характеризующееся патологическим пристрастием к азартным играм³, т. е. один из видов отклонения психики человека, имеющий неблагоприятные имущественные последствия. В этой связи, положение пункта 1 статьи 30 ГК РФ в действующей его редакции представляется логичным. Современная редакция статьи 30 ГК РФ пристрастие к азартным играм, злоупотребление спиртными напитками или наркотическими средствами, вследствие которых семья гражданина ставится в тяжелое материальное положение, устанавливает как равнозначные самостоятельные основания ограничения дееспособности гражданина.

Отметим, что вопрос о недееспособности и об ограниченной дееспособности является предметом активных дискуссий как в гражданско-правовой, так и в гражданско-процессуальной науке. Не вдаваясь в дальнейшие дискуссии относительно юридических последствий психического состояния гражданина, ограниченного в дееспособности затронем некоторые процессуальные препятствия реализации положений ГК РФ, регулирующих исследуемые отношения.

С процессуальной точки зрения ограничение гражданина в дееспособности осуществляется в порядке особого производства по правилам Главы 31 ГПК РФ. Однако, до настоящего времени ни порядок подачи заявления об ограничении дееспособности гражданина, ни содержание такого заявления, ни процессуальные особенности рассмотрения заявления об ограничении дееспособности гражданина, который имеет пристрастие к азартным играм, а также гражданина, кото-

---

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 8.

² Дарчиева Л.В. Возможно ли расширение оснований ограничения дееспособности граждан? // Юридический мир. 2007. № 12. С. 24 – 30.

³ Пояснительная записка «К проекту Федерального закона «О внесении изменения в статью 30 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс] // <https://www.lawmix.ru/lawprojects/34617>.

рый способен понимать значение своих действий или руководить ими при помощи других лиц не предусмотрены.

Среди ученых процессуалистов существует мнение о необходимости включения в ГПК РФ норм об ограничении дееспособности гражданина, страдающего психическим расстройством, в отдельную главу, в рамках особого производства¹. Полагаем, существующая структура ГПК РФ, несмотря на значительное количество внесенных в последние годы изменений достаточно логична. Возможно некоторые дополнения процессуального механизма ограничения дееспособности граждан, страдающих психическими заболеваниями и пристрастием к азартным играм способны без кардинальных изменений закона привести процессуальное законодательство в соответствии с положениями ГК РФ.

Так, статью 281 ГПК РФ целесообразно дополнить пунктом 1.1, изложив его в следующей редакции: «Дело об ограничении гражданина в дееспособности вследствие пристрастия к азартным играм может быть возбуждено на основании заявления членов его семьи, органа опеки и попечительства, медицинской организации, оказывающей психиатрическую помощь».

Также целесообразно статью 281 ГПК РФ дополнить пунктом 1.2, изложив его в следующей редакции: «Дело об ограничении гражданина в дееспособности вследствие психического расстройства, при котором он может понимать значение своих действий или руководить ими лишь при помощи других лиц может быть возбуждено на основании заявления членов его семьи, близких родственников (родителей, детей, братьев, сестер) независимо от совместного с ним проживания, органа опеки и попечительства, медицинской организации, оказывающей психиатрическую помощь, или стационарной организации социального обслуживания, предназначенной для лиц, страдающих психическими расстройствами».

Пункт 1 статьи 282 предлагаем изложить в следующей редакции:

1. В заявлении об ограничении дееспособности гражданина на основании п. 1 ст. 30 ГК РФ должны быть изложены обстоятельства, свидетельствующие о том, что гражданин, имеющий пристрастие к азартным играм, злоупотребляющий спиртными напитками или

---

¹ Тарасова Е.Н. Актуальные вопросы применения критериев недееспособности и ограниченной дееспособности в гражданском процессе // Ленинградский юридический журнал. 2015. № 2. С. 102 - 111.

наркотическими средствами, ставит свою семью в тяжелое материальное положение.

В заявлении об ограничении дееспособности гражданина на основании п. 2 ст. 30 ГК РФ должны быть изложены обстоятельства, свидетельствующие о том, что гражданин может понимать значение своих действий или руководить ими лишь при помощи других лиц».

Предложение первое статьи 283 предлагаем изложить в следующей редакции: «Судья в порядке подготовки к судебному разбирательству дела о признании гражданина, который вследствие психического расстройства может понимать значение своих действий или руководить ими лишь при помощи других лиц ограниченно дееспособным или о признании гражданина недееспособным при наличии достаточных данных о психическом расстройстве гражданина назначает для определения его психического состояния судебно-психиатрическую экспертизу».

Полагаем, что существующее несоответствие правовых норм, регулирующих механизм изменения дееспособности граждан, негативно сказывается на возможности осуществления и защиты прав широкого круга заинтересованных лиц. Надеемся, что обозначенные проблемы и сформулированные предложения будут полезны как с позиции дальнейших теоретических исследований, так и в целях совершенствования законодательства.

Литература

1. Нестерова М.С. Особенности совершения сделок, совершенных ограниченно дееспособным лицом // *Власть Закона*. 2016. № 3. С. 169–175.
2. Герасимов А.В., Данилов Д.Б. Заключение эксперта как доказательство в гражданском процессе // *Юрист*. 2015. № 16. С. 30–33.
3. Дарчиева Л.В. Возможно ли расширение оснований ограничения дееспособности граждан? // *Юридический мир*. 2007. № 12. С. 24–30.
4. Тарасова Е.Н. Актуальные вопросы применения критериев недееспособности и ограниченной дееспособности в гражданском процессе // *Ленинградский юридический журнал*. 2015. № 2. С. 102–111.

Черткова Юлия Валентиновна,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры гражданского и трудового права
юридического факультета Таврической академии
Крымского федерального
университета им. В.И. Вернадского

Наука гражданского права и гражданское законодательство как предмет преподавания в высших учебных заведениях

Можно не быть приверженцем исторической школы права, но нельзя отбрасывать то рациональное зерно, которое эта школа в себе содержит. Основатель исторической школы права Фридрих Карл фон Савиньи полагал, что право должно вырастать и вырастает из народного духа так же, как из него вырастают поэзия, литература, музыка и национальное искусство вообще. Поэтому он был решительным противником разработки и принятия в первой половине XIX века общегерманского гражданского кодекса, полагая, это несвоевременным.

Но Савиньи не отрицал роли науки гражданского права в процессе созревания этого права и кодификации гражданского законодательства. В связи с этим, оценивая Французский гражданский кодекс, он признавал средний уровень состояния науки гражданского права Франции периода спешной подготовки и принятия Французского гражданского кодекса. Савиньи признавал высокий научный уровень Потье, фундаментальный труд которого «*Traité sur les obligations*» (1760) оказал большое влияние на состав всех положений Гражданского кодекса Наполеона. «Но юридическая литература, – писал Савиньи, – в которой есть только один и его чествуют и изучают почти как источник, должна вызывать сомнение» [1, с. 157]. Научный уровень разработчиков Французского гражданского кодекса Савиньи оценивал весьма скептически. По-видимому, и наука является национальным достоянием и также вырастает из народного духа.

Но если Савиньи говорит еще о формировании права, как об общем деле, в котором участвует и наука, то Г.Ф. Пухта, напротив, склоняется к естественному саморазвитию права [2, с. 168]. Право развивается, по его мнению, из народного духа, как растение из зерна, причем наперед predeterminedена его форма и ход развития. Отдельные личности являются только пассивными носителями идей не ими создаваемого права.

Логично провести параллели и с российской наукой гражданского права, которая, по этой логике, также должна вырасти из народного духа и стать национальным достоянием.

Обращаясь к истории науки гражданского права, следует отметить, что Свод законов Российской империи в части регулирования гражданских отношений не удовлетворял потребностям общества, и в 1882 году было принято решение о разработке проекта Гражданского уложения Российской империи. Хотя оно и не было принято и введено в действие, выполненная беспрецедентная по объему работа по его разработке может свидетельствовать, что к концу XIX века гражданское право выросло из народного духа России. И есть авторитетная оценка российской цивилистической школы, сложившейся до 1917 года, как одной из лучших в мире. С другой стороны, отмечая следование Е.В. Васьковского в своем учебнике гражданского права традициям германской цивилистики, А.А. Башмаков в рецензии на указанный учебник отмечает, что при «теперешнем положении нашей гражданско-правовой литературы мы не можем претендовать на самобытную схему. Время не настало. Не созрел момент» [3, с. 36].

Современный цивилист В.А. Белов признает генеральным направлением развития российской научной мысли сочетание немецкой ученой содержательной строгости с французским изяществом формы и видит причины этого в том, что истоки образования большинства российских цивилистов находятся в зарубежных университетских центрах. По возвращении оттуда они предлагали учащимся институты и конструкции, которые преподносили им зарубежные наставники [4, с. 102]. Также В.А. Белов обращает внимание на разрыв в российской цивилистике связи времен и поколений [4, с. 103], очевидно, вызванной социалистическим экспериментом. Это – убедительные предостережения против неоправданно высоких оценок до-революционной российской цивилистики.

При таких условиях самое время искать пути, позволяющие выйти к самобытной цивилистической мысли. Очевидно, что это долгий и сложный процесс, но, во всяком случае, цивилистическая наука могла бы в большей мере сосредоточиться над исследованием гражданско-правовой и связанной с нею социальной реальности и в меньшей мере пренебрегать этими реальностями и стремиться привнести в учебный процесс абстрактные теоретические построения.

В.А. Белов видит как основной недостаток преподавания учебной дисциплины гражданского права упор на изучение гражданского законодательства [4, с. 110]. К тому же и законодательство, по его

мнению, преподается путем чтения с кафедр либо учебников, либо законов [4, с. 129]. Поэтому В.А. Белов предлагает в первую очередь изучать «гражданско-правовые категории и методы (приемы) оперирования с ними (Общая часть гражданского права); лишь после можно приступить к изучению отдельных гражданско-правовых институтов (Особенной части), но безотносительно к содержанию современного ему законодательства, а в том виде, в котором они сконструированы юридической наукой. Вопрос о том, насколько таковые отразились в современном учащемся гражданском законодательстве, по идее должен носить либо сугубо иллюстративный характер, либо изучаться в рамках дисциплин специализации. «Изучение же законодательства не должно сводиться к одному только его прочтению и комментированию (усвоению буквального смысла) – учащийся должен понимать те причины, которые привели к узаконению института в том или другом виде... видеть те тенденции, которые обуславливают ближайшие законодательные изменения, ибо практикующему юристу важно не просто своевременно отслеживать таковые, но максимально возможно предвидеть их» [4, с. 127].

Это очень дискуссионные утверждения, особенно на фоне данной В.А. Беловым характеристики преподавания гражданского права как чтения с кафедр учебников и законов. Если преподавание действительно выглядит таким образом, то нужно ставить и решать проблему профессионального уровня преподавания. Эта проблема переходом от курса гражданского законоведения к курсу науки гражданского права не решается, а, пожалуй, только усугубляется. Если сейчас ученые преподают, читая с кафедр учебники и законы, то перспектива перехода к преподаванию науки гражданского права не обещает никаких положительных результатов.

Если же признать, что проблемы профессионального уровня преподавания не существует, то и в этом случае предлагаемая нам реформа скорее создаст дополнительные поводы для неудовлетворенности. Во-первых, недостаток всей юридической науки и практики преподавания права заключается как раз в том, что они внимание к нормативному материалу ограничивают рамками иллюстрации. Во-вторых, как научные исследования, так и изучение права могут идти двумя путями: 1) от эмпирического материала к теоретическим обобщениям; 2) от теоретических обобщений к эмпирическому материалу. При плохом качестве научных исследований и преподавания положительный результат будет слабым и в первом и во втором случае. Но все-таки изучение эмпирического материала дает хоть что-то. А путь

от теоретических обобщений высшего уровня к эмпирическому материалу, да еще и подаваемому только в виде иллюстрации, при том уровне преподавания, как его характеризует В.А. Белов, пройдет редкий учащийся.

Да и при надлежащем уровне преподавания и научных исследований путь, предложенный В.А. Беловым, грозит тем, что до эмпирического материала преподаватель со студентами или исследователь тоже, скорее всего, вообще не дойдет. Объемные тома учебников по гражданскому праву изучаются с более или менее заметным результатом преимущественно теми, кто претендует на звание кандидата наук по специальности 12.00.03.

Что касается задачи научить учащихся понимать причины узаконения того или иного института, видеть тенденции, которые обуславливают ближайшие законодательные изменения, и предвидеть эти изменения, то ведь всерьез об этом сегодня говорить нельзя. Сегодня думать об этом практикующему юристу некогда. Не будем говорить о причинах, но сегодня даже немногие из ученых имеют возможность изучать содержательные, дискуссионные научные труды ведущих российских цивилистов. Поэтому надо бы стремиться быть ближе к реальности, а не привносить в изучение права, законодательства и практики его применения теоретические построения, которые мало того, что чужды им, но и не востребованы с точки зрения практики.

С другой стороны, путь от эмпирии к теоретическим обобщениям очень перспективен, если речь идет о добротном научном исследовании или о надлежащем преподавании. При этом в любом случае постигается эмпирический материал, а стоя на прочном эмпирическом фундаменте подняться можно и на вершину юридической науки. Уже студентов, изучающих право, «готовят анализировать законодательные акты и судебные решения с тем, чтобы они умели извлекать правовую доктрину из этих официальных источников», – пишет Рональд Дворкин [5, с. 18]. Это – путь от эмпирии к теории.

Рудольф фон Иеринг деятельность юриспруденции (юридической науки) рассматривал в качестве первого приема, используемого ею по отношению к сырому материалу закона. Даже классик мировой юриспруденции рекомендует подниматься от эмпирии до уровня понятий, институтов, до юридической конструкции как обработки правового материала с помощью «естественно-исторического метода, до высшего агрегатного состояния права, до системы, которая уже сама

становится источником нового материала» [6, с. 357-381]. И это – путь от эмпирии к теории.

Что касается ситуации в России, то следует признать в целом ненормативный характер отечественной цивилистической науки. Сколько бы ни звучали утверждения о том, что у нас в учебных заведениях изучают законоведение и гражданское законодательство, а не юридическую науку и науку гражданского права, остается фактом, что студенты не получают навыков работы с нормативными текстами, поскольку их учителя тоже не имеют таких навыков. Поэтому их знания о содержании права, гражданского права, в частности, являются отрывочными и бессистемными.

Представляется перспективным смещение акцентов в изучении права и в научных правовых исследованиях с аспекта *de lege ferenda*, когда речь идет о том, как усовершенствовать законодательство, на аспект *de lege lata*. Студентов в первую очередь надо учить той цивилистической методологии, которую предложил нам Е.В. Васьковский больше ста лет назад [7]. Естественно, эта методология должна быть актуализирована, углублена, расширена и дополнена. Она не должна ограничиваться гражданско-правовой проблематикой и должна изучаться как отдельный предмет. В дополнение к этому должны быть соответствующим образом смещены акценты в изучении всех дисциплин юридического профиля, в том числе гражданского права, что позволило бы постепенно перейти к подчинению юридического образования потребностям практики правоприменения и одновременно создало бы новые предпосылки для повышения теоретического уровня подготовки юристов.

Европейский опыт по причинам, которые здесь не будут анализироваться, отверг так называемую «школу толкования». Победила ее судебная практика, взявшая на себя функцию разработчика канонов правотолкования. Да, теория правотолкования должна быть разработана на добротной эмпирической базе, но ведь – не судьями, а учеными высшей квалификации. Как ученые самой высшей квалификации не смогут создать теорию правотолкования и теорию вообще без добротной эмпирической базы, так и судебная практика сама без помощи науки не может создать учение о правотолковании.

А главное – это то, что тщательные исследования эмпирического материала и изучение его студентами высших учебных заведений позволило бы приблизить науку гражданского права и изучение дисциплины гражданского права к тому, что классиками права считалось вершиной юридического образования.

Литература

1. Савиньи фон, Ф.К. О призвании нашего времени к законодательству и юриспруденции / Система современного римского права. В 8 т. Т. I. – М.: Статут, 2011. – С. 128-207.
2. Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. – М.: РОССПЭН, 2010. – 520 с.
3. Башмаков А.А. Рецензия на книгу Е.В. Васьковского «Учебник гражданского права» / Васьковский Е.В. Учебник гражданского права. – М.: Статут, 2016. – С. 36-39.
4. Белов В.А. Гражданское право. Общая часть. Т.1. Введение в гражданское право: учебник для бакалавриата и магистратуры. – М.: Юрайт, 2016. – 622 с.
5. Дворкин Р. О правах всерьез. – М.: РОССПЭН, 2004. – 392 с.
6. Иеринг фон, Р. Избранные труды. В 2-х т. Т. II. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2006. – 547 с.
7. Васьковский Е.В. Цивилистическая методология. Учение о толковании и применении гражданских законов. – М.: Центр ЮрИнфоР, 2002. – 508 с.

Чиришьян Анжелика Рубеновна,
аспирант кафедры гражданского права
Кубанского государственного аграрного университета
им. И.Т. Трубилина

Энергосбережение в гражданском праве

В настоящее время связи с вопросом сохранения окружающей природной среды для будущих поколений очень остро стоит задача энергосбережения во всех отраслях экономики России. Что, в свою очередь, делает весьма актуальной проблему разработки гражданско-правового механизма энергоснабжения с использованием возобновляемых источников энергии. Именно он должен стать гарантом качественной и надежной организации энергосберегающих мероприятий. Для гарантированно-выгодного и бесперебойного функционирования генерирующих объектов необходимо четкое правовое регулирование отношений в сфере альтернативной энергетики, а для этого необходимо избавиться от пробелов в существующем российском законодательстве.

Так, Декларация ООН по окружающей среде и развитию 1992 г. провозгласила принцип адекватного удовлетворения потребностей

нынешних и будущих поколений в области развития окружающей среды. Это означает, что энергетика будущего не может обойтись без энергосбережения и увеличения использования возобновляемых источников энергии (ВИЭ).

В 1995 г. были изданы законодательные акты на уровне Президента и Правительства РФ, которые предусматривали некоторые меры по энергосбережению в России. Первым законом, который положил основу правового использования ВИЭ в РФ можно считать принятый годом позже Федеральный закон «Об энергосбережении», который ввел понятие ВИЭ и вовлечения их в хозяйственный оборот, но реальные предпосылки их использования так и не были закреплены на уровне закона. Следующей попыткой создания нормативно-правовой базы можно считать принятый Государственной Думой в 1999 году закон «О государственной политике в сфере использования нетрадиционных возобновляемых источников энергии», однако был отклонен Президентом РФ. По мнению Комитета Совета РФ по вопросам экономической политики базовое положение о приоритетности развития возобновляемых источников энергии противоречило существующим положениям программ социально-экономического развития России, а именно, Федеральной целевой программе

«Энергосбережение России (1998-2005 гг.)», где главенствующая роль была предоставлена нефти, газу и атомной энергии.

Но в 2001 году была вновь предпринята попытка поднятия вопроса об альтернативной энергетике, и она оказалась более эффективной предыдущей: результатом стало принятие Федеральной целевой программы «Энергоэффективная экономика на 2002-2005 годы и на перспективу до 2010 года»¹, где были установлены некоторые задачи по замещению в северных регионах углеводородного топлива возобновляемыми ресурсами.

В том же году Правительство РФ утвердило Энергетическую стратегию на период до 2020 г., в которой в общем виде закреплена необходимость использования возобновляемых источников энергии для решения проблем обеспечения энергоснабжения населения и снижения вредных выбросов от энергетических установок в городах со сложной экологической обстановкой.

---

¹ Федеральный закон «О федеральном бюджете на 2004 год» от 23.12.2003 № 186-ФЗ //669 Федеральная целевая программа «Энергоэффективная экономика на 2002-2005 годы и на перспективу до 2010 года» // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс»

Законодательно же впервые понятие возобновляемых источников энергии было раскрыто в Федеральном законе «Об электроэнергетике» от 26.03.2003 года: энергия солнца, энергия ветра, энергия вод (в том числе энергия сточных вод), за исключением случаев использования такой энергии на гидроаккумулирующих электроэнергетических станциях, энергия приливов, энергия волн водных объектов, в том числе водоемов, рек, морей, океанов, геотермальная энергия с использованием природных подземных теплоносителей, низкопотенциальная тепловая энергия земли, воздуха, воды с использованием специальных теплоносителей, биомасса, включающая в себя специально выращенные для получения энергии растения, в том числе деревья, а также отходы производства и потребления, за исключением отходов, полученных в процессе использования углеводородного сырья и топлива, биогаз, газ, выделяемый отходами производства и потребления на свалках таких отходов, газ, образующийся на угольных разработках¹.

В 2007 же году были приняты изменения в этот ФЗ, определяющие способы поддержки объектов возобновляемых источников энергии:

- предоставление субсидий для компенсации стоимости присоединения генерирующих установок на основе возобновляемых источников энергии

- были введены реестры выдачи и погашения сертификатов, которые подтверждали объем произведенной на основе возобновляемых источников энергии электроэнергии (так называемые зеленые сертификаты)

- так же были введены системы надбавок к рыночной стоимости электроэнергии на оптовом рынке

Правительством Российской Федерации был так же разработан Проект Концепции Энергетической стратегии России на период до 2030 г., положения которой об использовании ВИЭ практически копируют Энергетическую стратегию до 2020 г., так как это даст предпосылки к снижению экологической нагрузки и негативного воздействия на окружающую среду. Новая энергетическая стратегия России отмечает развитие нетопливной энергетики — атомной, возобновляемой, включая гидроэнергетику — как одно из важных стратегических

---

¹ Федеральный закон «Об электроэнергетике» от 26 марта 2003 № 35-ФЗ с изменениями на 18 июля 2017 года. Ст.3.: Электронный ресурс/ URL: <http://docs.cntd.ru/document/901856089> (дата обращения: 11.03.2018).

направлений развития национальной энергетики, однако разработку федерального закона о возобновляемых ресурсах не предусматривает.

Постановлением Правительства РФ от 3 июня 2008 г. № 426 «О квалификации генерирующего объекта на основе возобновляемых источников энергии» были установлены критерии, определяющие генерирующие объекты, имеющие право на государственную поддержку. Основным критерием, устанавливающим такой генерирующий объект, названо функционирование на основе исключительно возобновляемых источников или в режиме комбинированного использования возобновляемых и иных источников энергии.

В июне 2008 г. был издан Указ Президента Российской Федерации № 889 «О некоторых мерах по повышению энергетической и экологической эффективности российской экономики», который стал определяющим документом для проведения мероприятий в этих областях.

8 января 2009 г. принят один из наиболее важных на сегодняшний день документов — Распоряжение Правительства № 1-р «Основные направления государственной политики в сфере повышения энергетической эффективности электроэнергетики на основе использования возобновляемых источников энергии на период до 2020 г.», устанавливающий принципы государственной политики, комплекс мер по развитию и целевые показатели (показатель в 4,5% электроэнергии на основе ВИЭ к общей генерируемой энергии к 2020 г.)¹.

Представители науки также не обходят вниманием проблемы возобновляемых источников энергии. Так, ученые Кольского Научного Центра РАН Н. Н. Дмитриева и Г. С. Дмитриев предлагают свое видение будущего закона о ВИЭ с учетом опыта зарубежных стран — налоговые льготы, гарантия налоговой стабильности, право свободного доступа к сети централизованного энерго-снабжения субъектам малого предпринимательства, развивающих и использующих энергетику на ВИЭ.

Дальнейшее успешное и эффективное развитие возобновляемых источников энергии не представляется возможным без разработки новых юридических норм, которые бы соответствовали современным реалиям социально-экономических отношений.

---

¹ SOLUTION EXCHANGE: Электронный ресурс/ Зарубежный и российский опыт по стимулированию ВИЭ, местных видов топлива и вторичных энергоресурсов. URL: <http://solex-un.ru/energo/reviews/opyt-ispolzovaniya-vie/obzor-2-opyt-po-stimulirovaniyu-vie> (дата обращения: 06.03.2018).

Представляется необходимым на государственном уровне:

- ввести определенные ограничения на добычу исчерпаемых природных ресурсов;
- установить налоговые льготы для предприятий, использующих энергию, преобразованную из возобновляемых источников энергии;
- установить определенные квоты для потребителей;
- ввести систему поощрений при использовании энергии, преобразованной из возобновляемых источников;
- ввести субсидирование и облегченное налогообложение для производителей оборудования, преобразовывающего энергию из ВИЭ.

На начальном этапе развития нормативно-правовой базы для сферы альтернативной энергетики необходимо определить баланс частных и публичных интересов в этой области.

Публично-правовое регулирование отношений в сфере альтернативной энергетики преследует определенные задачи, такие, как создание благоприятных условий для развития использования ВИЭ, энергетическая безопасность государства. Так, профессором Камышанским В.П. “предлагается следующая классификация правовых средств регулирования общественных отношений в сфере использования ВИЭ, отличающихся в силу своей императивности по характеру воздействия и степени самостоятельности, предоставляемой субъектам частного интереса:

- введение общих правил-запретов (злоупотребление правом, запрет на монополистическую деятельность и пр.);
- установление ограничений вещных прав на объекты электроэнергетики, использующие ВИЭ;
- ограничение свободы договора посредством императивных норм, регулирующих имущественные отношения, связанные с содержанием и заключением договора (публичный договор оказания услуг по передаче электрической энергии; договор энергоснабжения, заключаемый гарантирующим поставщиком);
- ограничения предпринимательской деятельности, не связанной с генерированием энергии от использования ВИЭ;
- меры, направленные на содействие обеспечению публичного порядка на товарном рынке ВИЭ (защита производителей энергии из ВИЭ от недобросовестной конкуренции со стороны организаций, за-

нимающих доминирующее положение в сфере производства и использования энергии)¹.

Таким образом, важным аспектом сферы энергосбережения является возникновение предпосылок совершения гражданско-правовых сделок на розничном рынке электрической энергии с таким товаром как электрическая мощность, в качестве которых можно выделить как наличие оснований для продажи потребителем другим субъектам электрической энергии, высвобожденной в результате проведения энергосберегающих мероприятий на принадлежащих ему объектах и целесообразность введения института купли-продажи электрической мощности в таких случаях.

Анализируя вышеперечисленные правовые акты, мы можем сделать вывод о том, что в гражданском законодательстве отсутствует прямое выделение электрической мощности как отдельного объекта гражданских прав, и, следовательно, необходимо его введение для дальнейшего успешного развития сферы энергосбережения.

Литература

1. Федеральный закон «О федеральном бюджете на 2004 год» от 23.12.2003 № 186-ФЗ //669 Федеральная целевая программа «Энергоэффективная экономика на 2002-2005 годы и на перспективу до 2010 года» // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Федеральный закон «Об электроэнергетике» от 26 марта 2003 № 35-ФЗ с изменениями на 18 июля 2017 года. Ст.3.: Электронный ресурс/ URL: <http://docs.cntd.ru/document/901856089> (дата обращения: 11.03.2018).

3. SOLUTION EXCHANGE: Электронный ресурс/ Зарубежный и российский опыт по стимулированию ВИЭ, местных видов топлива и вторичных энергоресурсов. URL: <http://solex-un.ru/energo/reviews/opyt-ispolzovaniya-vie/obzor-2-opyt-po-stimulirovaniyu-vie> (дата обращения: 06.03.2018).

4. CYBERLENINKA: Электронный ресурс/ Научный журнал КубГАУ №92(08) 2013 г., Гражданско-правовое регулирование использования возобновляемых источников энергии. Научная статья д.ю.н. Камышанский В. П., к.ю.н. Диденко А. А., Ксиропулос С. Г. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/grazhdansko-pravovoe-regulirovanie-ispolzovaniya-vozobnovlyaemyh-istochnikov-energii> (дата обращения: 14.11.2017).

---

¹ CYBERLENINKA: Электронный ресурс/ Научный журнал КубГАУ №92(08) 2013 г., Гражданско-правовое регулирование использования возобновляемых источников энергии. Научная статья д.ю.н. Камышанский В. П., к.ю.н. Диденко А. А., Ксиропулос С. Г. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/grazhdansko-pravovoe-regulirovanie-ispolzovaniya-vozobnovlyaemyh-istochnikov-energii> (дата обращения: 14.11.2017).

Щенникова Л. В.,
доктор юридических наук, профессор,
заведующая кафедрой гражданского права
Кубанского государственного университета

**Теоретическое и философское понимание принципов
и их значение для вещно-правового регулирования
имущественных отношений**

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в
рамках научного проекта № 18-011-00621*

В философской науке нет, пожалуй, понятия более значимого, чем принцип. Принцип в философии – это первоначало, первооснова, некий исходный пункт¹. С указания принципа начиналась наука у великих мыслителей. Так, Гераклит основанием науки считал огонь, Пифагор – число, Фалес – воду, Анаксимен – воздух, Гегель – идею, Шопенгауэр – волю. В принципах философы усматривали как объективную причину, без которой ничего не может существовать и развиваться (Аристотель), так и субъективное средство пригодное для трансцендентального и практического употребления (Кант). Философская наука доказывала, что в любой системе, подвергаемой познанию, должно быть основание, то есть совокупность положений (принципов), которые распространяются на все изучаемые явления. Принцип в таком случае составляет некую общую форму, обобщенно формулирует требования, дающие общие направления для развития научной деятельности. Вот почему задачей любой науки является поиск и выработка таких положений, которые обладают наибольшим внутренним единством и наибольшей полнотой содержания. Русский философ В.С. Соловьев, рассуждая о роли принципов, подчеркивал, что нерешенность задачи построения системы принципов доказывает будущность существования самой философской науки².

О значении принципов для гражданско-правового регулирования имущественных отношений писали в своих трудах и представители цивилистической науки. Профессор Е. В. Васьковский, воспринимая мрачную картину состояния гражданского права, созданную К. Н. Кавелиным, в центре которой ветхое здание (старая храмина),

---

¹ Философский словарь / Под ред. М.М. Розенталя. М., 1975. С. 329.

² Энциклопедический словарь. Том. 25 / Издатели Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. СПб., 1898. С. 238.

построенное из «разнопестрого материала», призывал воздвигнуть новое красивое гражданско-правовое здание на «правильных» теоретических основах¹. Эти теоретические основы, подчеркивал Е. В. Васьковский, с необходимостью должны быть открыты цивилистической наукой и сформулированы в виде принципов. Только на основе продуманной системы принципов, с точки зрения теории Е. В. Васьковского, возможно создание качественного конкретно-правового регулирования.

О значении принципов в гражданском праве писали и в совместно созданном «Курсе гражданского права» в конце XIX века Г. Ф. Шершеневич и С. А. Муромцев. Они призывали цивилистов найти те необходимые общие мысли, главные направления, которые впоследствии должны быть заложены законодателем во всю совокупность создаваемых гражданско-правовых норм². Преобладание в законодательстве принципов, подчеркивали классики, говорит в пользу совершенства последнего. К сожалению, констатировали ученые, отечественное гражданское законодательство, как правило, ограничивается установлением отдельных норм³. Идеи значения принципов для отрасли гражданского права можно обнаружить и в очерках общей теории гражданского права С. А. Муромцева, увидевших свет в 1877 году. На страницах этого издания С.А. Муромцев писал, что первенствующее место в нашей науке должно быть отведено задаче «сознательной выработки руководящих принципов гражданского права»⁴. Гражданское право дореволюционные цивилисты называли правом на вещественные ценности. Вот почему создание принципов вещно-правового регулирования всегда составляло задачу особого рода.

Вещному праву, как подотрасли права гражданского, с принципами хронически не везло. Их не было в Своде законов гражданских Российской Империи (том 10)⁵. Не содержал основных начал соответствующий раздел «Вещное право» ГК РСФСР 1922 года. По вполне понятным причинам в отсутствие специального вещно-правового регулирования не было принципов у института права собственности в советский период развития нашей страны. В 1994 году с принятием

---

¹ Васьковский Е.В. Учебник гражданского права. Выпуск II. Вещное право. СПб., 1896 // URL: <http://civil.consultant.ru/elib/books/24/>

² Курс гражданского права / Г. Ф. Шершеневич, С.А. Муромцев. М., 1877. С. 9-13

³ Муромцев С.А. Очерки общей теории гражданского права. Часть 1. М., 1877. С.181-185,189, 190, 193.

⁴ Там же. С. 189.

⁵ Свод Законов Российской Империи. Том X // URL: <http://civil.consultant.ru/reprint/books/211/1.html>

первой части ГК, казалось бы, «процесс пошел». Среди основных начал гражданского законодательства в ст. 1 ГК появился и принцип вещного права, а именно: неприкосновенность собственности. Однако законодатель не смог его раскрыть, и понимание неприкосновенности собственности свелось в России к конституционной норме (ст. 35 Конституции РФ), устанавливающей невозможность лишения права собственности иначе как по решению суда.

Понимание значения принципов для системы гражданско-правового регулирования было заявлено в указе Президента РФ № 1108 от 18 июля 2008 года «О совершенствовании Гражданского кодекса Российской Федерации»¹. Главной задачей инициированных Президентом РФ процессов модернизации было провозглашено «дальнейшее развитие основных принципов гражданского законодательства в Российской Федерации, соответствующих новому уровню развития рыночных отношений»². Вполне понятно, что речь шла о гражданском праве в целом, состоящим из нескольких основных подотраслей, включая право вещное. Как известно, принципы гражданско-правового регулирования выделяются как отраслевые, так и принципы подотрасли, включая также принципы и отдельных институтов гражданского права. Следует констатировать, что для вещного права не было сформулировано принципов (основных начал) в «Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации»³. Отсутствуют они и в проекте второго раздела ГК РФ «Вещное право» подготовленного для обсуждения и принятия Государственной Думой Российской Федерации⁴. Соответствующий раздел открывается в тексте проекта отнюдь не принципиальными, руководящими положениями, выработанными для регулирования отношений принадлежности материальных благ, а подразделом владения, в котором речь идет о понимании владения как факта, его видов и механизме владельческой защиты.

---

¹ О совершенствовании Гражданского кодекса Российской Федерации: Указ Президента РФ от 18.07.2008 № 1108 (ред. от 29.07.2014) // Собрание законодательства РФ. 2008. № 29 (ч. 1). Ст. 3482.

² Там же.

³ Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации (одобрена решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 07.10.2009) // Вестник ВАС РФ. 2009. № 11.

⁴ О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Проект Федерального закона № 47538-6 (ред., принятая ГД ФС РФ в I чтении 27.04.2012) // СПС «КонсультантПлюс».

Есть в подготовленном законопроекте подраздел второй, озаглавленный «Общие положения о вещных правах». В нем речь идет о понятии вещного права, его объектах и видах. Есть в подразделе специальные статьи о приобретении и осуществлении вещных прав. Отдельная глава (глава 16) посвящается защите вещных прав. Однако о принципах подотраслевого регулирования и здесь нельзя обнаружить даже упоминания. Подраздел третий второго раздела проекта ГК открывается общими положениями о праве собственности. Но в семи обобщающих регулирование отношений собственности статьях также нет упоминания о принципах данного института, в том числе, не называется и не раскрывается в данной главе содержание такого важного принципа, как неприкосновенность собственности.

Следует подчеркнуть, что принимая указ «О совершенствовании гражданского кодекса», Президент РФ подчеркнул, что разработчикам проекта важно руководствоваться новейшим положительным опытом модернизации гражданского законодательства в зарубежных странах, в том числе в государствах-участниках Содружества независимых государств (подпункты «в», «г», «д» пункта 1 Указа № 1108). С учетом данных рекомендаций, возможно, было обратиться, например, к специальному закону Китайской народной республики «О вещных правах», принятому 14 марта 2007 года¹. Символично, что в этой стране вещно-правовое регулирование открывается разделом 1 «Основные положения», глава 1 которых специально озаглавлена «Основные принципы». Законодатель Китая для подотрасли вещного права счел важным сформулировать, например, принцип «правового определения вещных прав» (ст. 5). Данная статья не только провозглашает данный принцип, но и раскрывает его содержание. В ней закреплено, что виды вещных прав и их содержание устанавливается исключительно законодательством. Закреплен в этой стране и принцип открытости вещных прав. Он раскрывается в ст. 6 указанного закона и имеет специфику по отношению к недвижимому и движимому имуществу. Возникновение, изменения, передача и прекращение вещных прав на недвижимое имущество, констатируется в законе, должно проходить регистрацию в соответствии с положениями законодательства. Что касается возникновения и передачи вещных прав на движимое имущество, то эти процессы должны проходить в строгом соответствии с законом. Отдельный принцип в КНР посвящен приобретению и реализации вещных прав. Он называется принципом

---

¹ Закон КНР «О вещных правах» от 16 марта 2007 г. // URL: http://chinalawinfo.ru/civil_law/law_real_right

соответствия закона и следования общественной морали (ст. 7). Интересно, что приобретение и реализация вещных прав в этой стране подчиняется действительно не только закону и интересам иных лиц, но и морали, а также общественным интересам.

Плодотворным было бы, на наш взгляд, использовать опыт законодательного регулирования принципов вещного права гражданским законодательством Республики Беларусь. В ст. 2 ГК этой страны неприкосновенность собственности не только провозглашается, но и уточняются очень важные содержательные моменты в его понимании¹. Так, законодатель подчеркивает, что неприкосновенно только право собственности, приобретенное законным способом. Кроме того, устанавливается, что неприкосновенность данного права гарантируется государством. Суть принципа, по мысли законодателя, заключается в том, что принудительное отчуждение имущества у собственника допускается лишь по мотивам общественной необходимости, это, во-первых. Во-вторых, обязательным является соблюдение условий и порядка отчуждения, установленных законом. В-третьих, стоимость отчужденного имущества должна быть полностью компенсирована. В-четвертых, основанием лишения права собственности может быть только соответствующий судебный акт. Таким образом, можно обнаружить подходы и интересные законодательные решения, касающиеся принципов вещно-правового регулирования в других странах. Кроме того, законодатель может учесть и наработки отечественной цивилистической науки, которая пробивают себе дорогу, хотя и, надо сказать, достаточно робко и, в основном, касаются принципа неприкосновенности собственности.²

Думается, что для построения стройного и системного вещно-правового регулирования имущественных отношений принадлежности материальных благ необходимо соответствующий раздел ГК РФ открывать общими положениями о вещных правах, среди которых в первую очередь определить основные принципы этой подотрасли. Обоснованием их необходимой системы, соответствующей современному уровню развития рыночных отношений, должна заниматься цивилистическая наука. И, как представляется, в первоочередном порядке необходимо раскрыть содержание требования «неприкосновен-

---

¹ Гражданский кодекс Республики Беларусь от 7 декабря 1998 г. № 218-3 // URL: <http://pravo.by/pravovaya-informatsiya/normativnye-dokumenty/kodeksy-respubliki-belarus/>

² Рыженков А. Я. Неприкосновенность собственности как принцип гражданского права // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 5, Юриспруденция. 2013. № 1 (18).

ность собственности», поскольку именно право собственности является первичным, наиболее полным и, как называли его дореволюционные цивилисты, сильным. Раскрыть содержание данного требования, по сути, означает сформулировать ряд основополагающих вещно-правовых принципов, распространяющих свое действие на институт права собственности.

Во-первых, собственность неприкосновенна, так как невозможен свободный (без воли собственника) доступ третьих лиц к объектам данного права. Такое правило, как представляется, должно быть закреплено в первых строках раздела второго «Вещное право». Иначе говоря, «руками не трогать», если субъект находится в отношениях принадлежности (присвоенности) данного конкретного материального блага. Собственность как экономическая категория может быть представлена двумя группами отношений. Первая группа характеризует отношение лица к присвоенным благам. Вторая группа отношений определяет взаимодействие собственника с людьми по поводу присвоенного имущества. Гражданское право, обеспечивая охрану отношениям собственности, дает возможность субъектам беспрепятственно господствовать над своими вещами. Таким образом, необходимым следствием так называемой «общественной стороны» отношений собственности и является сформулированный нами первый вещно-правовой принцип. Представляется, что он будет востребован и судебной практикой. Приведу в пример дело № 2-292/2018, рассмотренное Ленинским районным судом города Махачкалы 16 февраля 2018 года. В судебном заседании было установлено, что работники службы судебных приставов по Ленинскому району города Махачкалы пришли к гражданке А. Л. Базаевой, проживающей в городе Махачкала ул. Цадаса, 32 и потребовали освободить жилой дом, ссылаясь на то, что на него наложен арест¹. И только в судебном заседании при рассмотрении иска А. Л. Базаевой к Федеральной службе судебных приставов Российской Федерации выяснилось, что никакого ареста на дом наложено не было, и предметом рассмотрения в каком либо судебном заседании данный объект не был. Получается, что даже уполномоченные государственные органы в лице службы судебных приставов способны нарушать право собственности, в частности, в таком основополагающем правиле, как невозможность свободного доступа к объектам данного права. И судам, в том числе в названном

---

¹ Дело № 2-292/2018, рассмотренное Ленинским районным судом города Махачкалы 16 февраля 2018 года // URL: <https://rospravosudie.com/court-leninskij-rajonnyj-sud-g-machakaly-respublika-dagestan-s/act-579762498>.

нами случае, было бы удобно в обосновании своего решения ссылаться на конкретную норму-принцип, сформулированную в ГК РФ.

Во-вторых, нормативно должен быть установлен запрет (невозможность) создания препятствий в осуществлении права собственности. Собственник всей совокупностью гражданско-правового регулирования должен быть гарантирован в том, что сможет свободно реализовать предоставленные ему правомочия. Действующая редакция ГК РФ владения, пользование и распоряжение называет правами (п. 1 ст. 209), проект второго раздела ГК РФ их называет правомочиями (п. 2 ст. 223), но неизменно триада присутствует как элемент содержания права собственности. Указанные правомочия должны быть не только провозглашены, но и гарантированы в своей реализации.

Как известно в римском праве возник отрицающий (негаторный иск). Тогда он имел узкую сферу применения, защищая собственника от неправомерного присвоения права пользования (например, сервитутного права) принадлежащей ему вещью. Сегодня ст. 304 ГК РФ дает собственнику возможность «требовать устранения всяких нарушений его права», хотя бы и не соединенных с лишением владения. Как видно, формулировка негаторного иска является достаточно широкой, но на практике она неизменно ограничивалась. При этом развитие отношений собственности, необходимость защиты данного права породили новые разновидности исков. Так, распространенными стали иски об оспаривании записей в реестре прав на недвижимость, иски об исключении имущества из описи, иски о признании права или о признании права отсутствующим. Некоторые ученые, например, К.А. Усачева, все выше перечисленные иски рассматривают в качестве разновидностей иска негаторного¹. Другие ученые, например, Е.А. Суханов с данным мнением не соглашаются, указывая, что они вполне могут быть связаны с лишением владением². Думается, что принцип-запрет невозможности создания препятствий в осуществлении права собственности откроет перспективы для нормативного закрепления всей палитры возможных требований собственника в целях свободной реализации имманентно присущих ему правомочий.

В-третьих, важнейшим руководящим принципом регулирования отношений собственности должен быть, как представляется, принцип законности оснований приобретенного права. О законности основа-

---

¹ Усачева К. А. Негаторный иск в исторической и сравнительно-правовой перспективе // Вестник гражданского права. 2013. № 6. С. 90-95.

² Суханов Е. А. Вещное право: научно-познавательный очерк. М.: Статут, 2017. С. 281.

ния права собственности и иных вещных прав, как мы уже подчеркивали выше, ведет речь законодатель Китайской народной республики. Гражданский кодекс Белоруссии условием неприкосновенности собственности рассматривает законность способа, которым данное право было приобретено. И данная оговорка является очень значимой. Должна быть «прикосновенна» с позиций гражданского закона собственность вора или грабителя. Право, полученное по незаконной сделке, не может быть неуязвимо, в том числе за давностью времени. Думается, что перспективным направлением развития гражданского законодательства будет приоритет законности, в том числе законности основания приобретения права собственности.

Четвертой установкой для регулирования отношений собственности, развивающей требование неприкосновенности данного права, будет правило о принудительном прекращении права собственности только по основаниям, предусмотренным гражданским законодательством. Конституционная формулировка о невозможности принудительного лишения права собственности, иначе как по решению суда, должна дополняться правилом гражданско-правовым, подчеркивающим значения перечня оснований для принудительного прекращения данного права, который является исчерпывающим. Кроме того, этот принцип должен дополняться требованием о том, что принудительное отчуждения имущества у собственника должно сопровождаться своевременной и полной компенсацией стоимости отчужденного имущества.

Наконец, в качестве вещно-правового принципа для регулирования отношений собственности, представляется важным в нормативном порядке закрепить идею неделимости (единства) права собственности. Попытки ввести в российское гражданское законодательство доверительную собственность (траст) как институт вещного права, активно предпринимались и предпринимаются рядом авторов в настоящее время¹. Памятна история с введением доверительной собственности (траста) указом Президента Российской Федерации от 24 декабря 1993 года № 2296². Очевидно, что в российском праве нет оснований для этой сложной и очень специфической конструкции англо-американского права. Вот почему во избежание ненужных дис-

---

¹ Власова М.В. Право собственности в России: возникновение, юридическое содержание, пути развития. М., 2002. С. 64; Соколова Н.В. Доверительная собственность (траст) в континентальной Европе. М., 2012. С. VI.

² О доверительной собственности (трасте): Указ Президента РФ от 24.12.1993 № 2296 // Собрание актов Президента и Правительства РФ. 1994 № 1. Ст. 6.

куссий и законодательных ошибок представляется важным с помощью вещно-правового принципа, закрепленного в ГК РФ раз и навсегда поставить запрет процессам возрождения «разделенной» или «расщепленной» собственности.

Высказанные идеи, касающиеся построения системы вещно-правовых принципов, как представляется, помогут успешно завершить начатые процессы модернизации вещно-правового регулирования.

Зиновьева О.П.,

кандидат юридических наук, доцент,
Южный федеральный университет

Новеллы в процедуре оспаривания результатов кадастровой стоимости

03.07.2016 был принят новый Федеральный закон № 237-ФЗ «О государственной кадастровой оценке» (далее – ФЗ №237-ФЗ), который вступил в силу с 1 января 2017 года. Однако с момента вступления в силу нового закона ощутимых изменений не произошло, поскольку еще в течение 3-х лет установлен переходный период, в который еще применяются нормы прежнего Федерального закона от 29.07.1998 № 135-ФЗ «Об оценочной деятельности в Российской Федерации» (далее – ФЗ №135-ФЗ).

Решение о дате перехода к проведению государственной кадастровой оценки в соответствии с новым Федеральным законом принимается высшим исполнительным органом государственной власти субъекта Российской Федерации. Определено также, что ГКО, проведение которой начато до дня вступления в силу ФЗ №237-ФЗ, и оспаривание результатов такой оценки проводятся в соответствии с Федеральным законом № 135-ФЗ, поэтому все споры пока рассматриваются судами в рамках прежнего законодательства. ФЗ №237-ФЗ была реформирована система государственной кадастровой оценки и введены новые правила ее определения. Этот закон содержит ряд принципиальных изменений, которые, на наш взгляд, должны положительно сказаться на практике применения результатов кадастровой оценки и снизить количество обращений в судебные и административные органы с требованием об их пересмотре. В настоящей статье рассматриваются новеллы законодательного регулирования и право-

применительной практики в области государственной кадастровой оценки (далее также – ГКО).

Одним из принципиальных изменений федерального законодательства о кадастровой оценке является то, что новый закон предусматривает создание субъекта, выполняющего функцию кадастровой оценки на постоянной основе. Прежнее законодательство оставляло в тени оценочные организации, выполнявшие работу по определению кадастровой стоимости. Это было связано с их временной ролью и тем, что после утверждения результатов кадастровой оценки в процессе их применения последние не участвовали. Кроме того, оставались «за кадром» вопросы, связанные с ответственностью этих организаций, отсутствовал механизм получения разъяснений по вопросам оценки, не было ответов на вопросы, которые возникали в ходе применения полученных результатов (например, относительно примененной методики оценки). Отбор исполнителя работ по определению кадастровой стоимости и заключение с ним договора на проведение оценки осуществлялись на конкурсной основе, следовательно, исполнители этих работ могли быть разными.

В соответствии с ФЗ №237-ФЗ функции оценщика будет исполнять бюджетное учреждение, созданное субъектом РФ исключительно для этой цели и не имеющее права проводить иные оценочные работы (далее – учреждение). Создание постоянно действующего субъекта, выполняющего определение кадастровой стоимости на профессиональной основе, накапливающего по мере реализации ее целей статистический материал, безусловно, позволит выполнять работу по определению кадастровой стоимости более точно и ответственно, даст возможность учесть опыт допущенных ранее ошибок и применить его в будущем. Все убытки, причиненные в результате нарушений, допущенных бюджетным учреждением, подлежат возмещению за счет бюджетного учреждения. Субъект Российской Федерации несет субсидиарную ответственность по обязательствам бюджетного учреждения, связанным с возмещением таких убытков.

В новом законе уточняются полномочия такого бюджетного учреждения. Среди них помимо задачи определения кадастровой стоимости объектов недвижимости упоминаются предоставление разъяснений, связанных с определением кадастровой стоимости, рассмотрение обращений об исправлении допущенных ошибок. При этом в отличие от ранее действовавшего законодательства, выявленные в ходе разъяснений ошибки могут исправляться по решению самого

бюджетного учреждения. Важно отметить, что исправление такой ошибки возможно учреждением только в сторону понижения, но не наоборот. Среди ошибок, которые могут быть исправлены в указанном порядке, законом указаны единичные и системные (то есть допущенные при определении кадастровой стоимости нескольких объектов недвижимости), следовательно, их исправление предположительно может носить массовый характер. Вводится новая обязанность бюджетного учреждения, реализация которой позволит, на наш взгляд, к моменту проведения очередной оценки иметь полную информацию о динамике цен и текущей ситуации на рынке – сбор, обработка, систематизация и накопление информации, необходимой для определения кадастровой стоимости. Указанная информация ежеквартально подлежит передаче учреждением в органы Росреестра РФ с целью формирования индекса рынка недвижимости.

Кроме этого закон вводит незнакомую практике процедуру – внеочередную государственную кадастровую оценку. Эта процедура является новеллой ГКО, суть которой заключается в том, что если по объективным причинам результаты кадастровой оценки перестают соответствовать рыночным ценам на недвижимость в регионе, эти результаты должны быть пересмотрены без соблюдения сроков очередной оценки. Если ежеквартально публикуемый индекс рынка недвижимости в субъекте РФ снижается со дня проведения последней государственной кадастровой оценки на 30% и более, в субъекте РФ должно быть принято решение о проведении внеочередной ГКО. Аналогичные последствия наступают в случае оспаривания результатов определения кадастровой стоимости по основанию установления рыночной стоимости в отношении 30% объектов недвижимости в регионе и более. При этом результаты, полученные в ходе внеочередной оценки, не могут быть выше кадастровой стоимости, уже содержащейся в ЕГРН на дату такой оценки.

Законом намного упрощается порядок оспаривания результатов ГКО. Исключается необходимость предварительного обращения в комиссию по рассмотрению споров о результатах определения кадастровой стоимости (далее также – комиссию) (в настоящий момент такое обращение необходимо для юридических лиц). Более того, указанная комиссия создается только в случае принятия такого решения органами власти субъекта РФ, следовательно, ее создание не является обязательным.

Новый закон также упростил перечень документов, подлежащих предоставлению с заявлением об оспаривании результатов кадастро-

вой стоимости. Из этого перечня исключено положительное экспертное заключение на отчет об определении рыночной стоимости, проведенное экспертами саморегулируемой организации оценщиков (далее – экспертиза СРО). Указанный документ до июньских изменений 2016 года в Закон № 135-ФЗ, был обязателен для предоставления в комиссию вместе с заявлением о пересмотре кадастровой стоимости. Поскольку срок его получения составлял от нескольких дней до нескольких недель, это сказывалось на общих сроках подготовки документов. И, если заинтересованные лица не успевали подать заявление до конца календарного года, они теряли право применить результаты оспаривания кадастровой стоимости для исчисления платежей за весь этот год.

Если учесть, что стоимость экспертизы СРО никогда не была небольшой, и то, что при рассмотрении дела все равно назначается судебная оценочная экспертиза, итоговый финансовый эффект процедуры оспаривания оказывался значительно ниже, чем мог бы быть при отсутствии этих расходов. Это не могло не обесценивать значение результатов такого пересмотра с точки зрения соотношения полученной экономии и размера понесенных затрат. Поэтому новый закон вслед за Кодексом административного судопроизводства РФ и Законом № 135-ФЗ, не требует предоставления указанного документа ни в комиссию, ни в суд.

Следует отметить, что в 2017 году изменился подход к вопросу взыскания судебных расходов по делам об оспаривании кадастровой стоимости. Постановлением Конституционного суда РФ от 11.07.2017 года №20-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 111, части 5 статьи 247 и пункта 2 части 1 статьи 248 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации, частей 1 и 2 статьи 110 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами гражданки Н.Б. Слободяник и федерального государственного бюджетного учреждения «Российский сельскохозяйственный центр»¹ были признаны неконституционными положения статьи 111, части 5 статьи 247 и пункта 2 части 1 статьи 248 КАС РФ, частей 1 и 2 статьи 110 АПК в той мере, в какой этими положениями фактически исключалась возможность присуждения судебных расходов лицу, чье заявление об установлении кадастровой стоимости в размере рыночной было удовлетворено судом, а федеральному законодателю было рекомендовано внести в правовое регу-

---

¹ «Собрание законодательства РФ», 24.07.2017, № 30, ст. 4726,

лирование изменения, направленные на уточнение правил распределения судебных расходов по делам об установлении кадастровой стоимости в размере, равном их рыночной стоимости. Эти правила, по мнению Конституционного суда РФ, могут касаться уточнения диапазона отклонений с точки зрения существующих стандартов государственной кадастровой оценки, которые могут рассматриваться как допущенная ошибка или, напротив, как приемлемое отклонение. Таким образом, федеральному законодателю фактически было поручено разработать критерии допустимых и недопустимых отклонений при проведении кадастровой оценки, которые в свою очередь, могли бы влиять на право административного истца взыскивать судебные расходы. На момент написания настоящей статьи Ростовским областным судом уже рассмотрено заявление о взыскании судебных расходов по делу о пересмотре кадастровой стоимости (снижение на 58% от кадастровой стоимости) по указанному выше основанию¹. Однако, возможно, в будущем это приведет и к негативным последствиям в виде определенным образом регулируемого указанным механизмом порога снижения кадастровой стоимости – не более 50% от начальной кадастровой стоимости.

Наконец поставлена точка в вопросе о правах органов местного самоуправления на обжалование решений комиссии в случае, если по заявлению собственника земельного участка кадастровая стоимость этого участка была существенно снижена. До 2016 года законодательство о государственной кадастровой оценке отрицательно отвечало на указанный вопрос, такое право предоставлялось только собственникам земельных участков или иным их законным владельцам. В ситуации, когда собственник земельного участка обращался в комиссию, и она удовлетворяла его требование о снижении кадастровой стоимости, у органа местного самоуправления не оставалось никаких средств правовой защиты. Не учитывалось даже то, что таким решением затрагивались права и законные интересы муниципального образования, в том числе, связанные с поступлениями налоговых доходов в местный бюджет. Постановлением Конституционного Суда РФ от 05.07.2016 № 15-П «По делу о проверке конституционности положения части первой статьи 24.18 Федерального закона «Об оценочной деятельности в Российской Федерации» в связи с жалобой администрации муниципального образования города Братска»² было призна-

---

¹ См. дело №3а-605\17 по административному иску Ермилова В.В.

² «Вестник Конституционного Суда РФ», № 6, 2016

но неконституционным положение части первой статьи 24.18 Федерального закона «Об оценочной деятельности в Российской Федерации». В настоящий момент на законодательном уровне закреплена возможность оспаривания решения комиссии об определении кадастровой стоимости земельного участка в размере его рыночной стоимости органами местного самоуправления, если по заявлению собственника этого земельного участка его кадастровая стоимость была существенно снижена комиссией на основании установления ее в размере рыночной стоимости. Соответствующие поправки были внесены в Кодекс административного судопроизводства РФ, ФЗ № 237-ФЗ, ФЗ № 135-ФЗ Федеральным законом от 29.07.2017 № 274-ФЗ (ч.2.1. ст.245 КАС РФ, ч. 22.1 ст. 22 Закона № 237-ФЗ; ч. 28 ст. 24.18 Закона № 135-ФЗ).

Последние законодательные изменения приобретают еще большую актуальность, если учесть, что с 01 января 2018 года Ростовская область перешла к исчислению налога на имущество физических лиц исходя из его кадастровой, а не инвентаризационной стоимости¹. Кадастровую стоимость своего объекта недвижимости, из которой будет исчисляться налог на имущество физических лиц в 2018 году (срок уплаты – в 2019), уже можно узнать в приложении к Постановлению Правительства Ростовской области от 27.12.2016 № 881 «Об утверждении результатов определения кадастровой стоимости объектов недвижимости, расположенных на территории Ростовской области». Ставки этого налога также уже установлены органами местного самоуправления в пределах, обозначенных федеральным законодателем². Подводя итоги вышесказанному, хотелось бы выразить надежду, что последние законодательные изменения положительно скажутся на точности результатов оценки и наконец создадут механизмы, позволяющие эффективно использовать не только судебный, но и административный механизм защиты собственников недвижимости.

---

¹ См. Областной закон Ростовской области от 27.07.2017 № 1174-ЗС\ Официальный интернет-портал правовой информации www.pravo.gov.ru, 27.07.2017.

² Например, для налогообложения объектов недвижимости на территории г.Ростова-на-Дону - Решение Ростовской-на-Дону городской Думы от 24.10.2017 № 393 «Об установлении налога на имущество физических лиц».

Попова Юлия Александровна,
доктор юридических наук, профессор,
заведующая кафедрой гражданского процессуального права
Северо-Кавказского филиала Российского государственного
университета правосудия,
Почетный работник высшего
профессионального образования России,
Заслуженный юрист Кубани

Проблемы перегруженности судов в сфере гражданской процессуальной юрисдикции и пути их решения

Проблема перегруженности судей является на сегодняшний день весьма острой, сложной и актуальной. Эта проблема ставится на обсуждение судейского сообщества постоянно, но, к сожалению, действенного результата ее решения пока не найдено. Вопросы перегруженности судов волнуют теоретиков и практиков. Об этом свидетельствуют материалы международной научно-практической конференции организованной Российским государственным университетом правосудия: «Проблемы оптимизации судебной юрисдикции и судебной нагрузки на судебную систему в современных условиях». М 2016 год. Большое внимание ученых и практиков было уделено внедрению передовых технологий, нацеленных на обеспечение электронных средств в работе судов, как один из действенных способов освобождения судей от многих технических операций и создания условий более эффективной, с наименьшими временными затратами работы судей по отправлению правосудия. Наряду с проблемами технического обеспечения, большая часть работы этой конференции была посвящена выработке наиболее оптимальных процессуальных форм, способствующих оптимизации гражданского судопроизводства и как результат – снижение судебной нагрузки. Произошедшее объединение Верховного Суда и Высшего Арбитражного Суда РФ поставило задачу создания и принятия единого Гражданского процессуального кодекса РФ. Предложена уже третья Концепция будущего кодекса, определившая основные направления создания процессуального законодательства, регулирующего судопроизводство по гражданским делам, как частноправового характера так и экономического содержания. В этой связи следует тщательно прорабатывать процессуальные институты, чтобы судебная нагрузка была оптимальной, научно-теоретически, практически выверенной и реальной. Решить данную

задачу можно путем совершенствования действующего процессуального законодательства и осторожного продуманного введения новых процессуальных институтов.

Вся эта работа должна быть направлена на совершенствование законодательной базы, что, безусловно, будет способствовать повышению качества правосудия. В этой связи проблема оптимальной судебной нагрузки напрямую зависит от качества четкости законов. Одним из важных вопросов, требующих изучения, это вопрос реализации права на судебную защиту субъектами правоотношений посредством обращения в суд с иском заявлением, административным иском заявлением.

Часть 1 статьи 46 Конституции РФ закрепила: «Каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод». Эта защита осуществляется по нормам отраслевых судопроизводственных кодексов: ГПК РФ, АПК РФ, КАС РФ, УПК РФ. Конкретизируя право на судебную защиту гражданско-правового характера, отраслевое процессуальное законодательство очерчивает данное право наличием у лица, обратившегося в суд, заинтересованности в такой защите. На это прямо указано в судопроизводственных кодексах.

Так, статья 3 ГПК РФ: «Право на обращение в суд» устанавливает: «Заинтересованное лицо вправе в порядке, установленном законодательством о гражданском судопроизводстве, обратиться в суд за защитой нарушенных, либо оспариваемых прав, свобод, законных интересов».

Аналогичное положение закреплено в статье 4 АПК РФ – «Право на обращение в Арбитражный суд». Принятый Кодекс административного судопроизводства РФ (далее КАС РФ) в статье 4 -»Право на обращение в суд с административным иском заявлением», также предоставляет такое право только заинтересованному лицу.

При этом заинтересованность лица должна иметь правовой характер. На практике судьи не всегда компетентно определяют юридическое обоснование заявления, с которым обращается заявитель. Это приводит к необоснованной загруженности судов делами, не имеющими юридического содержания, а, следовательно, бесперспективны как для заявителя так и для суда.

Следует обратить внимание на правильное толкование и применение действующих норм процессуального законодательства. В частности, п.1 ч.1 ст. 134 ГПК РФ предусматривает право судьи отказать в принятии заявления в случае, если в заявлении, поданом от своего

имени, оспариваются акты, которые не затрагивают права, свободы или законные интересы заявителя.

На IX съезде судей председатель Верховного Суда РФ В.М. Лебедев, отмечая перегруженность судов делами гражданско-правовой категории, отметил, что одним из возможных решений этой проблемы может стать расширение институтов досудебного и внесудебного урегулирования споров.¹

Безусловно, практическое внедрение форм досудебной защиты прав может существенно снизить судебную нагрузку. Однако, в настоящее время, к сожалению, эти формы серьезно пробуксовывают.

Причин этому множество. Главным можно назвать неготовность общества воспринимать эти формы как реально возможные, действенные формы защиты прав.

Причинами неразвитости досудебных процедур, к примеру медиации как досудебной, так и судебной можно считать консерватизм мышления, в частности, судей.

Необходима также серьезная перестройка психологии адвокатского сообщества. В настоящее время пока адвокаты представляют свои функции в качестве противоборствующих сторон, а не сторон, способных к примирению, досудебному урегулированию спора.²

Как резерв снижения судебной нагрузки весьма обстоятельно и аргументировано доказывает С.К. Загайнова. Она, в частности, справедливо полагает, что бесспорные взыскания более эффективно можно осуществить учинением на долговом документе исполнительной надписи. Автор справедливо отмечает преимущество нотариальной надписи по сравнению с судебным приказом.³

Весьма убедительные доводы о возможных путях снижения судебной нагрузки изложены в коллективном труде ученых Уральской юридической школы.

В частности, утверждается позиция о передаче всех бесспорных дел и проведения медиации нотариусами, по мелким, незначительным искам и бесспорным взысканиям⁴.

---

¹ Российская юстиция. Материалы IX съезда судей. 2017. № 2. С. 14.

² Попова Ю.А. Альтернативные формы урегулирования гражданско-правовых споров и проблемы их практической реализации. В сб.: Альтернативные формы урегулирования гражданско-правовых споров. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Краснодар. 17 декабря 2014. С. 103-108.

³ Загайнова С.К. Судебные акты в механизме реализации судебной власти в гражданском и арбитражном процессе. М. 2007. С. 262-266.

⁴ Оптимизация гражданского правосудия России. Под. ред. проф. В.В. Яркова. М. 2007. С. 46-49.

Возражения относительно приказного производства как формы судебной защиты автор этих строк высказывал еще в 2004 г.¹

Следует понимать, что требование заявителя, лишенное правового содержания, не имеет юридических последствий для заявителя.

Такое же положение закреплено в нормах ГПК РФ, регулирующих рассмотрение дел особого производства. Законодатель обязывает заявителя указывать для какой цели ему необходимо установить тот или иной факт, имеющий юридическое значение именно для заявителя. Если такой правовой цели нет, судья должен отказать в принятии заявления на основании того, что оно юридически безразлично для заявителя.

Пункт 3 ч.1 ст. 128 КАС РФ также предусматривает отказ судьи в принятии административного искового заявления, если из административного искового заявления об оспаривании нормативного правового акта, решения или действия (бездействия) не следует, что этим актом, решением или действием (бездействием) нарушаются, либо иным способом затрагиваются права, свободы или законные интересы административного истца.

Приведенные положения законодательства дают право судье отказать в принятии искового заявления, (заявления, административного искового заявления) по мотиву обращения в суд с требованием, которое для заявителя является лишенным правового содержания.

Таким образом, рассмотрению и разрешению в суде подлежат только правовые требования физических или юридических лиц.

Такие уточняющие положения могли бы содержаться в судопроизводственных кодексах в общих положениях: «Право на обращение в суд» – а также в норме: «Отказ в принятии искового заявления, заявления, административного искового заявления)» соответственно:

«Судья отказывает в принятии искового заявления, заявления, административного искового заявления) если для лица, обращающегося в суд, оно юридически безразлично».

Четкость основания к отказу в праве на обращение в суд, сократит судебную нагрузку, т.к. суды должны рассматривать только правовые споры.

Другим фактором возможного сокращения судебной нагрузки можно считать изъятие из судебной подведомственности дел, не содержащих спора о праве – бесспорные дела. Существующий институт

---

¹ См. Попова Ю.А. Предмет судебной деятельности и предмет судебной защиты по гражданским делам. В. сб.: Современные проблемы гражданского права и процесса. Под. ред. А.В. Цихотского. Новосибирск. 2004. Вып. 2. С. 103.

исполнительной нотариальной надписи, которая учиняется по бесспорным обязательствам и имеет силу исполнительного листа, освобождает суды от дел, не содержащих спор о праве.

На наш взгляд, передача всех бесспорных взысканий под юрисдикцию суда является ошибочной и следует изъять приказное производство из ведения судов, а не загружать суды деятельностью, которую может и должен осуществлять орган бесспорной юрисдикции – нотариат.

Должник, не согласный с исполнительной надписью нотариуса, вправе оспорить ее в суде по мотиву неправомерности ее учинения. Возникнет квази-исковое производство по спору о правомерности взыскания с должника тех или иных денежных сумм.

Если предположить, что в суд обратится одна треть лиц, оспаривающих исполнительную надпись, снижение судебной нагрузки уже будет значительной.

Еще одним возможным решением, направленным на снижение судебной нагрузки, на наш взгляд, видится в том, чтобы освободить суды от деятельности, не связанной с отправлением правосудия. Мы имеем в виду передачу органам исполнительной власти в лице судебных приставов -исполнителей всю деятельность, связанную с исполнением решений суда, оставив за судом выдачу исполнительного листа и разъяснение судебного решения.

Лицо, не согласное с постановлением судебного пристава о приостановлении исполнительного производства, его прекращении, отсрочки, рассрочки исполнения и другими действиями пристава-исполнителя может прежде обжаловать его в порядке должностной иерархии (вышестоящему должностному лицу), а затем только обратиться в суд с заявлением об оспаривании постановлений, действий (бездействий) должностного лица – судебного пристава – исполнителя.

Утверждение такого порядка последующего судебного контроля по заявлению лица, не согласного с разрешением его вопроса во внесудебном порядке, позволит значительно сократить судебную нагрузку и обеспечить оптимизацию судопроизводства.

На основании изложенного, предлагаем исключить из ГПК РФ, АПК РФ разделы: «Производство, связанное с исполнением судебных постановлений и постановлений иных органов» и не включать эти положения в будущий судопроизводственный кодекс. Наконец, нельзя не отметить такой важный, как нам представляется, резерв снижения судебной нагрузки в сфере гражданского и административного судопроизводства.

производства, каким является развитие и внедрение досудебных и внесудебных форм урегулирования гражданско-правовых споров.

Именно внедрение в законодательство и судебную практику внесудебных и досудебных форм приобретает в настоящее время особую актуальность как одно из направлений снижения судебной нагрузки в сфере гражданско-правовой юрисдикции.

Речь идет о развитии и внедрении досудебной и судебной медиации.

Здесь уместно вспомнить Справку Верховного Суда РФ «О практике применения федерального закона «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)», утвержденной Президиумом Верховного Суда РФ в июне 2012 года.

В этом документе отмечалась недостаточная работа по внедрению в практику судов судебной медиации.

Обеспокоенность Верховного Суда таким состоянием досудебного урегулирования споров вполне обоснована. Неразвитость этих форм – одна из причин перегруженности судов, порой, малозначительными, иногда юридически необоснованными спорами препятствует судебной защите, качественному рассмотрению и разрешению сложных гражданских дел.

Необходимость примирительных процедур отмечена в принятой в 1986 году рекомендации Комитета Министров Совета Европы WR 86» 12» о мерах по недопущению и сокращению чрезмерной рабочей нагрузки на суды.

В Концепции единого Гражданского процессуального кодекса РФ введена специальная глава 15 «Примирительные процедуры. Мирное соглашение».¹

Содержание этой главы ориентирует законодателя на закрепление положений внесудебного и досудебного урегулирования гражданско-правовых споров, развитие и внедрение в судебную практику досудебной и судебной медиации.

Разработка и закрепление в процессуальном законодательстве отмеченных выше процедур будет в значительной степени способствовать снижению судебной нагрузки.

Аппарат Краснодарского краевого суда, изучив Справку Верховного Суда РФ, сделал вывод о необходимости активизации работы по внедрению

---

¹ Концепция единого Гражданского процессуального кодекса РФ. М. 2015. С.80-88.

медиации в деятельность судов. Состоялось заседание Совета судей Краснодарского краевого суда совместно с профессорско-преподавательским

составом Северо-Кавказского филиала Российского государственного университета правосудия, на котором были разработаны и одобрены мероприятия по практическому широкому внедрению процедуры медиации.

Особое внимание надо обратить на подготовку мировых судей процедуре медиации, так как их прямое назначение – приводить спорящие стороны к примирению. При судах необходимо создавать комнаты примирения, где медиаторы будут работать со сторонами по урегулированию конфликта путем переговоров и заключения медиативного соглашения.

Для законодательного решения вопросов досудебного и внесудебного порядка, полагаем целесообразным:

1. Принять нормативные акты, предусматривающие обязательное досудебное урегулирование отдельных категорий гражданско-правовых споров. К примеру, споры, возникающие из семейных, трудовых, жилищных правоотношений.

Споры из экономических и других предпринимательских отношений передавать на процедуру медиации при цене иска до 100 тыс. рублей.

2. Верховному Суду РФ можно войти с законодательной инициативой в Государственную Думу по принятию Закона, обязующего министерства, ведомства, органы исполнительной, законодательной власти, соответствующих уровней разработать и принять Правила, Регламенты, Положения о внесудебном порядке разрешения отдельных гражданско-правовых споров. При этом закрепить право субъекта (физическое или юридическое лицо), не согласного с результатом разрешения его спора в порядке подчиненности, обратиться в государственный суд в соответствии с подведомственностью и подсудностью этого спора.

Развитие и внедрение в практику досудебных и внесудебных форм урегулирования гражданско-правовых конфликтов будет способствовать не только снижению судебной нагрузки, но и улучшению морально-психологического, партнерского, нравственного климата между субъектами цивилистических отношений. Это в целом, будет способствовать снижению конфликтности в обществе, в целом.

Содержание

Айбатулина А.К. Жилищные права, как предмет защиты жилищных прав государственных служащих и членов их семей...	3
Баранников М.С. Тенденции развития законодательства, регулирующего требования к оказанию юридических услуг	11
Барков А.В. Методологические и научно теоретические основы моделирования российского экологического предпринимательства, как объекта правового обеспечения	19
Береснева О.С. Пожертвование как разновидность договора дарения	28
Блинников Л.А. Развитие гражданского процесса и разрешение частных проблем (некоторые размышления к 15-летию ГПК РФ)	34
Герасимов А.В. Рассмотрение арбитражными судами дел с участием органов внутренних дел	41
Гончарова А.В. Неподведомственность гражданских дел суду общей юрисдикции как основание для отказа в принятии искового заявления	45
Данилов Д.Б. Приказное производство как альтернативная процедура гражданского процесса	52
Данилов Д.Б. Возмещение имущественного вреда, причиненного преступлением в сфере долевого строительства многоквартирных домов и иных объектов недвижимости	56
Зубович М.М. О процессуальном взаимодействии сторон при возбуждении судебных дел по экономическим спорам	62
Игбаева Г.Р., Шакирова З.Р. Правовая природа криптовалют	65
Казарина Т.Н. Приказное производство: к вопросу об изменениях, внесенных федеральным законом № 45-ФЗ от 2 марта 2016 года «О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации и Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации»	70
Казарян К.В. Иностранец как субъект наследственных отношений	74
Кокоева Л.Т. Финансовая аренда: сущность и особенности...	82
Кузбагаров А.Н., Кузбагарова В.А. Императивность и диспозитивность в гражданском правоприменении	87
Кузбагаров Э.А. Использование изображения гражданина в публичном интересе с участием органов внутренних дел Российской Федерации	90

Куртяк А.И. Компенсация морального вреда, причинного имущественным правам граждан действием (бездействием) должностных лиц органов внутренних дел, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность	92
Лукьянцев А.А. О совершенствовании правовой защиты новелл гражданского кодекса Российской Федерации	95
Лусегенова З.С. Пределы законодательной унификации в правовом регулировании гражданского и арбитражного процессов	101
Максимова А.А. Семейно-правовая политика: сущность и особенности	107
Молчанов А.А., Павлов С.Э. Гражданско-правовое регулирование обязательного государственного страхования жизни и здоровья сотрудников полиции в период выполнения ими оперативно-служебных задач в особых условиях	111
Молчанов А.А., Афанасьева Е.С. Правой режим интеллектуальной собственности на служебные произведения в образовательных организациях МВД России	119
Мурзабулатов У.М. Ответственность в исполнительном производстве как самостоятельный вид юридической ответственности	125
Невский И.А. Арест как институт гражданского процессуального права	128
Неижкаша И.С. Гражданско-правовая наука о закономерностях деления сделок на ничтожные и оспоримые ...	132
Николаева Ю.Е. Правовая природа согласия на совершение сделки: проблемы теории, законодательства и судебной практики	138
Николайченко О.В. К вопросу об обязанностях суда в условиях расширения примирительных процедур	143
Петров И.В., Дементеева И.И. Преддоговорная ответственность по гражданскому законодательству Российской Федерации	149
Помогалова Ю.В. Межотраслевое регулирование гражданско-правовой ответственности, применяемой к лицам, отбывающим наказание в исправительных учреждениях	157
Михайлов С.В., Пономарева Н.В. Владение в системе вещных прав	162
Раздьяконов Е.С. Досудебные уведомления в делах о несостоятельности (банкротстве)	169

Раскатова Н.Н. Некоторые спорные вопросы возмещения судебных расходов, связанных с проведением судебной экспертизы и вызовом эксперта в суд, в гражданском процессе...	173
Ротань В.Г. Некоторые вопросы толкования правовых норм института обязательств вследствие причинения вреда	181
Самсонов Н.В. Некоторые вопросы источников гражданского процессуального права	193
Селиванова Е.С. Выселение граждан из единственного жилого помещения без предоставления другого жилого помещения: основания и ограничения	200
Семенова Е.Г. Особенности залога имущественных прав в сфере недвижимости	208
Симатова Е.Л. Перспективы унификации договорных правоотношений на территории стран-участниц Шанхайской организации сотрудничества	212
Скрябина М.В. Свобода договора как основа предпринимательской деятельности	216
Слюсарев А.В. Особенности развития авторского права в дореволюционный период	219
Смагина Е.С. Упрощенное производство в гражданских делах с участием государства	223
Старостина Е.С. Интеллектуальный анализ текста и данных: понятие, преимущества и препятствия для использования	229
Углов Ф.Г. Центральный банк Российской Федерации (Банк России) как субъект гражданских правоотношений	231
Хисматуллин О.Ю. Совершенствование порядка признания гражданина ограниченно дееспособным	235
Черткова Ю.В. Наука гражданского права и гражданское законодательство как предмет преподавания в высших учебных заведениях	242
Чиришьян А.Р. Энергосбережение в гражданском праве...	247
Щенникова Л. В. Теоретическое и философское понимание принципов и их значение для вещно-правового регулирования имущественных отношений	253
Зиновьева О.П. Новеллы в процедуре оспаривания результатов кадастровой стоимости	261
Попова Ю.А. Проблемы перегруженности судов в сфере гражданской процессуальной юрисдикции и пути их решения ...	267

Научное издание

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ГРАЖДАНСКОГО
ПРАВА И ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССА**

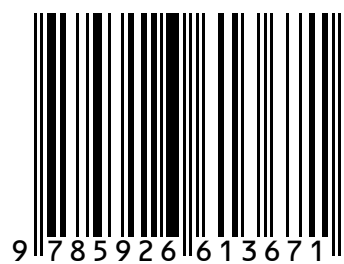
Материалы
V Всероссийской научно-практической конференции

(22 февраля 2018 г.)

В авторской редакции

Компьютерная верстка *Г. А. Артемовой*

ISBN 978-5-9266-1367-1

Подписано в печать 06.06.2018. Формат 60x84 1/16.
Усл. печ. л. 16,2. Тираж 150 экз. Заказ 674.

Краснодарский университет МВД России.
350005, Краснодар, ул. Ярославская, 128.